

Валентин ТУМАЙКИН

ВЕЛЕНИЯ РОКА

Валентин Тумайкин

Веления рока

«Accent Graphics communications»

2013

Тумайкин В.

Веления рока / В. Тумайкин — «Accent Graphics communications», 2013

Интригующие сюжетные линии романа, причудливо переплетаясь, повествуют о жизни в далеком донском хуторе в переломные 80-90-е годы XX века. Непростыми путями идут главные герои к своему счастью. Они всячески доказывают свое право на любовь. Но им не удастся обрести покой и умиротворение. Финал романа – трагичен. Своеобразная манера повествования с множеством ярких лирических отступлений делает чтение захватывающим. Тонкий юмор и грустный сарказм рисуют картину событий выразительной и реалистичной. Большое по объему произведение читается на одном дыхании. По значимости отображения исторического момента эта книга может стоять в одном ряду с «Тихим Доном» М. Шолохова.

© Тумайкин В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Глава I	5
Глава II	27
Глава III	49
Глава IV	71
Глава V	82
Глава VI	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Валентин Тумайкин

Веления рока

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!*

Федор Тютчев

Глава I

Дембель

Служил Эрудит далеко, в Приморском крае, в воинской части, расположенной в заповедной долине озера Ханка. Вот занесло, думал он, разбирая в оружейной комнате свой автомат. Зачем его увезли за тысячи километров от дома? И не его одного из Ростовской области, из разных мест: из Забайкалья, Дагестана, Чувашии. Были в его роте так же грузины, осетины, эстонцы.

«У нас в Ростове тоже стоит воинская часть. Туда, наверное, пацанов из Владивостока и Сахалина везут? Если бы все с кем я призывался, служили вместе, поближе к дому, точно не было бы никакой дедовщины! В общем, таким путем или как-то иначе дедовщину можно изжить. Наверняка можно.

Но почему ничего не меняется?» Такой вопрос сидел в голове Эрудита со вчерашнего дня, когда прошел слух о происшествии: минувшей ночью повесился солдат, по армейской классификации – «молодой». Он прослужил всего пару месяцев, «деды» запугали его, затуркали, словом, довели до самоубийства. А информация вокруг происшествия была окружена таким ореолом тайны, что практически сослуживцы узнали об этом случайно.

С каждым днем у Эрудита все сильнее укреплялось желание постигнуть причину царящих в их части бесчинств, которые противоречили его взглядам, характеру. Иногда ему казалось, что он вот-вот докопается до истины, но годами укоренившиеся казарменные устои были столь абсурдны, что найти им разумное объяснение никак не удавалось. Это само по себе еще больше распаляло не только намерение разобраться во всем, но и убеждение: значит, такие жестокие порядки кому-то нравятся.

Армию Эрудит сравнивал с джунглями, где царят дикарские нравы, где сквозь мрачные дебри произвола не пробиваются лучи элементарной порядочности.

А ведь тысячи еще не знающих жизни пацанов, хотя и наслышаны об армейских кошмарах, все равно в глубине души мечтают об армии, как о таинственной и заветной планете: там совершаются геройские подвиги, там можно проявить свою доблесть, отвагу и храбрость. Мальчишки есть мальчишки: им защита близких и могил своих предков предназначено природой, к тому же в семнадцать-восемнадцать лет мы все романтики: будущее нам еще кажется похожим на сказки, в которых добро всегда побеждает зло, в груди буйствуют благородные порывы, любовь ко всему миру, мы осознаем свое предназначение сделать его совершеннее, добрее и краше. Но, надев солдатскую шинель, оказавшись в одиночестве перед постоянной угрозой со стороны старослужащих и офицеров, внезапно убеждаешься, что мир жесток, а реальность страшнее сказок! В армии ты раб: тебя бьют по лицу и по почкам, заставляют перелопачивать прошлогодний снег, строить дачи для командиров; по прихоти сержанта ты продаешь макароны, до потери сознания ползаешь по плацу; здесь тебя искалечат или убьют. Под солдатской шинелью сердце начинает биться иначе, чувства черствеют: тебя уже не восхищает

безмолвие вечное далеких звезд, теперь ты смотришь на ночное небо с безысходной тоской, и хочется завывать по-волчьи. Так или примерно так размышлял Эрудит.

Мой дорогой читатель, вы, вероятно, удивлены несколько странным именем нашего героя. Конечно же, это – не имя, а уличное прозвище. Зовут его Виктор Донцов. Но в хуторе Заречном, в котором он родился и вырос, все его звали Эрудит, и прозвище это прилипло к нему прочно, навсегда. В армии же он был рядовой Донцов. Чтобы нам с вами, дорогой читатель, не путаться, будем, пожалуй, и в дальнейшем называть его по-уличному – Эрудит. Парень среднего роста, с широкими плечами и крепкой грудью. Коротко стриженные черные волосы открывают высокий лоб и прямые темные брови. Взгляд слегка прищуренных серо-зеленых глаз – сосредоточенный, уверенный.

* * *

Всю неделю в части стояла тишина, как будто бы все забыли о ЧП. И вдруг началась кутерьма – в срочном порядке красили бордюры, орали друг на друга офицеры, стоял топот пробежавших взводов. Всюду наблюдались озадаченные взгляды, суматоха. А на следующий день для расследования происшествия прибыла комиссия из Москвы, во главе с генералом. Командир части полковник Перегаров, как и положено, оказал ему радушный прием.

– Гостей мы любим, вам у нас понравится, – сказал он и деликатно предложил высокому гостю для начала полюбоваться красотами гор.

Генерал с мясистым носом и полным ртом золотых зубов, предвкушая обильный ужин, имел хорошее настроение, потому согласился с превеликим удовольствием. Совершая восхождение, они вели меж собой интеллигентный разговор о необъятных просторах Приморского края, о дикой красоте его уникальной природы.

– Ну что, вы тут, как бы, еще не всех изюбрей перестреляли? – интересовался генерал. – Хоть видел их?

– Как не видеть? Сколько раз приходилось, – отвечал полковник. – И оленей видел, и медведей. Если желаете, на кабанчиков можем поохотиться. Прежде, говорят, они тут полчищами ходили, теперь, конечно, их все меньше становится. Но не жалуемся, без трофеев редко бываем.

Поднимаясь сквозь пятнистую тень по травянистому покрову сопки, полковник, в свою очередь, живо интересовался столичным бомондом, спрашивал генерала, мол, не доводилось ли ему бывать на концертах Аллы Пугачевой, поинтересовался его отношением к балету, к творчеству Хачатуряна.

– Мне очень уж нравится «Танец с саблями», – с огоньком в глазах сообщил он, – особенно «под этим делом». – И щелкнул себя по шее. – Как только услышу: тара-та – та, тара-та – та, так руки сами тянутся схватить саблю и размахивать ею во все стороны, и бежать, и прыгать, как джигит. Я просто обожаю классическую музыку, она облагораживает, она возвышает душу.

– Вот как? – окинул его генерал проницательным взглядом. – По тому, какую музыку человек любит, можно судить о сущности его души.

– Тесно тут душе. В нашей глуши никакой культуры, только горы, леса да журавли, – посетовал полковник.

– Культура, культура, – задумчиво произнес генерал и поднял голову к небу. Над горными вершинами, распластав свои могучие крылья, словно в невесомости, парили два орла. – Прямо как у Арсеньева! Зачем она тебе здесь, эта самая столичная культура? Тут надо, понимаешь ли, наслаждаться великолепием этих гор, фауны и флоры, как бы абстрагироваться от цивилизации, от социальных условностей восприятия действительности для адекватного ее отражения, проще говоря, сорвать покров майи, чтоб обнаружить ноуменальный слой реальности, слиться с дикой природой, как Дерсу Узала.

Генерал долгое время работал преподавателем в военной академии и привык излагать свои мысли научными терминами, а более того любил заумными фразами сбивать с толку своих собеседников. В этой его манере было что-то такое, что напоминало гоголевского портного Петровича. Полковник не совсем понял или совсем не понял, что сказал генерал, но сделал вид, что все понял и с задумчивым видом поддержал разговор:

– Верно говорите. В принципе я согласен с вами. Я, в общем-то, так и поступаю, частенько сливаюсь с природой-матушкой. Иной раз так кошки заскребут на душе, что места себе не находишь. Тогда беру поллитровку, кое-какой закусочки и уединяюсь в этих горах. До одури не напиваюсь, конечно, а так, чтоб только в тонусе быть. Глотну чутка и хожу вот так под этими вековыми кедрами, слушаю чириканье всяких соек, кедровок, поползней да философствую о скудности нашего бытия, о мироздании, о божественности всего сущего. И наступает в душе такое умиротворение!

«О-о! Да ты, дорогой мой полковник, тихий алкоголик», – подумал генерал.

– Извините за нескромный вопрос: а вы как расслабляетесь?

– А я, понимаешь ли, как бы и не напрягаюсь, – улыбнувшись, ушел от ответа генерал и продолжил: – Ты только посмотри, какая грандиозность вокруг. Очень красочно Арсеньев описал ваши места, я, когда прочитал его, как будто сам побывал здесь. И не думал, что собственными ногами доведется топтать эти склоны. А вот видишь, как бы случай подвернулся.

Полковник внимательно следил за каждым словом и движением генерала. А тот опять поднял голову, стал наблюдать за плавающими в небесной выси орлами, дожидаясь, когда они взмахнут крыльями; не дождался и спросил совершенно неожиданно, даже, как показалось полковнику, совсем неспроста:

– Ты читал Арсеньева?

Полковник пришел в ужас, он как будто сразу сделался ниже ростом, в одно мгновение побледнел весь, насторожился и потупил глаза. «Не случайно он задает такой вопрос! Что-то за ним скрывается каверзное, что-то подразумевается? Хитрый, ох, хитрый он человек, раз задает такие провокационные вопросы». Вероятно, генералу показалось забавным замешательство собеседника, он медленно, с улыбкой, перевел глаза в его сторону. Это действие еще больше убедило полковника в том, что в вопросе злой умысел, он отвернулся, скрывая от него свое отчаянное лицо, и все медлил с ответом. Наконец раскрыл рот, но еще подумал в нерешительности, судорожно вобрал в себя воздух, виновато крикнул и ответил сконфуженно:

– Вы уж меня извините, товарищ генерал, но как-то не довелось проштудировать труды этого полководца. Времени на книжки не хватает. Все свои силы отдаю воспитанию патриотизма, подъему воинского духа офицерского и рядового состава. – Он замялся на минуту и, тяжело подышав, добавил: – Вот мой замполит точно читал. Политзанятия у нас проводятся регулярно, по два часа каждые вторник и пятницу, на которых изучаются постановления партии, разоблачаются агрессивные происки империализма в лице НАТО.

Генерал бросил вопросительный взгляд на заплывшую, стремя подбородками физиономию полковника, снисходительно улыбнулся и без тени упрека проговорил:

– Ну вот, о культуре тоскуешь, философствуешь, а сам даже Арсеньева не прочитал. Впрочем, ты знаешь, раньше философия была от Баха до Фейербаха, а теперь – от Эдиты Пьехи до иди ты на... – При этих словах хлопнул полковника по плечу и, схватившись рукой за живот, встревожил величавую тишину гор громким хохотом.

От панибратского отношения генерала сумрачная физиономия полковника просветлела, он сразу же повеселел и тоже засмеялся, при этом наклонился под старой елью и зачем-то поднял сухую сучкастую ветку. В голове мелькнуло: «Свой мужик, с таким можно найти общий язык; зря я так запаниковал».

Между тем, оставив в стороне бурелом, они, отдыхиваясь, поднимались все выше. А когда обошли валежник, на противоположной стороне обрыва увидели два выступающих из

земли валуна странной продолговатой формы. Полковник, показав на них веткой, которую все еще покручивал в руке, оживленно поведал, что силуэты этих камней в лунную ночь напоминают объятия возлюбленных. И тут же рассказал легенду о несчастной любви отважного охотника Дзуб-Гына и юной красавицы Янтун-Лазы. О том, как злые духи хотели их разлучить. Но не удалось осуществить свой коварный замысел, и тогда они превратили влюбленных вот в эти самые камни.

Издали можно было подумать, что генерал и полковник проводят рекогносцировку. Солдаты так и решили: намечается очередное учение.

* * *

Вечерело. В посеревшем небе за темным гребнем за клубился отсвет вечерней зари, в ущелье появились сумеречные тени. Вдруг вершина горы вспыхнула, и шалопутный солнечный луч срикошетил от генеральского погона.

Очертания хребта расплылись, высокая сопка стала казаться еще громадней и величественней. Налюбовавшись дикой красотой Сихотэ-Алиня, вдоволь надышавшись чистым воздухом, настоящим на запахах папоротников, статных лиственниц и могучих кедров, собеседники решили вернуться. Казалось, весь бескрайний простор навсегда погрузился в дремоту, объятый благодатной томительной тишиной, только со стороны ущелья тянул легкий ветерок. Генерал, захваченный первозданной красотой этого мгновения, раскинул руки, чтобы выразить свое душевное единение с торжеством девственной природы, словно хотел объять и горы, и синее за деревьями озеро, и безбрежное небо.

– В нынешнем году зима запаздывает, – начал рассуждать полковник. – Обычно такие теплые деньки стоят у нас в октябре, а для ноября это большая редкость.

Вдруг он заметил, как в чаще что-то мелькнуло, крупное и пестрое. Подал генералу знак, и они затаились. Из-за веток кедра, прижавшись к стволу, на них глядела рысь. Были отчетливо видны ее ржаво-желтый бок и покрытая черными пятнами голова. Генерал почувствовал, как от взгляда стеклянных неподвижных глаз по его спине пробежал холодок, и намерился бежать. Полковник молча вцепился в его рукав, давая понять, что надо стоять тихо, не делая резких движений, он знал, что в тайге свои правила: если увидишь опасность – бежать или отступать нельзя – смерть. С минуту рысь не шевелилась, потом, изогнувшись всем туловищем, прыгнула на соседний сук и скрылась в зарослях. В эту минуту в воздухе закружились редкие снежинки, а через мгновение налетел вихрь, снег повалил большими хлопьями, пронизывающий ветер резко усилился, дул порывами и бил в лицо, вышибая из глаз слезы. Перепуганные, но вместе с тем довольные, что повезло увидеть такого жуткого зверя, собеседники ускорили шаг. Через полчаса они спустились со склона и пошагали по плацу, направляясь в ленинскую комнату, где, как и предполагал генерал, их ждало отменное угощение.

* * *

Терренкур немного утомил генерала, но после первой он почувствовал небывалый прилив сил и бодрости. А полковник почтительно наливал, произносил тосты за здоровье важного гостя:

– Я очень рад был с вами познакомиться, – восклицал он, поднимая стакан из тонкого стекла. – Давайте выпьем за ваше драгоценное здоровье!

Генерал пил, прерывал изредка тосты остроумными шутками, доказывавшими, что гость находился в хорошем расположении духа. Время от времени он восторгался встречей с рысью и все сожалел, что не прихватил с собой автомат.

– Я не могу тебе передать, какое острое ощущение я пережил за это время. Ну а ты? – спрашивал он полковника. – Какие у тебя были ощущения?

– Я много раз видел рысь, для меня это привычное дело.

– Нет, я спрашиваю, каково, а?

– Да что про это говорить... Я хочу рассказать про свой полк. Мой полк отличный по всем показателям. Дедовщины нет, солдаты всем довольны, живут дружно. Давайте выпьем за славу Советской Армии!

Полковник был немногословен, боялся сказать лишнее, только придумывал, как и что он станет говорить, в ту же минуту пристально вглядывался в лицо генерала и предчувствовал, что ему не понравятся его рассуждения, поэтому говорил односложно и, казалось, старался как можно быстрее напоить своего гостя до потери чувств. Генералу стало скучно слушать отрывочные фразы лебезившего хозяина, его раздражал заискивающий тон, эта услужливость, с которой полковник произносил один за другим тосты. Но после четвертой или пятой генерал повеселел, его прорвало на анекдоты. От анекдотов сам по себе перекинулся логический мостик к политике. Вот тут-то и случился курьез.

От спиртного полковник потерял бдительность, и что-то возразил генералу по поводу здоровья Леонида Ильича Брежнева и его наград, да еще заявил о том, что, по его глубокому убеждению, не следовало вводить наши войска в Афганистан. Такой реакции генерала, какое произвело на него это мнение, полковник не мог даже и предположить. В одно мгновение и без того красное лицо захмелевшего гостя покраснело еще сильнее, побагровело и покрылось бледными пятнами.

– Молчать! Смирно! Как стоишь!? – кричал он. – Ты кто такой, чтоб сомневаться в политическом курсе Политбюро? – В порыве гнева он перевернул стол, набросился на полковника и кулаком ударил его по морде.

– Вон из моей резиденции! – кричал взбешенный генерал. – И больше не попадайся на мои глаза, сволочь!

Упитанный полковник мог бы дать отпор обидчику, но каким бы пьяным ни был, все-таки инстинкт самосохранения не позволил ему сделать этого. Он только дергался, как ошпаренный, стиснув зубы и крепко сжав кулаки.

– Вон, сказал я тебе! – вновь заорал разгневанный гость.

Тогда, не теряя своего достоинства, полковник демонстративно открыл дверь, окинул его высокомерным взглядом и решительно, но нетвердо шагнул за порог.

Оставшись наедине, генерал ходил взад и вперед, не в силах совладать с собой. Вдруг остановился, уставился на пол. Ему стало жалко котлеток, румяных пирожков, разбитой банки с маринованными огурцами и черной икры, которая, разлетевшись, изобразила на стене замысловатое произведение абстрактной живописи. Обычно в такие минуты генерал становился инициативным и энергичным. Вот и теперь ему хотелось действовать, в нем бурлила кровь. Надо было каким-либо образом выпустить пар.

– Как посмел рассуждать о политическом курсе Политбюро! Удавлю барбоса!

– прокричал он в приступе гнева, который никак не проходил, и отправился в казарму.

* * *

Время было позднее. Генерал не вошел в казарму, он ворвался как вихрь. С ходу, не отряхнувшись от снега, поднял роту по тревоге, построил по стойке «смирно» и до глубокой ночи играл в Суворова. Перемещаясь вдоль строя медвежьей походкой, он властно орал, передавая в мозги роты бесценную информацию:

– Я научу вас, мать вашу коромыслом, родину любить! Я вколочу в ваши безмозглые мозги доблесть и честь во имя отчизны!

Эрудит слушал угрозы генерала и не верил своим ушам. Ему очень хотелось спать, голова наливалась свинцом, а глаза решительно закрывались. Через минуту в казарму с бутылкой водки, в которой был утоплен корень, влетел, еще не совсем проснувшись, ротный, лейтенант Утехин. Как положено по Уставу, он поприветствовал генерала, потом представился; бледные пятна застилали щеки объятого страхом офицера. Генерал заметил его, но только махнул рукой и продолжил воспитывать роту. Кричал он все громче и энергичнее. Время от времени незаурядные способности оратора начинали давать сбой. Тогда он широким жестом подзывал к себе ротного, стоявшего наготове, браво опрокидывал поданный стакан, засовывал в рот ломтик сервелата и, неспешно пожевывая, продолжал в том же духе. А когда ему стало трудно стоять на ногах, сменил гнев на милость и даже прослезился. По-отечески обнимая каждого десантника, бормотал, что он любит солдат не меньше Суворова, что он такой же талантливый, но только скрывает это.

– Скажу вам по с-секрету, – приложив палец к губам, с трудом выговаривал он слова заплетающимся языком, – Суворов ни ч-черта не смыслил в стр-тегической ав-виации. А я в ней с-собаку съел.

Тут же по строю пронеслось тревожное: «Генерал съел собаку!?!» Вскоре, повиснув на шее рядового Замурышкина, он уснул и захрапел.

* * *

На другой день, пока генерал спал, лейтенант Утехин раздобыл ящик водки и грудастую аборигенку. Все это доставил к нему в опочивальню. Часам к десяти генерал изволил проснуться. Из его гортани послышались сиплые стоны, сквозь которые лейтенант сумел разобрать жалобное:

– В роте плохо. Ох, в роте плохо.

– Сию минуту, товарищ генерал, – отрапортовал лейтенант. При этом быстрехонько открыл бутылку, налил стаканчик и подал генералу в постель.

– Рассольчику бы сейчас, – кряхтя и морщась, безнадежно прохрипел разбитый сном и опухший после вчерашнего генерал.

– Рассола не имеем, товарищ генерал, только огурчики-с.

Их ротный Утехин самолично собрал с пола после ночного погрома. Генералу явно нравилось примерять на себя анекдоты, поэтому, пропустив стаканчик и похрустев огурцом, он устремил мутный взор вдаль, куда-то мимо лейтенанта, и выдохнул:

– В роте полегчало.

– Товарищ генерал, – обратился к нему лейтенант, – разрешите доложить о трагическом известии. – И, не дожидаясь разрешения, доложил: – По радио сказали, что умер Леонид Ильич Брежнев.

– Туда ему и дорога, – пробормотал еще не совсем соображающий генерал. Но тут же спохватился и переспросил: – Что? Что ты сказал? Кто умер? Брежнев, говоришь, умер? Вот так новость! Анекдот, да и только.

После этих слов, чуть-чуть пригнулся, смолк и стал напряженно вспоминать вчерашние события. Он помнил, что было что-то связано с Брежневым, но что именно, точно не помнил. В его голове крутилась навязчивая мысль, что вчера лично разговаривал с ним. И не только с ним, а еще и с Суворовым. «Что за бред, – подумал он. – Отчего это в моей голове одни выдающиеся личности?» И вслух пробурчал:

– Прямо мистика какая-то! М-да. Как ты думаешь, ему присвоят еще одного Героя Советского Союза, посмертно? А? Я бы, например, присвоил. Обязательно надо присвоить, ведь «дорогой и любимый», царство ему небесное, так любил ордена. Я бы непременно утешил покойного.

В эту минуту он обратил внимание на добычу лейтенанта, чему был приятно удивлен. Потянулся, сделал многозначительный вздох, внешней стороной ладони протер глаза и приказал немедленно грузить всех троих, то есть его, водку и бабу, в машину, пожелавши ехать на дачу к полковнику Перегарову.

– И не делайте умное лицо, лейтенант, вы же офицер! – подбодрил командира роты повеселевший генерал.

Утро было морозное. Генерал всматривался сквозь заиндеветые стекла «уазика», и все не мог избавиться от преследовавших его наваждений. Но тут он второй раз обратил внимание на застенчиво улыбающуюся покорную барышню. Глаза на смуглом лице – как черные угольки под елочными колочками ресничек, губы – алые, на щеках – румянец, свой, настоящий.

Он по-гусарски привлек ее за талию поближе к себе, зевнул.

– Что-то я утомился. Да и скучно мне с вами, лейтенант. Вот полковник – другое дело. С ним интересно поболтать, особенно о политике. Мыслит масштабно, шельма! Глобально, можно сказать, мыслит. Одним словом – личность!

Лейтенант почувствовал себя удалым ямщиком. Он давил на газ, сноровисто выкруливал на виражах. Машина редела, с разгона разрезая косые переносы. Он несся, не замечая следов, протоптанных ранним утром зверем в волнах мягкого снега. Дорога вела по седловине между высотами. По обе стороны стояли вековые сосны, закрывая небо. В острых изломах под белым пышным покровом чернели скелеты деревьев – бурелом, чащоба. Дорогу лейтенант знал, как свои пять пальцев, казалось, он мог бы по ней проехать с закрытыми глазами. Как-никак, мотался по этому маршруту туда-сюда ежедневно в течение трех лет. Тогда полковник Перегаров затеял стройку своей дачи. Рота лейтенанта Утехина на ней поработала ударно, с комсомольским задором. Полковник был доволен: дважды «накрывал поляну». Угощал щедро, от всей души. Чего только не было: и вяленая оленина, и шашлык из дикого кабана, и хариус, даже заливной лосось с хреном. А водки – хоть упейся. Чудные были времена. «Вообще, – лихо выкручивая баранку то вправо, то влево, раздумывал лейтенант Утехин, – такие дела полезны, с какой стороны ни посмотреть: во-первых, полковник обзавелся – считай, на халяву – прекрасным особняком; во-вторых, почти все солдаты на этой стройке приобрели строительные навыки».

Через четверть часа «уазик» завизжал тормозами возле белокаменного с резными барельефами особняка. На крыльцо выбежал полковник в шитом золотыми нитками бархатном, красного цвета халате с большими перламутровыми пуговицами. Такие халаты раньше были только у господ и помещиков. Под глазом у него светился большой лиловый фингал. Увидев гостей, полковник заулыбался и с распростертыми объятиями принял и генерала, и его даму...

Сколько гостил генерал у полковника – никто не знал, но в части он больше не появился.

В армии Эрудит вел дневник, в который ежедневно записывал свои наблюдения. О ночной истории он написал следующее:

«9 ноября, 1982 г.

После отбоя рота спала ни сном, ни духом. Вдруг раздался немилосердный крик. Я сообразил: «Тревога, пора вставать». Рота выскочила, не успев очнуться, и по команде чуждого нам голоса построилась смирно. Тогда я увидел мутанта подозрительного телосложения и сомнительного возраста. Он был весь в снегу, в генеральских погонах и громко орал. Я подумал, что мы оказались перед лицом беспощадного врага, и побледнел от испуга. Но тут прибежал ротный, лейтенант Утехин. Он загипнотизировал мутанта стаканом водки и воспитал в нас боевой дух, сказав: «Не обращайтесь, генерал натуральный». Мы поверили лейтенанту, ибо знали, что инстинкт его никогда не подводил. Поэтому немедленно преодолели страх и стали спать стоя, а генерал долго раскрывал нам глаза на военные хитрости Суворова. Он говорил, что поступки и дела показывают характер и масштабы личности.

Вот, например, у Суворова не было стратегической авиации, поэтому его армия переходила через Альпы вручную».

* * *

Шел второй год службы. Было самое начало лета. Горы, окружавшие воинскую часть с трех сторон, укутывала пелена тумана, на склонах темнел мокрый лес. Могучие кедры густой хвоей прикрывали молодняк, как наседки своих цыплят. Вековые дубы стояли обособленно, в некотором отдалении от них рассредоточились высокоствольные ильмы. Вытягиваясь ввысь, они показывали свою силу и мощь, словно угрожали предъявить дубам территориальные претензии.

Эрудит вместе со всеми драил плац до состояния зеркального блеска. Командир части полковник Перегаров самолично контролировал хозяйственные работы. Не бывало такого случая, чтобы он не находил к чему придраться. И этот не явился исключением. Тем более, был полковник явно не в духе: привычка то и дело доставать из кармана брюк носовой платок и вытирать им шею свидетельствовала о том, что он еще не опохмелился.

Его внимание привлек земляк Эрудита новобранец Димка Кучеров, который прошел мимо брошенного кем-то окурка и не поднял его. Этого оказалось достаточно – полковник озверел.

– Сержант, ко мне! – рявкнул он.

Сержант Дыбов, его все звали по прозвищу – Дыба, подбежал и вытянулся, глядя своими выпученными глазами прямо в лицо командиру.

– Кто этот рас... (шалопай)? – спросил тот, показав вытянутой рукой на Кучерова.

– Рядовой Кучеров, – ответил Дыба.

– Почему он в моем присутствии не поднял окурки?

– Не могу знать, товарищ полковник.

Перегаров загнул трехэтажным матом и наотмашь ударил Дыбу в челюсть. Дыба пошатнулся, но тут же снова вытянулся.

– Убрать! – разозлившись, гаркнул полковник. – Бегом! – Дыба побежал к окурку. – Отставить! – услышал он вслед.

Ошарашенный Дыба, сделав по инерции еще несколько шагов, встал и застыл на месте. Заметив всеобщий переполох и волнение, полковник захотел усилить впечатление.

– Пусть поднимет этот! – гаркнул он, указав на рядового Кучерова.

Тут же вместе с Кучеровым к окурку бросились все солдаты. Только Дыба молча стоял, в замешательстве не зная, что делать. Пристально глядя на него, полковник представил себе, как он снова влепил бы ему, но, увидев, как, сбивая друг друга с ног, солдаты бежали к окурку, успокоился: «Боятся, стервецы». От этого ему стало приятно, по всему его телу разлилась теплая волна, как будто ему только что почесали спину. Дымя сигаретой, как ни в чем не бывало, он вытер шею, сел в машину и уехал.

* * *

Эрудит знал, что теперь Дыба не даст житья Димке. Среди молодых новобранцев выделялся своей интеллигентностью. Он был из самого Ростова. Эрудиту нравились его городские манеры, честность. Но главное, они были земляками, а в армии землячество – это очень серьезно; земляк – это почти что брат. Поэтому они быстро и крепко подружились. Эрудит помогал ему втянуться в службу, старался, чтобы у него было всё хорошо, и его никто не смел трогать. Много раз Эрудит защищал его от Дыбы, деда-беспредельщика, известного особой жестокостью к любому, прослужившему меньше его хотя бы на полгода. Как «старик»,

по дедовским понятиям, Эрудит не имел права вставать на сторону молодого, пусть даже и земляка. Вскоре, когда рота, как всегда, гурьбой ввалилась в столовую и начала быстро растекаться между столами, Эрудита остановил на полпути Дыба и попытался объяснить ему это. С кривой усмешкой, оглядев Эрудита с ног до головы, он прогнусавил:

– Тебя не касается, не встревай. Будешь впрягаться – нарвешься сам.

От злости по скулам Эрудита перекатились желваки. Он схватил Дыбу за грудки, скрутил на его горле тельняшку и предупредил:

– Ты меня не пугай. Понял?

– Понял, я понятливый, – отрывая от горла его руку, прошипел Дыба.

Если бы Эрудиту предложили определить натуру и образ Дыбы одним единственным словом, он, наверняка, произнес бы: «Гнусный». Такого типа людей, как Дыба, немного, однако достаточно для того, чтобы каждый из нас в жизни хотя бы с одним из них соприкоснулся. И странное дело, такой человек, при всех равных условиях, не имея никаких преимуществ, как правило, умеет возвыситься над другим человеком, унижить его. Отчего это происходит? Оттого ли, что он никогда не обременяет себя даже элементарными понятиями о культуре и считает, что уважительное отношение должно проявляться только по отношению к нему? Или это гипнотическое воздействие, проявляющееся в нем от чрезмерной и постоянной потребности подавлять волю других людей? Призвание человека с такими задатками предопределено – всегда рваться к власти. Мысль о власти, никогда не покидает его, вырастает постепенно в настоящую страсть, и страсть эта заглушает голос разума и сердца, разрастается до громадных размеров. Ночами, томясь в мучительном полусне, в голове у него возникают самые противоречивые планы, сложные расчеты, поэтому, вполне естественно, что он обычно достигает цели: становится либо бандитом, либо чиновником. И в подобном положении живет легко, безмятежно, не ведая ни стыда, ни совести.

С бычьим лбом и выпученными глазами, Дыба стремился найти в каждом какой-либо физический недостаток, слабую струнку и при любом удобном случае задеть за живое. Казалось, он ненавидит все человечество. Его неприятной внешности соответствовали и манеры: он говорил в нос, медлительно и важно, выдавливая из себя каждое слово, всем своим видом показывая, что вести разговор с таким, как ты – это ниже его достоинства. Ростом Дыба превосходил Эрудита, но Эрудит от природы был сильным и ловким, не прошли даром и армейские тренировки. Об этом Дыба хорошо знал и не решался вступать с ним в открытую схватку.

* * *

Димка Кучеров с виду был совсем еще мальчишкой, он вырос в обеспеченной семье, не зная трудностей, и о борьбе за выживание имел весьма смутные представления. Однако теперь он отчетливо понимал свое положение. Вечером они с Эрудитом и еще одним другом, Ахтым Гыргеновым, охотником из Забайкалья, обсудили ситуацию.

– Старайся не оказываться с Дыбой один на один, – предостерег его Эрудит.

Потом разговорились о гражданке: воспоминания возникали одно за другим, и все, что было до армии, здесь значило больше, чем когда-то. Ахтым Гыргенов, как обычно, рассказывал об охоте в горах Кодара. Это был доброжелательный, добродушный парень с восточным разрезом глаз. Он любил пошутить и сам абсолютно не обижался на шутки, отвечая на них детской улыбкой. Была у Ахтыма немного странная мечта: когда пройдет необходимый срок службы, приехать в гости к Эрудиту, посмотреть на Дон. Частенько в такие вот минуты он делился с друзьями сокровенным: будет таким же охотником, как отец. Люди уважать будут, за советами приходить будут. Рассказы в его самобытной манере изложения Эрудит слушал с удовольствием.

– Расскажу я вам, – начинал Ахтым, – как медведь хотел нас с отцом голодом уморить. Однажды взяли мы малокалиберные винтовки и пошли белок промышлять. День идем – ни одного выстрела не сделали, два дня идем – нет белки. Отец напрягся от неудачи, молчит, хмурый; собаки злые от голоду, бегают с задранными мордами, повизгивают. Нашли в чащобе берлогу, облаяли. Отец замахал руками, хотел избить их: нельзя тревожить амаку!

– Амака – это медведь, – пояснил Эрудит Димке.

– К вечеру мы добрались до зимовья, – продолжал Ахтым, – и наткнулись на следы сохатого. «Но-о, – удивился отец, – зверь рядом ходит». В тайге следы, как книга, все расскажут. Мы даже не стали отдыхать, чаем не погрелись – сразу пошли по следу. След в ложбину ведет. Глядим – стоит сохатый: большой, жирный бык. На одном месте стоит, рогами в дерево упирается. Мы догадались: между деревьев рога застряли, не может их вытащить сохатый. Рога огромные, как старые сучья. Отец подкрался, выхватил из-за пояса нож и убил зверя. Радость была большой. Отец дымит трубкой, говорит: «Большая удача. Не надо теперь по тайге ходить, белку искать. Отдохнем на хорошей еде, силы накопим, потом нарубим куски сохатины, домой потащим». У меня тоже нож за поясом висел. Только взял я его в руку, только приготовился снимать с сохатого шкуру, как услышал в чащобе рев. Видать, разбудили собаки амаку, он шибко обиделся, разворотил свою берлогу, вышел бродяжничать. Мы с отцом руки к ушам приложили: тихо стоим, слушаем. Второй раз амака еще страшней взревел, совсем близко. «Надо убегать, – сказал отец, – амака подкрадется, выйдет из кустов, набросится сзади и подерет». Отец умный, все знает, он на охоте много зим скитался. Повесили мы на дерево тяжелые мешки, винтовки с собой взяли – винтовки нельзя оставлять – и побежали. Утром пошли за мясом и увидели: огромный черный медведь рвет тушу сохатого. Не пускает нас к мясу. Собаки выскочили его пугать, он разозлился, задавил их. Малокалиберная пуля для амаки, что укус комара. У нас и патронов нет, в мешках остались. Мы запрятались за косматые кедры, весь день ждали, когда он уйдет. А он наелся, лег в кустах, затаился. Три дня не пускал амака нас к мясу. Сухари, лепешки и сахар – в мешках. Их тоже не отдает амака. Мы как собаки голодные были, на ужин варили мох и чагу. На четвертый день совсем худо стало: животы подвело, руки окоченели, ноги ослабли. Сказали мы: «Умный амака, черный амака! Ты добрый, большой, сильный. Прости нас, амака, ты не думай, мы не хотели тебя обидеть». Спички у нас были. Огонь зажгли, попили кипяток и пошли к лабазу.

Ахтым рассказывал весело, посмеиваясь. А потом задумался.

– Отец письмо прислал. Пишет: «Совсем старик стал. Какой теперь охотник. Приедешь из армии, последний раз на охоту вместе сходим. Потом уйду в горы, там умру». Еще пишет, что Джальгурик ждет меня. Джальгурик – тонкая, красивая, в ее жилах бежит чистая кровь древних богов; я люблю ее, она меня тоже любит. Закончу службу, возьму в жены свою красивую Джальгурик.

Тут и Димка вспомнил о своей подруге.

– В институте я дурил голову одной девчонке, – начал свой рассказ он, – а потом повернулось так, что жить без нее не мог. Но оказалось, что любовь эта была в одно рыло. Раз пришел в общежитие к ней, а она с каким-то жлобом в обнимку на кровати сидит. Я как увидел, в глазах помутнело. Схватил со стола тесак, тот козел с испугу в окно выскочил. С первого этажа, но умудрился ногу поломать. А моя дура тоже тонкая была, успела в дверь выскользнуть и такой шум подняла. В деканате посчитали это хулиганством и выгнали меня из института, главным образом – за нож. От суда отец отмазал. Так и не стал я Эйнштейном. Вскоре пришла повестка. Раз пришла, надо служить. Мог бы откосить, конечно, у предков связи были, но решил повоевать, порошу понюхать. И зря, не думал, какое гнилое место эта армия.

– Ты ее все равно любишь? – поинтересовался Ахтым.

– Кого? – переспросил Димка.

– Ну, дуру свою.

Эрудит улыбнулся. Димка тоже улыбнулся и ответил:

– Не знаю... Наверно...

– Я тоже поступал в институт, – сказал Эрудит, – по конкурсу не прошел.

– Бабки были? – спросил его Димка.

– Нет, откуда?

– Это дохлый номер, без взятки не поступишь.

– Да вот же, на знания понадеялся, я школу с хорошими оценками закончил.

– Кому сейчас нужны твои знания? Все делают money, money. Еще будешь пытаться?

– Хотелось бы. Попробую, наверное, но теперь только на заочное отделение.

– А я обязательно поступлю, студенческая жизнь – это вещь. Вот только дембельнись и сразу начну готовиться к вступительным. Армия – неплохая школа, но институт лучше. Знаете, мне нравится цитата Мао Цзэдуна: «Чем больше учишься, тем глупее становишься». Никогда всему не научишься. – Он увидел в открытой двери Гниду, первого друга Дыбы, сделал небольшую паузу и продолжил: – Чем больше учишься, тем больше знаешь. Чем больше знаешь, тем больше забываешь. Чем больше забываешь, тем меньше знаешь. Чем меньше знаешь, тем меньше забываешь. Чем меньше забываешь, тем больше знаешь.

* * *

Гнида возвращался в роту после какого-то задания. Навстречу ему шел лейтенант Утехин. Они встретились, постояли в нескольких шагах от тумбочки дневального, поговорили о чем-то. Ротный повернулся и пошел в автопарк, а Гнида направился к трем друзьям. Сначала прошагал мимо, даже не взглянув в их сторону, но вдруг повернулся, подошел, подбирая в уме слова для начала разговора на излюбленную тему.

– Что, мужики, тоскуем по бабам? – Отодвинул от стены стул, оседлал его, навалился грудью на спинку, обняв ее обеими руками, ухмыльнулся и по обыкновению принялся рассказывать о своих похождениях, о женщинах, которыми обладал: – Вы, конечно, не поверите, но у меня было их не меньше двух десятков. Стоило мне любую только заметить, и на следующий день она – моя. Пацан сказал – пацан сделал! В натуре, любую телку можно уболтать, если хорошо постараться. А я их быстро обучал команде «ложись». Вот одна долго все вертелась около меня, кажется, ее Ирккой звали. Думаю: «Ну, я тебя охмурю, подруга». Пацан сказал – пацан сделал! Однажды вечером...

– Пацан – сказал, пацан – наделал, – перебил его Димка.

Гнида обозлился.

– Ты молчи. Молчи и ничего не говори! А если язык чешется, Дыба тебе его скоро почешет... Грамотей! – Сделав паузу и осмелев оттого, что все молчали, продолжил: – Что, сильно грамотный, да? Мы тут не таких грамотеев обламывали! И ты еще поползаешь передо мной на пузе!

– Ну конечно, как перед тобой не поползать, – улыбнулся Димка, – ты же сексуальный маньяк.

Гнида огрызнулся:

– Фильтруй базар, пацан, не то я тебя прямо здесь грохну, не посмотрю на вашу кодлу.

Димка вскочил, но Эрудит удержал его.

– Успокойся! – Затем тяжело положил руку на плечо Гниде и, многозначительно глядя в его глаза, спросил: – Слышь, ты сейчас куда шел?

Вместо ответа Гнида сбросил его руку со своего плеча, встал и, сделав несколько шагов, процедил:

– Все будете ползать!

Подождав, когда Гнида уйдет, Эрудит сказал Димке:

– Ты понял? Они уже все обдумали. Не расслабляйся.

– Я удивляюсь твоему терпению, – проговорил Димка.

– Когда живешь с таким количеством людей, как же не станешь терпеливым, – ответил Эрудит.

– В тайге мало людей, но там тоже надо быть терпеливым, а то с голоду помрешь, – рассудил Гыргенов.

* * *

В пять часов вечера Эрудит стоял на плацу, происходило построение нового суточного наряда части. Когда начальник караула и дежурный по части начали движение навстречу друг другу, у барака появились Дыба и Гнида. Перебрасываясь словами, они поглядывали на Эрудита. Начальник караула доложил о построении наряда, сделал шаг в сторону, уступая дорогу дежурному, и они вместе продолжили движение по направлению к наряду. Последовал инструктаж, проверка готовности и прочее. Дыба и Гнида все не уходили. Эрудит видел, как они напряглись, понял, что они что-то задумали. На душе его стало тревожно.

На следующий день все шло как обычно. Гнида старался скрыть свое намерение, а дождавшись вечера, заглянул в ленинскую комнату, где, как и предполагал, проходил поединок в шахматы между Димкой и Ахтымом. Кроме них, в комнате не было ни одного человека. Обычно с ними играл и Эрудит, «навывлет», но теперь его не могло быть. Гнида немного походил по коридору и направился к выходу. Минут через десять на лестнице послышались шаги, открылась дверь, появились Дыба, Гнида и Серый. С необычным чувством удовлетворения, щурясь и косясь на шахматистов, Серый обратил внимание сержанта на беспокойство, которое возникло у них.

– Без Эрудита они не такие наглые.

– Эрудит человек ответственный, ему поручили охрану государственного объекта. Он сделает все возможное для сохранения объекта от незримого врага, а вас мы, кажется, сейчас повредим, – сказал Дыба и добавил: – Не бойсь, я пошутил.

– Ведь это я морду тебе бить буду, а он так, пошутил только, – проговорил, глядя на Димку, Гнида.

Серый продекламировал:

– Рубежи страны родной
Бережет отлично
И не дремлет под сосной
Трезвый пограничник.

Димка поднял глаза: все трое ухмылялись, молча поглядывая сверху. Последовательность взглядов при этом была у всех одинакова: сначала на него, потом на Ахтыма, потом, уже более красноречиво, опять на него. В них читалось: настало время проучить тебя!

Напряжение возрастало.

Дыба покусывал зубами спичку. Молчание. Наконец он выплюнул спичку и прервал затянувшуюся паузу:

– Ну что, по-моему, ты, Ботвинник, попал в цейтнот.

– Я ни в чем не виноват перед тобой, – опустив глаза на шахматную доску, ответил Димка.

«Сейчас начнут бить», – пронеслось в голове. И он вдруг трусливо сжался. «Надо драпать». От какого-то животного страха забила мелкая дрожь. Боясь показаться трусом, он из последних сил сконцентрировал всю свою волю. Но когда в сознании мелькнуло, что убежать нет никакой возможности, последние остатки храбрости покинули его. В висках отдавались

удары пульса, словно невидимые тиски медленно сдавливали его голову. «Надо победить страх, надо победить», – внушал сам себе Димка, склонившись над шахматами. Но он никак не мог ни одолеть страх, ни скрыть его от пристального взгляда Дыбы и его друзей.

– Вот теперь я вижу, – с наигранной веселостью сказал Гнида, – как «пацан наделал». Чего дрожишь – то? А тогда– вон какой смелый был.

– Как же это ты не виноват? – спросил Дыба. – А кто окуроч подбросил? А? Ты, падла, окурки разбрасываешь, а я за это по тычке должен получать? Несправедливо.

– Товарищ сержант, ты же знаешь, что это не он бросил окуроч, он там был, – вступился за Димку Ахтым.

Дыба обвел его насмешливо-вызывающим взглядом.

– Ты, олень, глосни! И пошел вон! А то прихлопну, как муху. – При этих словах он взял первую попавшуюся под руку шахматную фигуру и переставил ее на доске.

– Товарищ сержант, не мешайте, пожалуйста, играть, – безнадежно выдал Гыргенов.

– Да что ты такое говоришь? Или я неправильный ход сделал?

– Пианист играет, как умеет, – злорадно засмеялся Гнида, переводя глаза на Серого.

– Не понимаю, зачем мешаете нам, неужели вам нечем еще заняться? – проговорил Ахтым.

В Дыбе словно лопнула сжатая пружина, он рывкнул:

– Все заткнулись и прониклись уважением! Рот разевать только на мои вопросы!

А Гнида ухмыльнулся.

– Нарвешься, мужик. Тебе же сказано: гуляй. Ведь мы по твоей скуластой морде тоже можем настучать. И – мама не горюй.

– Сейчас я вам устрою курсы по выживанию, – сказал Дыба. – При этом рывком стряхнул с доски фигуры в лицо Димке и ударил его Ахтыма по голове.

– Ну, как, Ермолай, теперь ты понял? – насмешливо и презрительно спросил он при этом. – Вернешься калекой домой, никому не будешь нужен.

Димка и Гыргенов одновременно встали. Дыба сильным ударом кулака вернул Димку на место.

– Сидеть! Как ты посмел нарушать дисциплину? Я ж не давал команды вставать.

Вторым ударом Дыба хотел усадить Ахтыма, но тот увернулся.

– Ох, ты! – разозлился Дыба и ударил его по челюсти с левой.

Ахтым перегнулся назад. Вдруг его затрясло, он схватил со стола квадратную стеклянную пепельницу, замахнулся, но ударить не решился. Дыба стал надвигаться на него. Ахтым попятился назад, прижался к стене – дальше отступать было уже некуда – и остановился, сжимая в ладони гладкое тяжелое стекло. На его лице выступил холодный пот. Приблизившись, Дыба, пошевеливая пальцами, стал медленно протягивать руку к его горлу.

– Брось пепельницу! Или, клянусь Богом, я тебя прикончу.

Тогда Ахтым взмахнул рукой, и пепельница врезалась в голову Дыбе. В это мгновение к нему подскочил и Дима, но Дыба перехватил его руку и натренированным движеньем крутанул ее на излом. Кость треснула, Димка взвыл от жуткой боли и закрутился волчком. Гнида и Серый принялись избивать Гыргенова. Дыба достал из кармана приготовленный шнур, накинул петлю на сломанную руку Димки, затянул узел, а другой конец шнура привязал к трубе водяного отопления.

– Бейте его по глазам! – прохрипел он избивавшим Ахтыма.

– Не так бьете. – И приказал: – Держите этого дикаря, я покажу, как надо бить! – Гнида и Серый заломили руки Ахтыма за спину, а Дыба стал методично бить ребром ладони ему по глазам, по одному и другому поочередно, приговаривая: – Бил белку в глаз? Теперь сам получай! Вот так! Вот так! А то слишком зоркий.

Только когда туловище Ахтыма повисло, Гнида и Серый отпустили его руки.

Но Ахтым не упал, ничего не видя, он бросился на Дыбу и вцепился зубами в его ухо. Дыба ловко поддел его под дых.

– А-а, – вырвалось из груди Ахтыма, и он рухнул на пол.

Дыба еще несколько раз ударил его ногой. У Дыбы из виска струилась темнокрасная кровь, он ладонью размазал ее по щеке и подошел к привязанному Димке.

– А теперь займемся тобой.

Сменившись с караула, Эрудит зашел в оружейную комнату, но сдать автомат было некому – вдребезги пьяный дежурный по части капитан Неводов спал на диване. Эрудит знал из собственного опыта, что в таких случаях его лучше не тревожить, и бросил автомат и боеприпасы на стол. Предположив, что Димка и Ахтым должны быть в ленинской комнате, пошел к ним. Еще у двери услышал дикий крик и сразу все понял.

В это время Дыба одной рукой сдавливал Димке челюсти, другой засовывал ему в рот прикуренные сигареты.

– Я досыта накормлю тебя, баран, травкой. Я научу тебя уважать старших.

Ворвавшись в комнату и увидев происходящее, Эрудит потерял над собой контроль. Дыба не успел разогнуться, как получил удар ногой в грудь. Он опрокинулся и сжался. А Эрудит с диким ревом начал молотить и Гниду, и Серого, не давая им подняться на ноги. Тут Дыба очнулся и крикнул:

– Гнида, беги за подмогой!

Гнида выхватил из кармана нож и сунул в бок Эрудиту. Эрудит схватился за рану рукой, согнулся от боли, Гнида в этот момент проскочил в дверь. Серый лежал в луже крови без движения. Дыба, из виска и ноздрей которого текла кровь, поднялся и кинулся на Эрудита. Эрудит, преодолевая боль, сбил его с ног и со всей злостью стал наносить удары, один за другим.

На улице слышались крики. Эрудит понял, что сюда может прибежать целый взвод. Зажимая кровоточащую рану, он выскочил из двери, пробежал по коридору и, увидев на противоположной стороне плаца группу во главе с Гнидой, не раздумывая, кинулся в оружейку. Поняв, в чем дело, команда Гниды разлетелась, как стреляные гильзы, в разные стороны.

Заливаясь кровью, Эрудит проник в оружейную комнату, схватил свой автомат и, не прикладывая к плечу, выпустил весь магазин по дверям и окнам казармы, в которой, как ему показалось, скрылась вызванная Гнидой подмога. Вдруг перед его глазами все поплыло, небо и деревья пошатнулись, и он упал на широкую бетонную дорожку, испещренную трещинами, в которые пробивалась зеленая трава, притоптанная солдатскими сапогами.

Очнувшись Эрудит в госпитале. В первое мгновение он увидел только расплывчатое лицо, потом – хлопающие, как у куклы ресницы. Над ним, чуть наклонившись, стояла молоденькая медсестра в белом халате и в накрахмаленной белой шапочке. Увидев, что раненый пришел в чувство, она улыбнулась, показав мелкие зубы, и странным голосом, как будто доносившимся из-под воды, произнесла:

– Живой.

– Что со мной? – с трудом выговорил Эрудит.

– Готовься к операции, – все так же улыбаясь, сказала она.

Более двух месяцев пролежал Эрудит в госпитале. Вернувшись в часть и увидев Димку, обрадовался, что с тем все в порядке. Рука его заживала, только по нижней губе поперек пролегли два твердых шрама от ожога сигаретами, которые лицо сделали менее привлекательным. Друг, не сдерживая своих эмоций, благодарил Эрудита за свое спасение. И рассказал, что Ахтыма Гырғенова комиссовали.

– Говорят, он ослеп.

– Как, ослеп? – спросил Эрудит. – Совсем?

– Да, – вздохнул Димка, – ослеп полностью. Дыбу тоже с переломанными ребрами отправили в госпиталь. Мне передали, будто бы он поклялся, что будет грызть землю, но найдет тебя хоть на краю света и посадит на пику.

– Ну, пусть грызет, – сказал Эрудит, – может, подавится.

Допустить огласки этого происшествия полковник Перегаров не мог. Дело было нешуточное, грозило серьезным взысканием. И только благодаря связям в верхах ему удалось все уладить – травмы пострадавших в драке были оформлены как несчастные случаи.

* * *

Возвращался из армии Эрудит весной, когда на донской земле озимые поля, как изумрудные моря, сливаются с горизонтом, когда на виноградной лозе, обласканной теплым южным солнцем, набухают сочные почки, а сады примеряют свои подвенечные наряды. Поезд, изгибающийся, словно темный уж, остановился. Эрудит прыгнул на перрон, и чуть пошатываясь от долгого путешествия по железной дороге, направился к билетным кассам. Время, что ехал он от своей части до Ростова, еще повторялось в его висках эхом перестука вагонных колес.

Большой город спал в предутренней тишине, освещенный оранжевым светом неоновых ламп – восторженным и уютным. Гулкий, полупустой вокзал казался уставшим. Вдоль стен стояли молчаливые люди, другие пассажиры тащили объемные сумки. Изредка подъезжали и отъезжали машины с приглушенными фарами. В неподвижном свежем воздухе звучал приятный голос дежурной по вокзалу, которая равнодушно сообщала: «Поезд номер девятнадцать отправляется с третьей платформы. Повторяю...».

До сего момента у Эрудита было легкое, спокойное настроение, вдруг нетерпение скорее увидеть родной хутор так сильно овладело им, что он решил непременно успеть на первый автобус. Несколько билетных касс были закрыты и безлюдны, зато возле работающих скопились огромные очереди; полусонные люди безмолвно ожидали своей участи. Эрудит хотя и не предполагал, что ранним утром здесь может оказаться столько народа, но и не удивился этому: так было всегда, потому что билетов всем не доставалось вечно. Для него, к счастью, один отыскался. Удача Эрудита не возмутила угрюмую молчаливую толпу, как обычно происходит в таких случаях, когда кто-то берет билет без очереди. Солдату такие льготы полагаются.

За два часа комфортный «Икарус» доставил Эрудита до Семикаракорского автовокзала. Соскочив с подножки автобуса, он ощутил себя дома; сердце прониклось радостным волнением, и он вздохнул полной грудью. Над восточной окраиной города сияло, словно умытое в прохладной речной воде, румяное солнце. С неба стерлись размытые серые разводы, оно сделалось сатиновым, чистым, лишь вровень с верхушками деревьев облака проложили рыхлую неровную лыжню. После ночного дождя на асфальте и в выбоинах на грунтовке привокзальной площади собрались небольшие лужи, в которых утонуло перевернутое небо, и они казались бездонными.

С громоханием и трескучим ревом двигателей, как бы подтверждая свою непомерную мощь в сотни лошадиных сил, по улице Авилова проносились «камазы» с прицепами. Их перегоняли со шучьей сноровкой вынырывающие из-за поворота разноцветные «жигули». Подул свежий ветерок, он принес несравненный запах горячих чебуреков. На рыночной площадке под двухскатным навесом отходили от дремоты позевывающие торговки пирожками – первые ласточки индивидуальной трудовой деятельности – навьюченные в фуфайки до самых колен, полушубки и в большие однотонные шерстяные платки на голове и поясище.

– Есть с рисом, с яйцами, есть с картошкой, есть с мясом, – без энтузиазма призывала покупателей одна из них. В интонациях ее голоса ощущались то ли тоска, то ли отчаянность. Видно, ей надоело изо дня в день кричать одно и то же.

– Почему пирожки?

- С картошкой, с рисом и яйцами – по семь копеек, с мясом – по десять.
- Грабишь, бабка! Че так дорого?
- Как же, жалкий ты мой, совсем и не дорого, дешевле – только даром.
- Мне – два с мясом.

На пяточке скучно покуривали таксисты-халтурщики. В ожидании автобусов терпеливо топтались на месте редкие пассажиры. Только молодой человек с непричесанной шевелюрой и его юная попутчица, держась за руки и лениво перебрасываясь короткими фразами, медленными шагами ходили взад и вперед. Как-то вдруг площадь оживилась, наполнилась голосами. Молоденькая женщина тянула за руку спотыкающегося на ровном тротуаре малыша, который никак не хотел подчиниться своей ретивой мамочке и постоянно тормозил. На обочине запрыгивали в кузов грузовика четверо хмурых мужчин. Мимо них со смехом и разговорами наперебой простучала каблучками по асфальту стайка грациозных старшеклассниц. Эрудит неравнодушно посмотрел им вслед.

Лыжня из облаков размазалась, распухла, пожухла и поползла к ослепительно яркому солнышку, не достигнув его, рассеялась и исчезла. Над горизонтом возникли легкие белоснежные барашки, и необъятное внешнее небо заблестало глубокой стеклянной синевой. Эрудит терпеливо изнывал в ожидании автобуса возле развесистой ивы, с кривых сучьев которой свисали длинные жидкие ветки, облепленные мелкими бледными почками. До армии он не раз стоял под этой ивой в ожидании автобуса, но запомнилась она ему совсем не такой, а похожей, в его воображении, на пышную зеленую шапку сказочного великана.

За два года расписание автобуса не изменилось: первый рейс был в девять тридцать. Минуты ползли по-черепаши медленно. Наконец, на остановке стали появляться хуторские. Понемногу возле Эрудита собралась небольшая группа, и он оказался под прицелом всеобщего внимания, привлекаемого новенькой формой десантника, самыми колоритными элементами которой, разумеется, были тельняшка, туго облегающая молодецкую грудь, и берет, небрежно сдвинутый набекрень. Особой любознательностью отличались неуклюжая и бесформенная женщина, державшая в обеих руках такие же, как и она сама, огромные бесформенные сумки, и сухонькая старушонка, прижимающая к своей груди сверток, упакованный в целлофановый пакет.

Исполинская особа, своим обликом напоминающая американскую статую Свободы, как остоленевшая, не моргая, смотрела на военного прямо в упор. А старушка все норовила заглянуть ему в лицо. Она так внимательно разглядывала Эрудита, как будто имела спецзадание: во что бы то ни стало визуально, не вступая с объектом в контакт, установить его личность. Смотрела на него, как на экспонат, и мучительно терзалась. Не обращая ни к кому, она повторяла один и тот же вопрос: «Чей же это теперь будет? Чей же это теперь будет?»

Подъехал блекло-желтый ПАЗ, заштукатуренный густыми брызгами грязи. В автобусе пытливые женщины заняли места перед Эрудитом. Усаживаясь, они ни разу не оглянулись назад, как будто потеряли к десаннику всякий интерес. Статуя Свободы запихала сумки между сиденьями и ушла в нирвану, а старушонка все никак не могла найти место своим ногам. В конце концов, она просунула одну ногу между сумками, другую кое-как пристроила на ступне могучей соседки и даже после этого не успокоилась: еще долго шуршала своим целлофановым пакетом, потом выравнивала кончики платка, потом проверяла пуговицы на своей кофте, связанной по фасону английского генерала Реглана. Справа сквозь пыльные стекла окон проникали веселые солнечные лучи, которые насквозь пронизывали ободранный салон автобуса. В них, словно мошкara в свете ночных фонарей, суежилась мерцающая пыль. Пахло бензином и выхлопными газами.

* * *

Вместо того чтобы сразу же выехать из города, автобус почему-то свернул налево, в сторону Промышленной улицы. Оказалось, там ожидала его женщина с высокой пышной прической, раскрашенным лицом и в модном, по деревенским меркам, ярко-красном костюме. Она с важным видом взобралась в кабину водителя и, ни слова не говоря, сразу уткнулась в свою сумочку. Сосредоточенно пошарив в ней, достала розовую косметичку, из нее – зеркальце, губную помаду, пудру, карандаш для подводки ресниц. Все это новая пассажирка пристроила у себя на коленях и стала румянить щеки, рисовать глаза и красить губы в морковный цвет. «Либо бухгалтер, либо завскладом и уж точно незамужняя», – предположил Эрудит.

Сидя на продавленном затертом сиденье, он посматривал то на эту немолодую модницу, то на водителя, который после каждой остановки на перекрестках интенсивно прессинговал рычаг переключения передач, извлекая из двигателя нестерпимый шестереночный скрежет. Когда после нескольких попыток рычаг застревал в нужном положении, водитель устало откидывался на спинку кресла, поправлял на голове клетчатую фуражку и поднимал глаза на салонное зеркало заднего вида. Дребезжащий автобус, трясясь и жестко подпрыгивая на выбоинах, снова набирал скорость. На повороте он резко качнулся из стороны в сторону и закрипел. Старушка испуганно ахнула, девушка сзади фальшивым фальцетом подбодрила водителя, а ее сосед пробасил:

– Слышь, шеф, ты там полегче! А то позвонки в трусы просыплются.

Та же девушка снова пропищала:

– Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!

Выбравшись на трассу, старый, потрепанный автобус разогнался довольно быстро и, мерно вибрируя всем кузовом, резво помчался вперед. В салоне сразу установилась тишина. Вероятно, многие пассажиры знали друг друга, но почему-то все молчали. Казалось, они с замиранием сердца ожидали, что у автобуса вот-вот отлетит колесо или он вообще развалится на части. Но ничего такого не случилось, и положение поправилось. Беседы начались исподволь, а потом все смелей и оживленнее. Разговаривали кто в полголоса, кто как у себя дома. Водитель поерзал по сиденью, закурил, утомленно опустил плечи и, затянувшись сигаретой, лениво стряхнул пепел себе под ноги. Надышавшись табачным дымом, он выкинул окурочек за борт и опустил свою мясистую тяжелую кисть на баранку.

За окном мелькали пестреющие деревья, столбы и обвисшие провода, проплывали в обратном направлении солнечные полянки. Глядя на них, на акварельное синее небо и пушистые облака, Эрудит думал о своем. Он не слышал ни дребезжащий гул мотора, ни разговоры попутчиков, которые перешли в монотонные звуки. Из задумчивости его вывел энергичный звонкий голос:

– Ну, ты, Гришка, и хам! Ну-ка быстро убери свои оглобли, пока не схлопотал по тычке! Убери лапы, сказала! Я тебе говорю, аль кому?

Девчушка то ли возмущалась, то ли подзадоривала своего Гришку. Причем она так громко кричала, словно в автобусе кроме них двоих никого больше не было. Возникло оживление. Эрудит, как и все, повернулся: на заднем сиденье воевали между собой взлохмаченный парень и кругленькая, лет шестнадцати, девушка; та самая парочка, что так мирно бродила на автовокзале. Личико ее, на которое все время падали выкрашенные в рыжий цвет волосы, раздумянилось, маленький хорошенький носик шмыгал. Через секунду она закатилась загадочно-игривым смехом, как от щекотки. А Гришка, видимо, совсем осмелел, потому что тут же раздались смачные оплеухи.

Эрудит оглянулся опять.

– Хи-хи, – как ни в чем не бывало, двусмысленно усмехнулась вполголоса девчушка, с усилием вытягивая большую ладонь парня из-под края своей короткой юбочки с разрезом на боку. – Что ты делаешь, дурак?!

Но не успела она убрать его руку со своих привлекательно сверкающих круглых коленок, как его рука тут же оказалась на ее другой ноге, погладила ее и, перебирая пальцами, поползла под юбку. Она схватилась за взлохмаченные волосы парня и начала их беспощадно теревить. Вид у взлохмаченного Гришки был наидобродушнейший. Нисколько не обидевшись, он снисходительно матерился и, судя по треску сиденья и залиvistому писку девушки, еще с большим энтузиазмом продолжил борьбу за право распоряжаться чужим имуществом по собственному усмотрению. Это противостояние было похожим на игру кошки с мышкой, с той лишь разницей, что мышка так и норовила угодить в когти, чтоб ее побыстрее слопали. Внезапно девушка закатилась на весь автобус громким, истерическим смехом. Посыпались реплики, а старушонка, которая на остановке так самозабвенно изучала Эрудита, перекрестилась.

– Сохрани вас Царица Небесная, сохрани Матерь Божия. Дай Бог вам, сладкие мои, здоровья! Утоли, Богоматерь, ваши печали!

Вдруг рыжеволосая закрыла лицо руками и разрыдалась. Пассажиры, переглянувшись с улыбками, вернулись к своим разговорам.

Эрудит уселся поудобней. Он тоже был бы не прочь приласкать и потискать такую. Повернув голову, он обнаружил на соседнем ряду, сбоку от себя, белокурую девушку, нежную, как ангел. Его поразили глаза: огромные, чистые, как родник, и голубые-голубые. Видно, она уже давно разглядывала его военную форму. На ее лице одновременно выражались и застенчивость, и интерес. Встретившись взглядом с Эрудитом, она вся вспыхнула и повернулась к окну.

Статуя Свободы молча слушала старушку, которая то и дело бережно поправляла бант на своей драгоценной кофте.

– Вот ехают, а сама вся извелась. Курей-то вчера не выпустила, заспешила на автобус. Это ж надуть! Поподохнут они там, цельный день взаперти. Ума-то вовсе не стало. Да и смолоду не было. Где ж его взять-то, раз нету? Сказано, ведь разве умный в навозе ковыряться станет? Одни мы только и ковыряемся. – Она посплюнявила пальцы и потерла ими рукав кофты, как бы убирая воображаемые ворсинки. – У меня двенадцать штук их, если с петухом. Хватит мне одной, какой их много. У тебя, небось, полно? – поинтересовалась она у попутчицы и отодвинула от уха черный с красными узорами платок. Статуя Свободы нехотя повернула большую голову, уставилась на старушку сверху вниз и не спешила с ответом, словно обдумывала: правду сказать или не стоит.

– Курей-то, спрашиваю, много ль у тебя? – снова спросила старушка, еще больше отодвигая платок.

– Три десятка. Одной гребаный сосед ноги перебил, по его огороду бегала. Ворюга несчастный. – Голос у нее был грудной, низкий. Она вернулась, было, в состояние стабильности, но ей, видимо, тоже захотелось поговорить, опять посмотрела сверху вниз и сказала: – Ты представляешь? Вчера прибираюсь, а внучек смотрел телевизор. И спрашивает: «Бабушка, что такое «трахаться?»»

Старушка никак не отреагировала.

– Ты-то знаешь, что это такое? – с усмешкой спросила она старушонку.

Старушка то ли не расслышала, то ли не поняла, о чем ее спросили, но вполне серьезно ответила:

– Я уж теперь и не вспомню, раньше хорошо знала, а теперь напрочь позабыла.

Статуя Свободы победно засмеялась.

– Не понимаю я ваших заумностей, – досадовала женщина где-то сзади. – Я же не против. Рассуждать мы все горазды, а вы скажите, чего делать-то.

– Я ж тебе неоднократно количество раз сказал: делай, что хочешь, – настаивал монотонный мужской голос. – Вообще я категорически не согласен с твоими аргументами, – стараясь показать публике свою образованность, поучал свою попутчицу он. – Опротестовать указания начальника – это, в принципе, ни что иное, как отличный способ испортить с ним отношения. Я умоляю...

Эрудит снова бросил взгляд на девушку-ангела. Она уставилась в окно и больше не поворачивалась. На заднем сиденье неумолимая парочка продолжала борьбу. Эрудит встретил мрачный взгляд зануды, который все продолжал свои нравоучительные речи, внушая уже не слушавшей его несчастной женщине какую-то белиберду:

– Я ловлю себя на мысли, что тебе нравится исполнять роль обиженной феминистки. Имей в виду, начальники только делают вид, что они думают. Они забывают, что мы тоже люди и тоже не любим думать.

Некоторые фразы, которые, видимо, ему особенно нравились, он повторял по два раза, для тех, кто с первого раза мог их не расслышать или намеренно пропустил мимо своих ушей. А последнюю фразу повторил трижды, так как ему показалось, что его уже совсем никто не слушает и слышать не хочет. «Черт те что! – подумал Эрудит. – Ненормальный, что ли?»

Автобус, вздрагивая и неимоверно трясая пассажиров, двигался уверенно, словно яйцевидный пепелац эцилоппов. Впереди показалась остановка хутора Заречного. Автобус сбавил скорость и, закрипев, остановился.

– Кто выходит? – повернувшись в салон, спросил водитель.

Эрудит вскочил, быстро пошел к выходу и сзади услышал:

– Батюшки! Как же я сразу-то не признала? Это же покойного Сашки Донцова сын. Как же я раньше-то не догадалась? Говорю, ума не стало, так оно и есть. Где ж его взять-то, раз нету?

Эрудит прыгнул на лужайку. По дороге, обогнув автобус, пронесся с натужным рычанием тяжелый грузовик. Эрудит проводил его поворотом головы и невольно оглянулся на окно, возле которого сидела девушка с выразительными голубыми глазами. Их взгляды встретились, она едва заметно улыбнулась ему, и все вокруг засветилось небесным весенним светом. Автобус вздрогнул, выбросил густые клубы черного дыма, задрезжал и поехал следом за удаляющимся грузовиком.

* * *

Взором Эрудита, успевшим за прошедшие два года привыкнуть к пространству, ограниченному горными преградами, завладели необъятные равнины степных просторов, раскинутых во всю ширь земли. Он глядел и не мог наглядеться на родное раздолье. Весенний воздух кружил голову, пьянил. Он подождал, пока автобус не скрылся из виду, поправил ремень, встряхнул чемодан и пошагал. Вот его родная школа – небольшое двухэтажное здание за высокими тополями, стоявшими в две шеренги. По посережнему фасаду размазалась полоса от подтеков дождевой воды, словно неведомый зверь высунул из-под крыши черную уродливую ногу, да так и заснул. Вокруг чисто и опрятно: на молодой травке и на гладких тропинках нет ни сухих прошлогодних листьев, ни мелких веток, разбросанных ветром. Этой особенностью школьный двор вызвал ностальгию, навевал воспоминания о пролетевшем детстве. Справа от дорожки, ведущей к разошедшейся двухстворчатой двери неопределенного цвета, отбежав в сторонку, загостились три подружки – три черешни. На их ветках топорщились крупные коричневые почки. В какой-то сиюминутной неуверенности застыли они, как будто решили набраться побольше сил, поднатужиться и, наконец, раскрыть уже проклюнувшиеся светлорозовые лепестки.

Пригревало солнце. Уже давно в хрустальном омуте голубоглазой капли потонули все зимние звуки. Окрестности наполнились детским смехом и звонкими голосами. Гулко поднимаясь ввысь, звуки таяли в настоящем на глубокой небесной синеве воздухе, и лилась над хутором светлая, беззвучно поющая тишина. Румяной порошей заметывались зачерствелые сучья жердел, которые разбрелись по всему хутору, словно весенние вестники, спешившие поскорей сообщить людям о том, что зимнему холоду и серой слякоти наступил конец.

Таинственной, задумчивой улыбкой окрашивала весна хуторские улицы. Эрудит шагал, поглядывая на знакомые подворья, и его сердце наполнялось восторгом. Такое состояние бывает у человека, только что вышедшего на улицу после долгой изнурительной болезни. Когда ему кажется, что все известное с самого детства он видит по-новому, другими глазами, а весь мир посветлел, стал дороже, родней, прекрасней. Встречающиеся земляки радостно улыбались солдату, обнимали его, поздравляли с возвращением, расспрашивали о том, где и как служил; женщины, завидев его в окно, выбегали на крыльцо.

Дома Эрудита никто не ждал, никто не встречал. У него не было ни отца, ни матери. Отец успел построить просторный дом, в сторонке поставил беленькую хатку, а вскоре погиб. В ночную смену пахал он на тракторе совхозное поле, сменился с напарником, нашел клочок соломы и прилег на нем. Напарник, сделав два круга, должно быть, заскучал, сбегал в хутор, напился самогону. В пьяном виде не заметил спящего, зацепил его плугом и запахал.

Эрудит зашел в свою хату, поставил на пол чемодан, сел на табуретку. «Вот я и дома. Неужели вернулся? Неужели это правда?» Он долго не мог отвести своего взгляда от окна и погрузился в воспоминания. Вспоминал о том, как мать плакала от горя, а потом и сама тяжело заболела. Она молила Бога вернуть ей силы, не оставить сына одного. Когда ей стало совсем плохо, нарядилась во все новое и ушла в больницу. А спустя полторы недели ее привезли домой. Болезнь оказалась неизлечимой. Похудевшая до неузнаваемости, она надеялась, как ей пообещали в больнице, на выздоровление и первое время еще пыталась что-то делать по дому. Но вскоре уже не могла подняться с постели. Эрудит часами сидел возле неподвижно лежавшей на кровати матери, обнимал ее и гладил своей ладонью по волосам. Она смотрела на него потускневшими глазами и только плакала. В одну из ночей она умерла.

Утром дом наполнился старухами и молодыми женщинами. Время от времени в дверях появлялись молчаливые малыши, отыскав глазами свою мать или бабушку, они бесшумно, почти на цыпочках, подходили и прижимались к ним. Женщины плакали и причитали. Хоронили всем хутором. С кладбища люди шли гуськом: парами и в одиночку. Войдя в дом, мыли над тазиком замерзшие руки и торопливо рассаживались вокруг столов поминать. Столы, в том числе и тот, на котором еще недавно лежала умершая мать, были накрыты чистыми скатертями и заставлены посудой. Выпили за упокой души и принялись за еду. Уже никто не плакал. Все разговаривали друг с другом о чем-то постороннем, словно позабыв о похоронах. Две соседки суетились у кастрюль, они подносили тарелки с борщом, с кашей и настойчиво уговаривали каждого: «Ешьте, ешьте, мало будет – еще подложим. Каша вкусная – одно масло. А вы в тарелках-то не оставляйте, съедайте все».

Никто и не заметил, как маленький Витя надел отцовский овчинный полушубок, шапку с оторванным козырьком и ушел на кладбище. Допоздна, окоченев на ледяном ветру, он сидел возле могилы матери, а когда вернулся, в доме уже никого не было. Он зашел в хату, встал у окна и разрыдался. Никто не пришел и не позвал его к себе. Растирая до боли распухшие и покрасневшие от слез веки, он смотрел, как бледная луна на угрюмом небе ныряла в неподвижные лохмотья туч. Безлюдный, окутанный черным воздухом хутор, казалось, навсегда погрузился в мрачную холодную мглу. Потом стал кружить и медленно опускаться на замерзшую дорогу снег, проявляя на ней, как на рентгеновском снимке, уродливые бледные пятна. Словно в страшном сновидении, он боялся оглянуться, ему казалось, что сзади кто-то крадется, и все отрешенно смотрел и смотрел в темень: беспомощный и одинокий во всем этом застывшем

на морозе пространстве. Утром взошло яркое зимнее солнце, и весь хутор, засыпанный белым пушистым снегом, заискрился под голубым небосводом. Но мальчик ничего уже не видел. Выплакав все слезы, он спал, свернувшись клубочком поверх одеяла.

Теперь, вспоминая об этом, Эрудит смотрел в то же самое окно, в двух метрах от которого стояла раскидистая вишня. Когда-то ее посадила мать. Он придерживал в ямке саженец, а мать – молодая, красивая – прикапывала его корни землей.

«Вот какое маленькое деревце, – приговаривала она. – Такое же, как и ты. Мы с тобой будем его поливать, и оно станет большое – пребольшое. Потом на нем будут ягодки. Ты тоже вырастешь большой и сильный, если хорошо будешь есть».

Поставив лопату возле вишенки, она взяла сына на руки и пошла на берег Сала. Мальчик, прислонив голову к плечу матери, смотрел туда, где небо опускается на землю, наблюдая за огромной тучей, которая росла и превращалась в черное лохматое чудовище. Ему казалось, что это чудовище всасывает из реки воду и поэтому становится все чернее и больше. Там, где река изгибается, появилась лодка. Она махала тонкими крыльями вёсел, как будто хотела разогнаться, оторваться от воды и взлететь. Потом в лодке появился мужчина, он крутил из стороны в сторону головой и что-то кричал.

– Видишь, дядя такой большой, а дождя испугался, – смеялась мать.

Мальчик поднял голову: чудовище уже проглотило солнце и ползло над самой головой. Вдруг верхушки деревьев наклонились, зашатались, по тополям нарастающей волной пронесся густой шелестящий шум, в лицо пахнул легкий ветерок, в то же мгновение поднялась пыль, вихрем пронеслась, закружилась, вокруг потемнело, и хлынул ливень. Мать еще крепче прижала маленького Витю к себе и побежала домой. В хате было тепло и весело. Они пили горячий чай с вареньем, разговаривали и смеялись.

Сироту приютили соседи Шмелевы. Они жили в низеньком доме напротив. Вера Ивановна, ее звали в хуторе Веркой Шмелихой, заботилась о мальчике как о родном сыне. Помогали и другие люди – кто одежду какую принесет, кто позовет к себе и покормит. Особую помощь оказывал бывший друг отца главный агроном Захар Матвеевич, впоследствии ставший директором совхоза. Он выписывал бесплатно Шмелевым сено для коровы, а по праздникам – мясо и подсолнечное масло.

Научившись читать, мальчик каждый день ходил в школьную библиотеку и до самого закрытия засиживался среди ее пыльных стеллажей, за что и получил прозвище – Эрудит. А потом у Шмелевых родился сын Генка. У Эрудита стало меньше свободного времени. Ему было поручено подметать в доме, натаскивать воду, кормить кур, собирать яйца, летом – полоть грядки, колоть дрова, а теперь добавилась еще одна обязанность – нянчиться с малышом. И все равно он выкраивал время для любимого занятия. В присутствии родителей читал для Генки сказки, а когда они были на работе – все подряд.

До призыва в армию, после неудачной сдачи вступительных экзаменов в институт, Эрудит окончил курсы механизаторов, успел поработать трактористом в виноградарской бригаде и полюбить красивую девушку Нину Чернышеву. В армии она не выходила из его головы, но теперь дружить с ней он не собирался, потому что она не написала ему ни одного письма. А он ждал все два года. Дней за десять до проводов в армию они поссорились, и гордая красавица не позволила себе сделать первый шаг навстречу. Эрудит был уверен, что в ссоре виновата Нина, поэтому тоже молчал. Письма ему присылал только Генка, но и ему Эрудит писать о девушке ничего не велел.

* * *

О возвращении Эрудита из армии Генка узнал мгновенно. Он сбегал с уроков и примчался к своему другу, чуть не задохнувшись. Пулей влетел в хату и прыгнул ему на шею.

– Эрудит! – захлебываясь от радости, воскликнул он. – Ты вернулся!

Эрудит пробежал ладонью по вихрастой голове Генки, потом крепко хлопнул его по плечу:

– Генка, ты меня задушишь. Какие у тебя руки сильные! Надо же, как ты вырос!

Генка разглядывал на Эрудите военную форму и восхищался.

– Что ты так смотришь?

– Дай поносить.

– Подойди-ка лучше сюда! – сказал Эрудит, поставив на стол чемодан.

– Когда пойду в армию, буду проситься тоже в десантные войска, хочу такую же форму, – подпрыгнув к столу, заявил Генка.

Эрудит достал из чемодана скрученный офицерский ремень и бинокль в потертом кожаном футляре:

– Протягивай руки, это тебе.

Генка схватил подарки.

– Вот спасибо! Вот здорово! – Расстегнул футляр, достал тяжелый металлический бинокль с глянцевыми блестящими окулярами и, не веря своим глазам, воскликнул: – Эрудит, это же дорогой бинокль! Настоящий, военный!

– Конечно, дорогой, – сказал Эрудит. – Но мы с тобой ведь друзья. А для друга ничего жалеть не надо.

– Да, мы с тобой настоящие друзья, – подтвердил Генка.

– Теперь беги, после наговоримся вдоволь, а я схожу на могилки родителей. Расскажу им, что вернулся домой.

– Можно, я с тобой?

– Нет, брат, мне надо побыть одному.

Глава II

Месть

На другой день Эрудит помыл свою «Яву», которая обросла пылью, дожидаясь его в сарае два года, проверил колеса и масло в двигателе. Потом переоделся и, напутствуемый пожеланиями удачи от приемной матери Верки Шмелихи, поехал в виноградарскую бригаду. Бригадир Евдокия Григорьевна встретила его с распростертыми руками. От нее он поехал к директору совхоза Захару Матвеевичу, и застал его в кабинете. Захар Матвеевич, высокий, плотный сорокапятилетний мужчина с гладким, слегка обветренным лицом, с твердым, но приветливым взглядом темных глаз, подошел к нему, пожал руку.

– Отслужил. Очень хорошо, – кивая, говорил он с веселой улыбкой. – Жаль, что ты снял военную форму, хотелось бы поглядеть, как ты в ней.

– Надоела она мне за два года.

– В свою бригаду хочешь вернуться? Правильно, я об этом подумал уже.

Твой трактор тебя дожидается. Недельку позанимайся с ним, подремонтируй как следует, чтобы не подвел. Сезон только начинается.

– Я завтра же просмотрю его, выясню, какие нужны запчасти, – выразил готовность Эрудит и прибавил, – может быть, мы с Борькой Лагуновым вдвоем займемся, побыстрее управимся.

– Хорошо! Хорошо! Мне сейчас надо в райком, завтра обо всем переговорим.

– Директор еще раз пожал руку Эрудиту с добродушным и искренним выражением, как бы извиняясь.

* * *

Жизнь на гражданке захватила Эрудита, не дав опомниться. Несмотря на ее кажущееся однообразие, она была насыщенной и увлекательной. Такой ее делали привычная с детства хуторская среда, которая притягивала к себе, общение с друзьями. Эрудит всегда особенно оживлялся, когда к нему прибегал Генка. Он считал его своим братом, помогал ему во всех мальчишеских проблемах. Частенько они вдвоем ходили на рыбалку. Работа ему тоже нравилась: в бригаде все делалось дружно, с энтузиазмом. Между тем Эрудит взялся за подготовку к поступлению в институт и, мужественно преодолевая всевозможные искушения, часами просиживал над учебниками. Зимой жизнь стала еще интересней. Но это – отдельная история.

Теперь же он не хотел ни ускорять течение времени, ни замедлять его плавный ход. Как-то в руки ему попался маленький карманный календарь, в котором в армии крестиками зачеркивал дни, оставшиеся до «дембеля». Он выбросил его и подумал: как быстро все забывается. Прошло всего два месяца после «дембеля», а уже многое из той кошмарной жизни с постоянными стычками и нервным напряжением стало казаться столь незначительным, что исчезло даже само желание о ней вспоминать. Но коварная судьба-злодейка всегда распоряжается по-своему, она снова и снова дает знать о прошлом пути, былых событиях, неких исходных вехах перспективы, и постоянно держит полосатую зебру жизни на тугом аркане.

Больше недели в середине июня шли дожди, потом небо очистилось от пасмурных туч и снова установилось лето – ясное, жаркое. В один из таких дней Эрудит пришел с работы. Когда неспешно открывал деревянные ставни, не пропускающие солнечные лучи внутрь хаты и тем самым сохраняющие ночную прохладу, к нему подбежал Генка с испачканными руками, с мазутными полосами под носом и на щеке. Он вытер пот с лица, еще больше измазав его, и,

очевидно, не в силах удержаться от важного сообщения, которое сильнее всего занимало его в эту минуту, скороговоркой выпалил:

– Эрудит, тебя тут мужик какой-то искал.

– Что за мужик? – спросил Эрудит.

– Такой, здоровый.

– Это и все?

– Ну да.

– Я спрашиваю, как он выглядит?

– Как он выглядит? – сосредоточившись, повторил вопрос Генка. – Высокий, белобрысый, говорит как-то неправильно, медленно и гнусавит. Букву «г» произносит неправильно. Приезжий, наверно. И еще у него глаза выпученные.

– Выпученные, говоришь?

– Ага.

Эрудит посмотрел по сторонам.

– И что он говорил?

– Попросил меня показать, где ты живешь и спросил, где работаешь. Я показал ему твою хату и сказал, что ты на виноградниках.

«Это Дыба», – без тени сомнения решил Эрудит. Ему не хотелось поверить, что бывший сослуживец на самом деле, проделав тысячу километров, приехал, чтоб расквитаться за драку в армии; показалось это невероятным, но сомневаться не приходилось, все складывалось именно так. Не оставляя своих мыслей, он невольно остановил взгляд на Генкином запачканном лице.

– Чего это ты весь перемазался?

– Да велосипед ремонтирую. Почему-то тормоз заедает?

– Получается?

– Не, никак не сделаю.

– Сейчас я поем и помогу тебе.

Генка убежал. Эрудит зашел в хату, включил электроплитку, сварил вермишелевый суп из пачки, нарезал полосками сало и сел ужинать. Поддавшись воображению, он размышлял о появлении Дыбы, старался разобраться в его намерениях и, обдумывая, как избежать неотвратимой беды, взвешивал различные варианты действий. На улице огляделся и, снова пытаясь предугадать события, обмозговал все еще раз. «Куда же мой гость запропастился? Очевидно, дожидается вечера. Интересно, где бы он мог запрятаться? Очень интересно. Пожалуй, мне надо поторопиться». В сарае, переоборудованном под гараж для мотоцикла, снял с гвоздя рюкзак, проверил его содержимое. Сходил на огород, набрал в целлофановый пакет огурцов, принес сало, соль и все это уложил в рюкзак. В сарае было темно, он подошел к верстаку и разглядел на нем топор. Провел по лезвию большим пальцем. «О-о! на таком топоре можно верхом до Москвы доехать. Надо наточить». Подправил бруском острие топора и, закинув рюкзак за плечо, пошел к Генке.

Генка сидел возле перевернутого на руль велосипеда.

– Ты чего с рюкзаком? – спросил он.

– Пошли на рыбалку. Хочешь?

– Ага, – обрадовался Генка.

– Бросай свой драндулет, мы им в другой раз займемся. И позови мать.

В эту минуту распахнулась дверь, Верка Шмелиха сама показалась на пороге.

– Ну, мои милые, никак опять комаров кормить собрались? – хмуро взглянув на Эрудита, проговорила она и плотно сжала губы.

– Да, нынче погода хорошая, пойдем, посидим.

– Теперь до самой зимы будет хорошая погода. Не спится вам дома. Лучше бы делом каким занялись, – серьезно и с недовольством проговорила она.

- Или вы специально от работы сбегаете?
- В том-то и дело, что сбегает, только не от работы, а от гостя.
- От какого такого гостя?
- Да ко мне вот приятель приехал, а я не хочу с ним ветречаться.
- Почему же?
- Не нравится он мне, – сказал Эрудит с улыбкой, которая говорила, что ему самому странно все это.

Видимо, ответ Эрудита не устроил ее, она недоуменно помолчала, соображая что-то. А Эрудит протянул навесной замок и сказал:

– Мама (Эрудит называл ее все так же, как и в детстве – мамой, сказать – Вера Ивановна, у него просто язык не поворачивался), я хочу попросить вас. Как свечерееет, вот этот замок повесьте на хату. Только тайком от моего гостя.

– Что ж ты сам-то не замкнул?

– Я замкнул на внутренний замок, чтоб ему непонятно было: дома я или нет? А когда он увидит, что на двери появился навесной замок, поймет, что я был дома, а потом ушел.

Верка Шмелиха посмотрела на Эрудита, как на человека, у которого прямо на глазах вырос горб.

– Как-то я не пойму? Вечно ты, Эрудит, чего-нибудь выкинешь. Ну, ладно, давай замок. Подождите только, соберу вам поесть.

Генка сообразил: «Тут дело нечисто». – У него загорелись глаза.

Еще не выйдя из хутора, Эрудит велел ему вернуться и перекатить «Яву» к себе во двор.

– И покрутись возле дома, пусть этот тип увидит тебя. В общем, постарайся попасться ему на глаза. Если спросит, скажи, что сплю в хате, пьяный. А я тебя на берегу подожду, у лодки.

* * *

Эрудит не ошибся, это был действительно Дыба. Он появился в хуторе около двух часов и теперь, выжидая время до вечера, прятался от посторонних глаз в лесополосе, которая на целый километр протянулась вдоль хутора. Сидел на поваленном ветром, поросшем зеленым мхом стволе акации, от скуки курил и в сотый раз обдумывал план убийства. Вокруг его головы в косых лучах солнца, проникающих сквозь листву, вились струйки сизого табачного дыма. Главное, размышлял он, это внезапность. Только в фильмах герой заглядывает своей жертве в глаза и высказывает свой приговор. Все это есть пустое. Стоит ли вести разговор с тем, кто через секунду превратится в кусок мяса. Надо просто ворваться в дом внезапно и вонзить нож в спину, так, чтоб пикнуть не успел. А можно постучать в дверь – когда выйдет, тут же напорется на нож. «Как получится, так и получится», заключил он, смахивая с себя муравья.

Приговариваясь к расправе над Эрудитом, Дыба даже не думал, что убийство человека – это самое страшное преступление. Наоборот, он считал это подвигом во имя справедливости. Его философия была такой: каждый человек борется за свое выживание, ибо по законам природы жизнь – это борьба, а побеждает в борьбе, как известно, сильнейший. Значит, от всего, что мешает его жизни или что ему не нравится в ней, необходимо избавляться, имея все на то определяющиеся законом природы основания. Словом, сильный должен победить, а слабый – погибнуть, вот в чем справедливость. Решив немного размяться, он встал.

Дыба всегда красовался своим высоким ростом, спортивной фигурой и считал, что только он достоин всех земных благ. Лениво потянувшись, прошелся по тропинке между плотно стоявшими ровными рядами деревьев, но тут же вернулся, обеими руками подпернул штанины джинсов и сел на прежнее место. Еще раз закурил, расстегнул ворот серой с черными полосками рубашки, взглянул на часы. Стрелки за тонированным стеклом показывали без чет-

верти семь. Он ощущал внутри себя тайное страстное желание, нарастающее с неумолимым упрямством. От осознания своего могущества и величия, это желание распирало грудь, направляло плечи, кружило голову. Он вершитель, он властелин, он судья, ибо чья-то жизнь – в его руках. И он может распорядиться ею так, как ему заблагорассудится. Это он вот здесь и сейчас решает: жить Эрудиту или умереть. От его желания зависит и когда ему умереть: «Сейчас я пойду к нему, и каждый мой шаг приблизит его смерть. Но я человек благородный, не стану спешить, буду шагать медленно, пусть проживет на одну минуту подольше. Я вынес свой вердикт: тот, кто причинил мне зло – должен лежать в могиле».

Он закурил, вновь глянул на часы, поднялся и, пробравшись сквозь высокорослые кусты жасмина, окаймляющего белой кипенью лесополосу и будоражащего своим приторным ароматом все пространство в округе, вышел на тропинку, протоптанную до хутора. В кармане у него был билет на поезд в обратный конец, на одиннадцать часов завтрашнего дня. Дыба рассчитал все до мелочей, даже день недели – пятницу – выбрал с тем расчетом, что до понедельника об Эрудите никто на работе не спохватится. А за это время он будет уже дома, успеет покрутиться среди знакомых для обеспечения алиби. Подходя ко двору Эрудита, увидел уже знакомого Генку, который, беспечно насвистывая, шел ему навстречу. Дыба принужденно улыбнулся:

– А-а, старый знакомый. Ну что, Донцов дома?

– Да, давно уже приковылял, еле вполз в хату, – продолжая идти, ответил Генка. – Спит, наверно, в хате. Он постоянно, как напьется, дрыхнет до самого утра.

– Что, часто пьет? – поинтересовался Дыба.

– Часто. Неделями не просыхает.

– Надо же, – с видимым сочувствием удивился Дыба, – такой хороший парень был – и вдруг запил?

Они разошлись. Дыба был рад услышанному – задача облегчалась. «Сейчас я его закодирую, он у меня быстро отвыкнет от вредной привычки», – повеселев, мысленно глумился он над своей жертвой. Открыв калитку, прошел по дорожке, взглянул на входную дверь в дом, который, судя по всему, был необитаем, свернул к хате, с полной уверенностью, что пьяный Эрудит в ней и уже крепко спит. На солнце блеснуло стальное лезвие ножа. Решительно приготовился и толкнул дверь. Дверь оказалась запертой. Он бросил взгляд на дом – на его двери с облупленной от дождей краской висел ржавый замок. Вновь повернулся к хате и вежливо постучал. Тишина. Обойдя ее, углом глаза посмотрел в окно, но на нем висела занавеска, а за ней – полумрак. Вернувшись к двери, постучал настойчивей, прислушался. Нет, в хате никакого движения. «Пацан не обманул, эта падла точно спит, как убитый».

Дверь в хату казалась легкой, Дыба мог бы высадить ее ударом плеча, но было еще светло, кто-то мог увидеть. Тогда он отошел к сараю, присел на корточки и окинул взглядом округу. На другой стороне улицы возле дома стояла женщина и внимательно рассматривала незнакомца. Это не понравилось Дыбе. Он встал и, как бы почесывая лоб, тем самым прикрывая рукой лицо, неспешно вышел со двора. Верка Шмелиха хотела спросить, что ему надо, но не решилась. Подождала, пока мужчина ушел на приличное расстояние, прошагала к хате, просунула дужку замка в отверстие накладки и повернула ключ.

Дыба удалился по тому же маршруту, по которому и пришел. Прошло больше часа. Когда стало смеркаться, он вернулся. В домах уже зажигались огни, во многих окнах через занавески пробивался тусклый свет. А окна хаты Эрудита не светились. К тому же на двери появился замок. Увидев его, Дыба разозлился. «Надо же, ушел, падла. Если бы эта ведьма не помешала, уже давно замочил бы его. А теперь вот придется поджидать». И Дыба стал строить версии: «Скорей всего, он проснулся и ушел за пойлом. Если так, то вернется быстро. А может, у него есть баба, к ней пошел? В этом случае придется охранять этот двор до самых петухов». Он огляделся. Заметив за крыльцом дома скамейку, переставил ее за угол, сел и стал вести наблюдение за улицей.

* * *

Становилось все темнее, и незаметно темнота сгустилась так, что кроме почерневших домов и деревьев ничего не было видно. Выплюнув окурок, Дыба достал новую сигарету, сунул ее в рот и пошел вглубь огорода. Мокрая от упавшей росы картофельная ботва задевала за ноги, оставляя на них липкую холодную влагу. Выругавшись, он развернулся, вышел из калитки и стал бродить взад и вперед по улице.

Теплая сказочная ночь начинала раздражать. Он слышал, как с речки доносились веселые голоса. Обычно так звонко хохочут и перекликаются девчата во время ночного купания. Далеко над рекой вспыхивали отблески костра. По самой середине улицы, негромко переговариваясь, плыла влюбленная парочка. «Может, сходить на речку да изнасиловать какую-нибудь крестьяночку, а потом прикончить ее. Все равно время зря пропадает, – взбрело ему в голову. – Этим самым я введу в заблуждение следствие, потому что менты начнут искать связь между смертью Донцова и купальщицы». Смелая идея ему понравилась. Он остановился. Было над чем подумать. Он уже представил бьющуюся на густой траве перепуганную красотку с распущенными, как у русалки, волосами. Уже повернулся к реке, но в последнюю секунду передумал. «Нет, заорет стерва. Все дело испортит». Это поколебало его решение, подумав еще немного, он окончательно отверг свой злой замысел. Посмотрел вслед влюбленной парочке: «Может быть, вот эту лебедушку поймать, и ходить далеко не надо. – Но тоже передумал. – Кто же насилует прямо на дороге, да еще в присутствии жениха? Кому понравится?»

Вернувшись во двор, Дыба прислонился спиной к хате, продолжая пялить глаза в темноту. Ему становилось ясно, что Эрудит скоро не придет. Вдруг за хатой что-то зашуршало. Он схватился за нож и, затаив дыхание, напрягся. Через минуту снова зашелестело, потом еще. И тут мимо калитки, обнюхивая землю, пробежала дворняжка, остановившись возле столбика, подняла заднюю ногу, затем свернула за изгородь. Дыба раздраженно выдохнул.

Он с утра ничего не ел и только теперь ощутил голод. «Чем бы тут у моего друга поживиться? В хате, наверняка, найдется что похавать, но из-за этого не стоит выламывать дверь, такие мелочи всегда и подводят. Сначала пошукаю в огороде, должно же там быть что-то съедобное». Его раздражение усиливалось. «Где этот ловелас всю ночь болтается? Убить его мало!» – попытался развеселить сам себя Дыба и направился в огород.

Попыхивая сигаретой, он осторожно ступал по меже. Под ногами что-то хрустнуло. Он нагнулся, пошарил руками и сразу обнаружил огурец. Тут же съел его и снова стал шарить, но кроме мокрых шероховатых листьев и комьев земли больше ничего под руку не попадалось. Тогда он подошел к дереву, пригнулся и посмотрел снизу вверх. На фоне беззвездного неба заметил какие-то плоды. Это были жерделы. Изголодавшийся гость стал срывать их и есть, выплевывая косточки, при этом мысленно подшучивая над собой: «Красота! Я тут как Адам в раю». Плоды были твердые, недоспевшие, но уже сладкие и даже вкусные. Чем он больше ел их, тем они казались вкуснее.

Утолив голод, Дыба вернулся к скамейке, сел, откинулся назад и, положив ногу на ногу, с удовольствием затянулся последней сигаретой. Сидел очень долго. Была уже глубокая ночь, в хуторе, кроме бесконечно глубокой темноты, – ни одного огонька или звука. Вдруг он почувствовал в своем животе неладное: что-то неприятно забурчало, забулькало и так прихватило, что едва успел сделать несколько шагов, расстегнуть джинсы и присесть. Только встал, подтянул и застегнул брюки, как в животе забурлило опять. Судорожным движением рук он спустил брюки и снова присел. Эти реверансы, сочетающие элементы стриптиза и основной позиции канкана, он выделял несколько часов подряд. Такой удар судьбы невезучий мститель принял с агрессивным протестом, ибо подобного варианта в его планах не могло быть никак. От рас-

стройства желудка исчезли безвозвратно и самоуверенность, и ощущение собственного величия.

В конце концов, наступила передышка. Ему захотелось курить. Зная, что сигареты кончились, все равно сунул руку в один карман, затем – в другой... В карманах было пусто. Холодея, он вскочил, продолжая ощупывать себя. На месте оказались только билет на поезд и зажигалка. Нож и деньги исчезли.

Он понял, что выронил их где-то здесь, а где именно, неизвестно. Все еще ночь, по-прежнему кругом ни огонька и ни звука. Но ждать, когда придет рассвет, было нельзя, необходимо срочно предпринимать какие-то действия. И Дыба начал поиск. Мысленно разбил огород на квадраты и стал методично шарить руками по земле. Через несколько минут нащупал пустую пачку от сигарет. Вскоре обнаружил и нож. Но деньги как сквозь землю провалились.

Выбившись из сил и утратив всякую надежду, он прекратил поиск, обтер травой испачканные руки и сел на скамейку. Было около трех часов утра. В воздухе замаячил рассвет. Он размышлял: «Билет на поезд на одиннадцать часов. Автобус из Семикаракорска идет в восемь, из хутора – в семь.

Значит в моем распоряжении чуть больше трех часов. Если до этого времени Эрудит появится, то еще успею замочить его, выбраться из хутора и благополучно сесть на поезд. Но как доехать до Ростова с таким диагнозом. К тому же – без денег?»

* * *

Ожидая Генку на берегу речки, Эрудит не сидел без дела. Из кустов он вырубил колышки для установки палатки, а после стал собирать сушняк. Когда Генка прибежал, они вдвоем загрузили дрова в лодку и поплыли против течения реки. Проплыв метров четырехста, пришвартовали лодку к противоположному берегу. Выбрали место для палатки, поставили ее, настелили веток, поверх набросали траву. Потом Эрудит приступил к разматыванию закидушек, а Генка занялся костром.

Доложив о встрече с Дыбой, мальчишка стал с энтузиазмом пересказывать книжку «Последний из могижан». Эрудиту было неинтересно слушать, в голове крутились другие мысли, но он знал, что останавливать его бесполезно. Распутав лески, достал из пакета масляные квадратики макухи, просунул их в тугие резиновые колечки, вырезанные из велосипедной камеры, и обе, одну за другой, закинул на самую середину реки. В это время и Генка уже вдохнул в костер огненную жизнь.

Вечер был такой безветренный и теплый, что даже костер горел как-то особенно мирно. Сухие дрова, объятые ярким пламенем, искрились и потрескивали совсем как в деревенской печке. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, его светлые блики теребили неровные границы ночной тьмы, за пределами которых она казалась еще чернее и гуще. Генка закончил историю о Кожаном Чулке, заслонил рукой свет от костра и, взглянув на Эрудита, понял, что тот его не слушал. Эрудит задумчиво смотрел на огонь, поправляя костер короткой палкой. Конец палки то и дело вспыхивал, Эрудит машинально, сбивая пламя, ударял ею о землю. Генка тоже умолк. В росистой траве чуть слышно стрекотали кузнечики, камыши стояли, не шелхнувшись, словно прислушивались к тишине сонного воздуха.

Генка подбросил в костер дров и, не выдержав больше молчания, попросил:

– Эрудит, давай поговорим о жизни.

Эрудит оторвал взгляд от костра, швырнул палку в огонь, как-то странно усмехнулся.

– Давай. Сейчас потолковать о жизни самое время. С чего начнем?

– Сначала расскажи, о чем ты сейчас думал.

– Как раз о житухе на земле нашей грешной я и думал, о назначении нашем, о превращениях судьбы.

Генке надо было разговаривать его, и он спросил:

– Ты что ль в судьбу веришь?

– Да, в судьбу я верю, но только наполовину.

– Как это?

– Дело вот в чем. На мой взгляд, у каждого из нас есть своя Аннушка с бидончиком, которая может пролить масло где угодно и когда угодно. Но это не означает, что мы должны непременно поскользнуться на нем. У нас всегда есть выбор, как у Иванушки-дурачка: налево идти, чтоб жениться, направо – коня потерять, или прямо, чтоб голову сложить. Это называется свободой воли. Свобода воли дана нам Богом, а судьба – от дьявола.

– Ты считаешь, что дьявол на самом деле существует? – удивился Генка.

– А как же? Если мы верим в Бога, то должны признавать и существование сатаны. Так ведь? Ну вот. Мне кажется, что ни Бога, ни дьявола мы сами по себе не интересуем, то есть им безразлично – больной ли ты, здоровый ли, долго будешь жить или недолго. Их интересуют исключительно наши грехи, следовательно – и это главное – наши души. Именно за наши души между Богом и дьяволом идет постоянная борьба. Поэтому полагаться на свободу воли мы можем тоже только наполовину, так как получается, что не все во власти Божьей. Вот, например, живет человек. Добрый, верующий в Бога. Он заботится о своей душе, ревниво соблюдает все заповеди Божьего писания. Живет, не помышляя ни о чем худом, то есть делает все так, как Богу угодно. Но в один прекрасный день к нему забираются грабители. Защищая свое добро, он борется с ними и, не желая этого, одного из них убивает. Вопрос: как Бог допустил, чтобы благочестивый человек совершил этот большой грех, не желая его совершать? Если предположить, что мы полностью во власти Бога, радеющего за чистоту душ наших, то получается, что это он подтолкнул верующего человека на совершение греха. Но такого нельзя даже предположить. Выходит, что в этом случае Бог не смог противостоять дьяволу, который спит и видит, как всех нас сделать грешниками. Но в том-то и дело, что дьявол никогда не спит. Он, в чьих руках находится наша судьба, постоянно подсылает к нам Аннушку с подсолнечным маслом. Таким образом, на первый взгляд, у человека есть два пути: первый – полностью повиноваться судьбе; второй – полагаться только на свободу воли, то есть следовать заповедям Господним. Но ни по первому, ни по второму пути мы идти не можем, так как в борьбе за душу человека у Бога и сатаны силы равны, и каждый из них тянет нас в свою сторону. Выбравший первый путь живет легко: плывет по волнам, куда кривая выведет, при этом пальцем пошевелить не хочет – попивает пиво да покуривает, мечтает себе о хорошей жизни и даже о зле не помышляет. Не зря же говорят, благими намерениями вымощена дорога в ад. Тому же, кто выбрал второй путь, постоянно приходится преодолевать трудности, потом и кровью добывает он хлеб свой насущный, печется о благе близких своих. Но и первый и второй рано или поздно, пусть даже на короткое время, вынуждены будут отклониться от выбранных ими путей. Первый, обычно с большим опозданием, все равно осознает свою ошибку и попытается встать на путь истинный. А второй рано или поздно попадет в сети дьявола. Значит, мы всегда находимся между Богом и дьяволом и должны шагать по жизни, как эквилибрист по канату, постоянно балансируя между ними, то есть находиться посередине. Этот путь древние так и называли – золотая середина.

Генка слушал внимательно, переваривая каждое слово.

– Получается, что человек сам себе не хозяин?

– Ну, как же не хозяин, если он имеет право выбора своей тропинки? Получается, что человек просто не должен отдаваться на произвол судьбы, а наоборот, жить вопреки ней.

– Я не понимаю, – сказал Генка, – как же жить вопреки судьбе, если человек хочет этого или не хочет, все равно совершает то, что вынуждают его обстоятельства, как, например, этот праведник.

– В том-то и дело, что мы не всегда можем увернуться от своей судьбы. Однако частенько попадаемся в ее капкан и в том случае, когда могли бы избежать этого. Вот представим себе человека в образе мышки, которая увидела лакомый кусочек в том самом капкане и думает: рискнуть или нет? А, думает, была, не была, попробую! В результате – хлоп, и попалась. И вот сидит она с прижатым хвостиком и ругает себя: ах, какая же я глупая, что такую ошибку допустила, как зря я сделала, что полезла в этот капкан! – Эрудит сделал паузу. – А теперь скажи сам, какая получается мораль?

– Мораль такая: оказавшись в капкане, думать поздно, надо раскидывать мозгами тогда, когда ловушка еще не захлопнулась, – сказал Генка.

– Молодец! – похвалил его Эрудит, – намотай это себе на ус. Кстати, об индейцах. Пока ты мне рассказывал о них, я вспомнил одну интересную притчу. Когда-то давно старый индеец открыл своему внуку одну жизненную истину. В каждом человеке идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло – зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь... Другой волк представляет добро – мир, любовь, надежду, истину, доброту, верность... Маленький индеец, тронутый до глубины души словами деда, на несколько мгновений задумался, потом спросил:

– А какой волк в конце побеждает?

Старый индеец едва заметно улыбнулся и ответил:

– Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь.

* * *

Друзья еще долго сидели у огня и разговаривали. Потом Генка напомнил Эрудиту о том, что он обещал показать ему приемы. Они поднялись и занялись изучением боевого искусства.

– В первую очередь научимся падать, – сказал Эрудит.

– А чего тут мудрого, – удивился Генка, – я и без обучения могу, шлепнулся и готово. Эрудит засмеялся.

– Я знаю, это ты можешь. Но важно не поломать руки, поэтому держи их вот так, – и он показал, как, падая, одну руку надо быстро выбрасывать вверх, а вторую прижать к боку.

Они схватились. Эрудит делал подсечки Генке, каждый раз комментируя его приземление.

– А теперь попробуем в боевых условиях, – сказал он и ловким захватом подбросил Генку так, что, не успев ничего понять, мальчишка приподнялся в воздух, отлетел в сторону и упал на землю. Упал правильно. Эрудит оценил это. Генка полежал, взъерошился, вставая, и предстал перед Эрудитом в угрожающей стойке и с хмурым лицом.

– Что, бледнолицый, потолкаемся?

– Мой брат встал на тропу войны? – произнес Эрудит, тоже приняв воинственную позу и придав себе выражение готовности вступить в смертельную борьбу.

– Ага. Я закопал трубку мира.

– В таком случае береги свой скальп!

Напрыгавшись и наборовшись, они присели немного передохнуть, а отдышавшись, с аппетитом съели свои припасы. Костер догорал, его неяркое пламя отражалось в гладкой поверхности реки и билось на ней, словно живое перо жар-птицы. Оно как будто выпархивало из воды, вспыхивало и, не успев исчезнуть, появлялось вновь. Вода в реке казалась черной и неподвижной. Заметив, что Генка начал клевать носом, Эрудит скомандовал отбой.

– Наелись, напились и спать уложились, – сказал Генка и полез в палатку.

Через несколько минут он уже спал, тихо посапывая. Эрудит тоже пытался заснуть, но веки его не смыкались, на какое-то время он погрузился в сон, но туман в голове снова рассеялся, и мысли его стали опять четкими и ясными. Сна больше нет. Какая-то неприятная тоска

овладела им. За короткий срок, прошедший после армии, он успел привыкнуть к спокойной, размеренной жизни. Теперь предстояло принять очень непростое решение.

Выбравшись из палатки, он вернулся к костру, в котором еле теплились последние угля, их красные огоньки едва пробивались из-под серой, как войлок, золы. На непроглядном ночном небе появились подслеповатые звезды, в засеребрившихся тающих облаках показался расплывчатый месяц.

В реке шумно всплеснула рыба. Наступало утро.

Эрудит спустился к воде, сидел и наблюдал за течением реки. Извилистое, как змея, русло реки Сал здесь было прямым и ровным. Сначала казалось, что вода течет одним спокойным и ровным потоком. Но чем дальше он смотрел, тем больше убеждался, что это не так. В середине ее поток стремительный, с переливами. Чем ближе к берегу, тем он глаже и тише. У самого берега – водоворот. Из глубины с неукротимой энергией выдувается большая выпуклая линза, вокруг которой с переменной скоростью вращаются струящиеся вихри, увлекающие за собой намокшие листья, водоросли и ветки. Они сталкиваются между собой и, пытаясь вырваться из этой круговерти, постоянно отклоняются от своей траектории, но, как намагниченные, притягиваются и вновь продолжают бестолково вращаться. Что происходит на дне – не видно. Но и там нет однообразия. Миллионы песчинок переносятся по нему за десятки и сотни километров. Размываются берега, отделяются от них куски земли и глины и перекачиваются течением до тех пор, пока не уткнутся в какую-нибудь корягу, застрявшую в зыбком иле. Вот так же, думал Эрудит, течет в крутых берегах времени и река нашей жизни: то стремительно, то беспечно, а то внезапно закрутит в омуте бед и невозможно из него вырваться. Или затянет в застойную мутную заводь с клочками тухлой пены. Она так же весной бурлит, летом весело журчит и сверкает на солнышке, осенью становится холодной и тяжелой, как свинец, а с наступлением зимы – цепенеет под тяжким ледяным пластом.

Раздумавшись, Эрудит вдруг вспомнил девушку-ангела, которая ехала с ним в автобусе, ее глаза, большие и голубые, как светлая и чистая мечта. Оттого, что он их больше никогда не увидит, ему сделалось грустно.

Потянул влажный ветерок. Эрудит заглянул в палатку, лучше прикрыл одеялом спящего Генку, взял топор, сел в лодку и оттолкнулся от берега. Ритмичный всплеск весел метрономом отмерял такт мелодии струящихся струн реки.

* * *

Когда Генка проснулся и выскочил из палатки, солнце уже поднялось. Прищурившись, он осмотрелся вокруг. На лугу, возле лесополосы на другой стороне реки, паслось стадо коров. Среди зеленых лоскутов садов и огородов белели домики. Потянувшись, мальчишка несколько раз взмахнул руками и побежал к реке умыться. Прыгнул в лодку, хлопнул рукой по воде – брызги разлетались в разные стороны, обдавая лицо и все тело холодной влагой. Он умылся, посмотрел на дно лодки и неожиданно для себя увидел на ее дне топор.

– Эрудит, – крикнул он, насторожившись, – ты куда-то ночью плавал?

Эрудит сидел у костра, смотрел вверх реки и молчал. Генка подошел к нему и снова спросил:

– Ты что, умер? Я спрашиваю, куда ты плавал, пока я спал?

– Никуда, я от костра не отходил ни на шаг, – улыбнувшись, ответил Эрудит.

– Знаешь что, – пригрозил пальцем ему Генка, – маленьких нельзя обманывать.

– Как ты догадался? – спросил Эрудит.

– По веслам. Весла мокрые. Я наблюдательный, не то, что некоторые, – соврал он.

– А то, что костер горит, не заметил? Он ночью погас. Я плавал на ту сторону, сухой сук срубил, вон уже догорает. Погреться не хочешь?

– Я не замерз, – глядя недоверчиво на Эрудита, произнес Генка. – Пойдем лучше закидушки проверим.

Они спустились к двум колышкам, от которых косо спускались натянутые лески.

– Какая твоя? – прищурился Генка.

– Выбирай сам, так мне больше повезет, – глядя без всякого интереса куда-то в сторону, сказал Эрудит.

Генка хитро присмотрелся к закидушкам. Левая была натянута туже.

– Хорошо, моя слева. Начинаем одновременно.

Эрудит дернул закидушку и сразу стало ясно: пусто. А Генка почувствовал, что не ошибся. Он проворно перебирал руками натянутую, как тетива леску. Вдруг она дернулась и затряслась.

– Есть! – воскликнул Эрудит. – Держи крепче!

Генка, браво посматривая на него, подтягивал закидушку все ближе, и тут из-под воды мелькнула бурая голова сазана. Он вдруг рванул леску, блеснул широким мокрым боком и потянул вглубь.

– Води, не отпускай леску! – крикнул Эрудит и подбежал к Генке.

– Я сам, – остановил его Генка. – Я справлюсь сам, – повторил он еще раз, боясь, что Эрудит не выдержит и начнет помогать.

Заядлый рыбак, стараясь изо всех сил, подтягивал рыбину ближе и ближе. Вдруг она уперлась, сверкнула на миг и потянула к противоположному берегу. Опасаясь, что леска может оборваться, Генка с минуту удерживал ее в натяжку, а как только рыбина ослабила сопротивление, начал быстро-быстро перехватывать руками. И тут у самого берега выбросился вверх огромный сазан, громко шлепнулся, изогнулся дугой и, подгоняя себя хвостом, пошел кругами.

– Уйдет! – крикнул Эрудит, выкинул руки вперед и бросился в воду. Через мгновение он вынырнул, вцепившись обеими руками в жабры сверкающего крупной медно-золотистой чешуей гладкого красавца. Тяжелый сазан отчаянно вырывался, выгибаясь округлым туловищем и ударяя сильным упругим хвостом. Генка быстро подбирал и наматывал на руку леску, конец которой оставался во рту рыбины. Тем временем борьба продолжалась: сазан беспрестанно бился, грозно напрягался, выкручивался и дергался рывками. Сильные руки Эрудита с трудом удерживали крупную добычу. Хватанув воздуха, рыбина особенно яростно задергалась, завибрировала хвостом. Прижимая ее к груди, Эрудит стал осторожно выбираться на берег, вдруг его нога скользнула по илистому склону, он опрокинулся назад и вместе с добычей исчез под водой. Генка стоял в засученных до колен штанах, в расстегнутой клетчатой рубашке с мокрыми рукавами и не знал, что делать. Тут он сообразил. Упал на живот и стал спускаться в речку ногами вперед. Эрудит вынырнул и крикнул:

– Руку, руку! Скорей руку давай!

Генка одной рукой ухватился за торчащую из воды корягу, второй вцепился в рубашку Эрудита и стал с напряжением тянуть его к себе. Только благодаря этому Эрудиту удалось выкарабкаться на берег с сазаном в руках. Он победно поднял трепещущую рыбину над головой, подошел к палатке и опустил ее на траву. Рыбина извивалась и билась с удвоенной энергией, не понимая, что, оказавшись на берегу, спасти свою жизнь у нее уже не было никакого шанса. Внезапно она притихла и, лежа на боку, стала беспомощно открывать большой рот, выпуская пенистые пузыри воздуха. Генка, пронаблюдав за последними усилиями рыбины, не сдержался от восторга.

– Повезло так повезло!

Течение реки быстро несло лодку. Эрудит опустил весла, сидел, взявшись руками за борта, и посматривал на берег. Генка о чем-то напряженно размышлял, судя по движению зрачков, в его голове мелькнула какая-то значительная мысль, и он спросил:

– Эрудит, ты правду мне сказал?

Эрудит понял, о чем спросил его Генка, но уточнил:

– Что ты имеешь в виду?

– Почему томагавк очутился в лодке? Ты точно за дровами плавал?

– Подумай сам, смогу я тебя обмануть или нет?

Генка промолчал, в его глазах так и остался заданный им вопрос. Эрудит посмотрел на него и ответил:

– Генка, я сказал правду. И я знаю, о чем ты думаешь. У меня было намерение повстречаться с нашим гостем, но я решил не спешить. Ты, возможно, и сам не догадываешься, что спас мне жизнь. Если бы не твоё предупреждение о появлении в хуторе Дыбы, ещё неизвестно, чем бы все кончилось. И Эрудит рассказал Генке о драке в армии и объяснил, с какой целью приехал Дыба.

– Я так и подумал, – признался Генка.

В хутор они заходили с тылу. Прошли огородам и через заднюю калитку проникли в Генкин двор. Вера Ивановна возилась возле таза с бельём. Повернув голову и увидев в Генкиных руках внушительную рыбину, она так удивилась, что выпустила тряпку из своих рук.

– Вот это да! Я думала, что такие только в Дону водятся.

Генка сходу, поглядывая то на Эрудита, то на мать, принялся сочинять страшную небылицу об их невероятных приключениях на рыбалке, в которых не хватало только кораблекрушения, цунами и крокодилов.

– Вот какой у тебя сын! – глотнув воздуха, заключил он настолько серьёзно, как будто и сам поверил, что все рассказанное им было на самом деле.

– Дорогой мой Мюнхгаузен, я скоро заикаться начну от твоих страшилок, – сказала, погладив Генкины волосы, мать.

А Генка взял её за рукав и потянул.

– Мама, ням-ням!

– Идите, там сами найдёте чего-нибудь, а я пока вашего поросёночка почищу.

Войдя в дом, друзья в первую очередь заглянули в холодильник. Генка поставил на стол две эмалированные кружки и налил в них холодного молока. Тем временем Эрудит отрезал от буханки два толстых ломтя чёрного хлеба.

* * *

Дыба долго сидел на скамейке без движения, как истукан; казалось, ждал чуда: вот сейчас повернет голову и увидит на травке сложенные вдвое купюры. Но не было ни чуда, ни Эрудита. Он встал, ещё раз осмотрел двор, обошёл вокруг хаты. Его взгляд скользнул по большой трещине под окном, в которое заглядывал вечером. Среди набитого в неё мусора торчала какая-то синяя бумажка. Присел на корточки и стал щепкой выковыривать мусор. Денег там не было. «Их и не могло тут быть, – плюнул он. – Зачем же тогда я ковырялся? Нельзя же быть таким идиотом!» Крадучись, прошёл вокруг хаты, заглянул в окна: ничего не видно, кроме своего серого уставшего лица. Это разозлило ещё больше. Снова мелькнула мысль выломать дверь, но он решил, что это будет ещё глупее: «Если Эрудит на целые недели уходит в запой, откуда там возьмутся деньги?»

Осмотревшись по сторонам, Дыба взглянул на часы: было около пяти, а казалось, как будто рассвет наступил уже давным-давно. Он присел под окном и стал размышлять. «Наверное надо идти на остановку. Можно ещё подождать, но если Эрудит так и не покажется, то только зря потеряю время, могу опоздать на автобус, – значит, пропадет билет на поезд. Тогда будет ещё хуже». Он допускал, что до Семикаракорска добраться без денег можно, главное,

надо сесть в автобус, а потом с ним никто не справится. На автовокзале, в крайнем случае, придется загнать часы.

Хутор просыпался. По синему небу тянулись редкие облачка, и каждое из них пыталось хоть одним краешком коснуться солнца; его лучи пригревали, но в воздухе еще оставалась ночная свежесть. Хутор уже не был такой, как ночью: дома словно передвинулись, а кроны деревьев, растущих по обеим сторонам улицы, поредели. По дороге ехала упряжка – лошадь мотала головой и помахивала хвостом, отгоняя слепней и мух. Она топала сама по себе, телега подпрыгивала; свесив поперек нее ноги и держа в одной руке свисающие вожжи, в телеге тряся небритый мужик. Его опущенная голова беспрерывно кивала, как будто он все время с чем-то соглашался. В переулке громко переговаривались две женщины.

– Зинк, твоя во сколько пришла?

– Я не слышала. Вчера ухандокалась на работе, сама спала без задних ног.

– А моя гулена только под утро заявила. Дрыхнет. Теперь палкой не добудишься. Хорошо, отец не видал, он бы ей всыпал. Говорит, на речке была. Взяли моду по ночам купаться.

– Дело молодое.

– Молодое-то, молодое, но они ведь не одни купаются, а с парнями. Сама знаешь, до чего такие игрушки доводят.

– Я как-то и не подумала, вроде моя еще маленькая.

– Ага, маленькая, ты скажешь тоже. Маленькие по ночам спят, а этих – как вечер, дома на веревке не удержишь.

Небритый на телеге продолжал одобрительно кивать головой: согласен, согласен.

Дыба все думал: ехать или ждать Эрудита? Времени для размышлений больше нет. Если сейчас же не идти на остановку, будет поздно. Нет, ошибки уже не исправить, надо ехать. Да, нужно срочно выбираться из хутора. Не захлопнув калитку, он вышел со двора и побрел по дороге.

За хутор на трассу Дыба вышел точно к автобусу. Автобус был проходящий. Дыба первым шмыгнул на ступеньку и сел на свободное место. Когда вошли еще несколько человек, водитель объявил:

– Передавайте деньги на билеты. – Пассажиры передали мелочь по цепочке. Пересчитав монеты и людей, водитель возмутился: – Кто-то не передал. – И, обратившись к Дыбе, спросил: – Молодой человек, вы не передали деньги?

Дыба оскалился.

– Хватит разборки устраивать, поехали!

– Пока не передадите деньги, я с места не тронусь! – заявил водитель.

– Сколько можно стоять? Поехали! – послышался сзади недовольный мужской голос.

– Это, наверное, какой-то убогий, откуда у него деньги? – съехидничала женщина с золотыми сережками, даже не взглянув на Дыбу.

– Ничего себе убогий, ты погляди, какая дылда. Убогие в рванье ходят, а у этого и рубашка, и штаны новые. Привыкли за чужой счет жить, – возмутился кто-то еще.

В глазах Дыбы сверкнула злоба. Он наклонился к водителю и пригрозил жестким голо-сом:

– Поехали, я сказал, а то уши обрежу!

Водитель пригнулся, проверил левой рукой, на месте ли гаечный ключ 29 на 32, убедившись, что инструмент на месте, повернулся. Взгляд его был твердым.

– Рецидивист это, вот он кто, – робко проронила женщина в очках.

Как раз в это время у Дыбы произошел рецидив. Он схватился за живот и, выскочив из автобуса, побежал к заросшему бурьяном пригорку. Автобус дернулся и поехал. Дыба рванулся бы вдогонку, но обстоятельства вынуждали его смиренно сидеть, пригибаясь за молодыми

побегами амброзии. Застонав, как раненый зверь, он заскрежетал зубами, а на его осунувшемся лице выразилась беспомощная ярость. Он чувствовал, как от злости бешено барабанит сердце. Он готов был сейчас перегрызть глотку любому, попавшемуся ему на глаза. «Никогда не теряйте самообладания. В критических ситуациях рождаются гениальные идеи», – вспомнил он наставления лейтенанта Утехина. «Я сильный, я найду выход! – давал установку он сам себе. – Надо успокоиться, сосредоточиться» – продолжал он делать себе внушения. И сконцентрировав силу воли, глубоким вдохом вбирая в легкие воздух и медленно выдыхая, застегивал джинсы, при этом пытаясь достичь душевного равновесия, в то же время размышляя: «Необходимо немедленно раздобыть деньги, иначе отсюда не выберешься. Как проще всего и быстрее это сделать? Самый надежный вариант – кого-то ограбить. Но кого? В этой дыре одна нищета. Стоп! Тут есть магазин! Да, да, надо брать магазин – это единственно верный шанс». Решение было принято.

* * *

Под окном магазина с открытыми деревянными ставнями, скрестив руки на груди, беседовали две женщины. Они обернулись, посмотрели на долговязого парня и, изучив его спину, продолжили свой разговор. Дыба перешагнул дощатые приступки и открыл дверь. При виде незнакомца продавщица быстро заморгала. «Или ревизор, или инструктор райкома партии», – подумала она и застыла в ожидании. Дыба окинул взглядом полупустые витрины, на которых стояли батарея противотанковых бутылок с «червивкой», пирамидка из банок кильки в томатном соусе, десятка два килограммовых пачек соли, стопка сигарет «Прима» и два оббитых эмалированных лотка с ржавой соленой селедкой и килькой. На прилавке лежали деревянные счета и стояли весы с птичьими носиками, на одной из чашечек которых покоилась килограммовая гиря. Дыба оценил обстановку, вздохнул.

– Не фонтан.

– Что вы спросили? – спросила продавщица.

– Смотрю, с продовольствием у вас тут напряг, – озабоченно произнес Дыба.

– Потому что ни сахара, ни конфет нет, – стала оправдываться продавщица. – Если на прошлой неделе я получила ящик цейлонского чая, его за два часа размели. Все только план требуют, а где я его возьму? Кому нужна эта килька, у нас в речке своего гибрида полно, бесплатно.

У Дыбы появилось сомнение в сумме наличности, он культурно спросил:

– Вы сможете разменять мне двадцать пять рублей?

– Я бы разменяла, – бросившись к ящику с деньгами, сказала она, выражая интонацией голоса полную готовность, – но у меня одна мелочь, рубля полтора, не больше.

Дыба молча уставился на продавщицу и глядел так долго и так пристально, что ей стало немного не по себе; она растерялась, не понимая, что от нее требуется, и начала суетливо перебирать руками свой застиранный фартук. Ее острое бледное лицо еще больше заострилось, а тонкие губы сжались. Тяжело вздохнув и помрачнев, Дыба отвернулся и подошел к окну, под которым все в той же позе стояли женщины и вели свой нескончаемый разговор. «Что ж это мне так не везет? – задался он вопросом. – А вот ей сегодня повезло». – Ты под каким созвездием родилась? – продолжая смотреть в окно, спросил он.

– Я не под созвездием, я днем родилась, под солнышком, – с робкой радостью ответила она.

– На лужайке, что ли?

– Нет, не на лужайке, я на огороде родилась. Мама полола морковь, прямо на грядке и родила меня.

Дыба обозрел ее еще раз и поинтересовался:

– Звать-то тебя как?

– Зинулей. Вообще-то Зиной, но я привыкла, чтоб Зинулей звали, – ответила продавщица и покраснела румянцем. Зинуля всегда краснела при разговоре с незнакомыми людьми, особенно с парнями, потому, что была очень стеснительной девушкой. А ей так хотелось стать смелой. Устроившись работать в магазин, куда постоянно заходили покупатели, она надеялась научиться живому общению, всякий раз старалась не поддаваться панике. Однако краска неумолимо расплзалась по бледным щекам ее, даже когда она вовсе не волновалась. Недавно от нее ушел жених, предпочел ей более веселую и раскованную Ирочку Лыткину. С этого дня у Зинули началась серая, унылая жизнь. Грустная и угнетенная, она не находила себе места, и с горя решила сходить к местной гадалке, узнать свое будущее. Та раскинула карты и предсказала ей, что вот-вот явится ее суженый – из казенного дома, высокий и богатый. «Это он», – не колеблясь, уверилась она.

– Вот что, Зинуля, ты одолжишь мне пачку сигарет? У меня деньги только крупные, – прогнусавил предполагаемый кавалер.

Зинуля затревожилась. «Он точно какой-то начальник, хочет проверить, даю я в долг продукты или нет?»

– Нет, не могу, – с достоинством проговорила она, – у нас строгая отчетность, я никому ничего в долг не даю.

«Вот сучка», – про себя выругался Дыба. Ему захотелось вмазать ей по противной крысиной роже, но он сдержался.

– А вообще-то в таких случаях положено сначала предъявлять свои документы, – дрогнувшим голосом пролепетала она.

– Но ты даешь! И как это пришло тебе в голову? Какие документы могут быть у бандита! – усмехнулся Дыба и пожал плечами. На секунду Зинуля замерла, а потом, сжав губы, приснула и прикрыла рот ладонью. – Значит, в огороде, говоришь, родилась, – пронаблюдав за Зинулиной экспрессией и думая о чем-то другом, уточнил Дыба.

– Ага, в огороде.

Дыба хотел сказать, что поэтому и похожа на чучело огородное, но не сказал, повернулся и вышел из магазина. Зинуля выждала несколько секунд и подбежала к окну: Какой интересный! И разговорчивый такой. А высокий-то, прямо выше человеческого роста, сразу видно – городской. И главное – молодой, а уже начальник. Правда, глаза у него выпученные. Но это не страшно. Лишь бы человек был хороший. И шутник опять же. Она забежала за прилавок, достала из-под прилавка зеркальце, кокетливо поворачивая голову, рассмотрела себя и справа, и слева. Ей показалось, что она произвела на него эффект, не случайно же он спросил, как ее зовут. Наверное, хотел познакомиться? «А я, как дура, не догадалась. Надо было тоже спросить». Она не могла знать с точностью, понравилась ему или нет, но поняла, что сама действительно полюбила его и стала обдумывать, как подготовиться к очень значимому в её жизни событию. «Пойду в клуб в новом платье и причесон сварганю, – решила она. – Вдруг он останется в хуторе с ночевкой. Постараюсь быть посмелее, нашим-то парням скромные девки не нужны, а городским тем более разбитные нравятся».

* * *

Сквернее настроения, чем теперь, у Дыбы не было никогда. Ему оставалось только одно: найти свои деньги. Ускоряя шаг, он направился обратно к дому Эрудита. Тут его взгляд привлёк стоявший под тополем зеленый «Москвич». Улица была безлюдной. «Это тоже вариант», – решил Дыба. Осмотревшись по сторонам, подошел к легковушке, дернул дверцу – она приоткрылась. Перебегнуть провода – дело нескольких секунд. Он пригнулся, приготовившись нырнуть в машину.

– Что, мил человек, подъехать куда-то желаете?

Дыба вскинул голову – на высоком крыльце стоял толстяк, поглаживая руками свой живот. Его добродушное раздумавшееся лицо свидетельствовало о том, что он только что сытно позавтракал. Кроме того, на левой щеке толстяка, под самым глазом белел свеженький пластырь.

Жора, таким было имя у толстяка, работал сторожем на ферме. Поутру, возвращаясь с дежурства, он повстречался с Митькой Дятловым, который, как обычно, в это время был уже навеселе.

– Куда ты катишься, колобок, ёклмн? – радостно прокричал тот Жоре. – Иди сюда, побазарим!

Жора только и ответил, что, мол, с таким алкашом ему не о чем говорить. А Митька сразу набросился на него с кулаками. Жора как ни закрывал свое лицо руками, тот все равно изловчился угодить под самый глаз. «Ну да Бог с ним, – дома, залепляя синяк пластырем, размышлял Жора, – что возьмешь с алкоголика? Деградированный человек!» Ознакомившись со своим новым обликом в зеркале, он большим половником налил тарелку борща с мясом, поел и уселся смотреть телевизор. Про нанесенный Митькой физический и моральный урон старался не думать. Однако успокоиться никак не мог: тяжелое предчувствие томило его грудь.

– Послушай, ты не мог бы подбросить меня до Семикаракорска? – спросил Дыба толстяка, удивившего его внезапным появлением, и нетерпеливо постучал по стеклу циферблата своих часов.

Жора икнул, спустился с крыльца и с достоинством поднес свое тело.

– Не вопрос. До Семикаракорска – раз плюнуть. – Дыба просиял от удачи, схватился за дверцу, приготовившись сесть в машину. – Только у меня бензобак сухой, – продолжил Жора.

– У нас с бензином напряг, надо бы где-то раздобыть. Канистра у меня всегда с собой, в багажнике. Если сможешь...

Но Дыба на этот раз уже не смог совладать с собой и остервенело сунул в лицо толстяка кулаком. Тот как стоял, так и повалился. Из носа брызнула кровь. А глаза его не выражали ни страха, ни боли, ни обиды; в его глазах было удивление. Казалось, он отдал бы сейчас все на свете, только бы узнать, за что этот долговязый влепил ему. Прошло несколько минут, Дыба уже удалился на почтительное расстояние, но Жора, подложив ладони со сплетенными пальцами под голову, продолжал неподвижно лежать на траве. Вокруг было тихо и спокойно: с неба лились ласковые солнечные лучи, чирикали птички. Боль постепенно утихала. Разомлев и обмякнув от благодатного тепла, Жора почувствовал, как веки его начали тяжелеть и смыкаться. Однако он все еще истомно смотрел на могучую крону тополя, под которым лежал. Разглядел среди зеленой листвы какую-то пташку и, залюбовавшись ею, подумал: «Ну и денек!» В это время воробышек встрепенулся хвостиком – на лицо Жоры капнуло что-то липкое и теплое. Он утерся, прикрыл глаза и лениво предался размышлениям: «Нет, что ни говори, а настоящая жизнь бывает только летом. Какой дурак будет вот так лежать на улице зимой? Разве что пьяница Митька Дятлов. А летом – вот, пожалуйста, где упал, там и спи. Красота!».

А Дыба тем временем взглянул на часы. «Вот и все, приехал». Он шел среди ненавистных домов, хибарок и белых хаток, искалеченных штaketников и захламленных дворов и не только душа его, но и тело до последнего атома пропитывались холодной мрачной жестокостью, отчаянностью и возмущением: «Что это за жизнь такая? Не только убить или ограбить кого-то, угнать машину нельзя! – думал он. – По рукам и ногам вяжут».

Он был злой, просто кипел от злости из-за своего бессилия и беспомощности, из-за того, что он, умеющий всегда за каждое свое поражение наносить мощный ответный удар, теперь вынужден не наслаждаться удовлетворенностью от достижения цели, а как навозный жук, ползать по картофельной ботве. В какой-то момент ему стало нехорошо, потемнело в глазах, задрожали ноги, но через секунду он снова взял себя в руки и стал думать об убийстве Эрудита, как

о неотвратимом событии, которое должно теперь произойти при любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах, ибо только оно позволит ему вернуть чувство собственного достоинства и исключительности.

Крепко сжимая в ладони финский нож, он вошел во двор и сразу повернул к хате. Замок был на прежнем месте. Дыба еще сильнее почувствовал острый прилив раздражения и злости. Он решил больше не перестраховываться и не прятаться в укрытие для внезапного нанесения удара в спину. Теперь он преисполнился решимости вступить с Эрудитом в открытую схватку. Ему хотелось спать, есть и очень сильно хотелось курить. Поэтому прежде чем приступить к поиску денег, он возле скамейки подобрал окуроч, долго изучал его, а, убедившись, что тот отсырел и дымить не будет, положил его на дощечку греться на солнце. После этого встал на четвереньки и пополз по огороду. Голод одолевал. Тогда он, с ненавистью посмотрев на дерево, усеянное губительными для его желудка светло-желтыми плодами, подполз к тому месту, где росли огурцы, и с жадностью набросился на них, с хрустом поглощая один за другим. И тут успокоившийся было его желудок забурлил вновь. Он поспешно спустил брюки и присел.

* * *

Эрудит и Генка сидели за столом на табуретках, держали в руках по кружке молока и по большому ломтю черного хлеба; они ели и смотрели в окно. За исключением тех участков, которые закрывали дом и хата, огород просматривался полностью. Когда Дыба начал исполнять свои пируэты, Генка покатывался со смеху. Эрудит не столько смотрел на Дыбу, сколько на заливающегося заразительным смехом Генку и тоже смеялся до слез.

– Чего он там ползает? – сквозь смех допытывался Генка.

– Наверно истину ищет, – ответил Эрудит. – Истину по-другому не найдешь, ее можно отыскать только вот так, согнувшись к земле в три погибели.

Облегчения не наступало, Дыба очень часто спускал с себя джинсы и приседал. Несмотря на это, он обследовал весь огород. Но поиск не дал никаких результатов. И снова, как и учил лейтенант Утехин, ему в голову пришла пусть не совсем гениальная, но довольно обнадеживающая идея. Он не стал взвешивать «за» и «против», а немедленно приступил к ее реализации. Подобрал с дощечки просохший окуроч, он покинул злосчастное владение Эрудита и направился к дому, возле которого, когда проходил по улице, видел старуху.

Идея была самой простой. Любая старуха откладывает деньги себе на гроб и похороны. Нужно будет только выведать: где они лежат, придушить старуху, а узелок из носового платочка, в который они обычно заворачивают деньги, положить в карман. Все настолько просто, что проще и не бывает.

Дом той старухи Дыба нашел без труда – возле него не было ни забора, ни калитки. И сама она все так же стояла возле дома, опираясь на затертую до блеска палку, которую держала прижатыми к груди руками.

– Привет долгожителям! – подходя к ней, завел разговор Дыба.

– Дай Бог тебе здоровья, касатик, – показав Дыбе свое сморщенное лицо, ответила старушка. У нее зубов не было нисколько, поэтому ее крошечная бороденка примостилась под самым носом.

Дыба решил брать быка за рога без всяких обиняков.

– Как здоровье твоего деда?

– Нет у меня деда, давно уже нет, – разглядывая Дыбу, поведала она. – А как умер-то. Случилось у него счастье: выиграл он по лотирее пьянину. Сам-то гармонист был, царство ему небесное. Теперь, говорит, на пьянине буду играть, как в театре. И так радовался, так радовался, прямо не знай, как радовался. Я его таким веселым сроду не видала. А вечером

прилег на топчан и Богу душу отдал. Это он от радости помер. Если бы не эта лотирея, до сих пор, старый, ходил бы живой.

– Тебе, может быть, помощь какая нужна? – спросил Дыба, оценивая ее жизненный тонус. – Может, работенка какая для меня найдется? – И прикинул: ее и душить не надо, от одного щелчка преставится.

– Нужна, касатик, как не нужна. Огород у меня некопанный, грех-то какой. Кубыть вскопал бы, я и денег заплачу. Нынешней весной у меня хворь приключилась, всю весну проваливалась, на ноги встать не могла. И теперь силенок не хватает, никак не оклемаюсь. Я гляжу, ты и сам-то прихварываешь, вон под глазами какие круги синюшные. Может быть, тебе пенталгину дать? Хорошие таблетки, от всего помогают, я только ими и спасаюсь. Когда чего уж больно сильно заболит, я по две штуки глотаю, и сразу хворь как рукой снимает. А ноги еще скипидаром натираю. Только с поясницей не знаю чего делать, как начнет ломить, никакого спасу нет. – Она опять заговорила про своего покойного деда, а потом про своих двоих дочерей, которые выскочили замуж на сторону и теперь от них ни слуху, ни духу: – Хоть бы внучиков показать приехали, да и на самих-то насмотрелась бы перед смертью. Нет, не приезжают: ни та, ни другая. Видать, я им теперь стала не нужна или им некогда, у молодых-то забот много. А я все жду, выйду вот так на улицу и смотрю на дорогу, вдруг вспомнят обо мне и сразу обе приедут. – Тут она о чем-то вспомнила и грустно вздохнула. – Нет, не дождусь, похож. Чего уж мне жить-то осталось... Помру я скоро.

– Это я и сам вижу, чего ты мне вдалбливаешь? На тебя достаточно только взглянуть и все становится понятно, без твоего признания. Иначе и быть не может, даже не надейся. – Заложив руки в карманы и выпятив грудь, Дыба слегка пошатнулся с пятки на носок. – Ты мне скажи другое: деньги на похороны приготовила или нет? Вот что для меня важно, а остальное совершенно не интересует.

– Приготовила, касатик, приготовила, об этом не беспокойся. Уже какой год с пенсии откладываю. А как же, старым людям без запаса никак нельзя.

Ему страшно захотелось спросить, где она прячет деньги, но не нашелся, как выразить это, чтобы не было слишком прозрачно, грубо, и он сказал: – Вот теперь у нас с тобой конкретный разговор.

– И то правда. Ты, я гляжу, человек-то больно уж сердобольный. Вон, какой усталый, как будто всю ночь не спавши, а все ходишь, работенку подыскиваешь. Работящий, видать.

– Если бы. Просто некуда деться.

– Мне ведь восемьдесят шестой годок стукнул, – продолжала она. – Аль восемьдесят седьмой? Все равно умирать неохота. Хочется еще поглядеть на солнышко, на людей. Ведь ложиться в глубокую землю страшно и обидно, закопают, и не увидишь больше белого свету.

«Во! Гонит старуха! – занервничал Дыба. – На больное место давит».

– Бабуля, ты меня достала своим речитативом. Кончай базар, мне капусту рубить надо. Старушка недоуменно посмотрела на Дыбу.

– Капусту еще рановато рубить, касатик. Ты бы мне грядки вскопал.

– Как скажешь.

Она замешкалась, снова пристально посмотрела в лицо Дыбы, подумала: «Видно, у него тоже с памятью плохо дело». И спросила:

– Я вот опять насчет таблеток. Принести тебе, ай как?

– Бабуля, ты меня на колеса не сажай! Не надо никаких таблеток, лопату давай. У меня руки чешутся.

– Ты вот еще послухай, – собралась было продолжить старушка разговор, но Дыба перебил ее:

– Некогда мне слушать, лопату, говорю, давай, пойду потрошить грядки. Время – деньги, сама знаешь.

– Пойдем, касатик, пойдем.

Они прошли двором на огород мимо слежавшейся кучи органического удобрения, на вершине которой царственно произрастал жирный лопух в сиреневых бубонах, а на склонах – жилистая лебеда. Пахло преющим навозом. Старушка отыскала лопату, показала, где копать и собралась уходить, но остановилась. Дыба хотел тут же ее и придушить. «Но где потом искать деньги, – подумал он. – Старые – народ хитрый, так занывает, что век не найдешь. Вон, фараны, тысячу лет тому назад повымерли, а археологи до сих пор шныряют по могилам, все никак не отыщут их антиквариат». Подумал он так и принялся за непривычное для его рук дело. «Ничего, – настраивал сам себя он, – не Боги горшки обжигают». Старушка стояла, как и прежде, опершись на палку, а голова ее все клонилась и клонилась. Дыба время от времени поглядывал на нее и тревожился: «Как бы сама не умерла». У него вообще-то была мысль без всякой барщины припугнуть ее, таким образом заставить показать свою заначку, однако побоялся, что она с испугу умрет преждевременно. Но не только поэтому Дыба взялся за лопату, точнее, совершенно не поэтому. Во время разговора со старушкой его озарила неожиданная мысль. Раз не удалось найти Эрудита, надо сделать так, чтоб он сам искал его. «Ведь он, без сомнения, уже знает о моем присутствии в хуторе и не спускает с меня своих глаз. Значит, попытается выбрать наилучший момент для внезапного удара. И я предоставлю ему такую возможность».

Немного подремав, старушка очнулась.

– Копай, касатик, копай, а я пойду деньги приготовлю.

«Ну, уж нет, – насторожился Дыба. – Кинуть захотела. Только этого мне еще не хватало».

Он поставил лопату и сказал:

– Не торопи события, бабуса. Вот как нарежу борозды, приишем тариф, а потом пойдем за деньгами, вместе.

– Ну и ладно, ну и ладно, – согласилась она, не трогаясь с места.

Тут у Дыбы прихватило живот, он пригнулся и побежал за сарай. А когда вернулся, старушка сочувственно сказала:

– У тебя никак понос, касатик. Мало ли бывает. Надо обязательно пенталгину выпить. Сейчас я принесу, выпьешь – и сразу пройдет, как рукой снимет.

Она, опираясь на свою палку, пошмыгала во двор. Зашла в дом, и забыла, зачем пришла. Стояла, стояла, так и не вспомнила.

* * *

В то время, когда Дыба пошел к дому старушки, Эрудит и Генка продолжали сидеть у окна и следить за ним.

– Я пойду посмотрю, куда он намылился, – сказал Генка.

– Не спеши, – остановил его Эрудит, – пусть отойдет подальше.

Спустя минуту, Генка вышел из дому и медленно побрел за Дыбой. Через некоторое время он вернулся и рассказал Эрудиту, что тот остановился возле дома бабы Дуни, о чем-то поговорил с ней, и они вместе пошли на ее огород. Эрудит не понял, что задумал Дыба, его лицо застыло в напряжении. Он был уверен, что Дыба потерял терпение и, сообразив, что все равно ничего у него не получится, решил покинуть хутор. На это Эрудит и рассчитывал, пытаясь избежать встречи с ним. «Значит, не судьба».

– Слушай меня внимательно! Пока я не вернусь, из дома не выходи, – положив свою руку Генке на плечо, сказал он. – Я знаю, ты парень самостоятельный, способен принимать умные решения и действовать по собственному усмотрению, но сейчас этого делать нельзя. Дыба может заподозрить, что ты мне рассказал о нем – следовательно, он не должен тебя больше

видеть, потому что этот человек способен на любую подлость. Это – не человек, это – животное. Ты понял?

– Понял я, – обиделся Генка на то, что Эрудит заговорил с ним как с маленьким.

– Дай мне слово, что из дома не выйдешь до тех пор, пока я не вернусь.

– Ну, хорошо, даю, честное пионерское! Ты сам будь осторожней.

– Я постараюсь, за меня будь спокоен. Но мне надо выяснить, что он задумал. Пока будешь ждать меня, возьми какую–нибудь книжку, почитай.

За огородами были заросли кустарников и бурьяна. По ним Эрудит скрытно пробрался до подворья бабы Дуни и нырнул в малинник, который густо расползся по саду, заняв почти треть участка. Он прополз два-три метра и сквозь торчащие вперемешку шелушащиеся и сочно-зеленые основания веток малины увидел Дыбу, который орудовал лопатой. «Ни хрена себе, – поразился увиденным Эрудит, – Дыба тимуровцем стал! Можно было чего угодно от него ожидать, но только не этого». Эрудит замер и стал размышлять: что бы все это значило? Если ему потребовались деньги, он нашел бы другой способ раздобыть их. Зарабатывать деньги – не в его правилах. Но вот же, он копает? Как это понимать? И тут Эрудиту все стало ясно. Теперь он понял, чего Дыба искал в его огороде. «Значит, он потерял деньги и теперь устроил спектакль, замыслив ограбить бабу Дусю».

Дыба копал землю, поглощенный тревожным ожиданием, и с предельным вниманием держал в поле зрения окружающую его местность. Хотя прошло уже много времени, и ничего подозрительного не замечал, он все же был уверен в удачном исходе своего плана, в котором, казалось, заключался весь смысл его жизни. И вот справа, в центре малинника, несколько высоких веток шелохнулись. Он краем глаза стал наблюдать за ними – больше ни одного движения. Но каким-то звериным чутьем ощущал, что на него кто-то смотрит. Вдруг ветки снова шелохнулись. И из его груди чуть не вырвался насмешливо-восторженный возглас: «Все, получилось! Фокус удался!» Он не сомневался, что в кустах затаился именно Эрудит.

Два недруга следили друг за другом, как заигравшиеся котята, когда они, внезапно разбежавшись по сторонам, опасливо выгибаются и готовятся к нападению. Это взаимное наблюдение Дыбе показалось забавным, занимательным. Он ощущал свое превосходство, предвкушал победу, и у него даже возникло желание потешиться, окликнуть Эрудита, подшутить над ним. Однако уже в следующее мгновение внутри его со зловещим вождением возбуждалась волна взлелеянной мести. Он обуреваем злыми чувствами, но казался всецело погруженным в работу, равнодушным ко всему, его взгляд с видимым безразличием переходил от периодически врезаемой в землю лопаты, то на чернеющую грядку, то на старый дощатый сарай, который стоял в пяти шагах от него.

Спустя минуту, он воткнул лопату в землю, с выразившейся на лице досадой чуть пригнулся и, взявшись руками за живот, нетерпеливо пошел за сарай. Эрудит, решив, что Дыбу позвало продолжить свои приседания, выбрался из кустов, выдернул из земли лопату и последовал за ним. Заглянул за угол сарая и удивился – там никого не было. Дыба тем временем обошел вокруг сарая и, оказавшись сзади Эрудита, с ножом в руке ринулся на него. Но удача оказалась не на стороне Дыбы – его правая нога задела за что-то торчащее из земли, он споткнулся и рухнул пластом. Эрудит резко обернулся и, увидев на земле Дыбу, от внезапности вздрогнул, но спокойно произнес:

– Опаньки! Что ж ты так-то? Надо бы поаккуратней. – Затем, наклонившись к нему, с издевкой спросил, – Не ушибся?

Дыба хотел вскочить, но Эрудит со всего маху двинул ему ногой. Подождав, пока он очнется, занес над головой лопату в положении секиры. Дыба заслонился рукой и дико завопил:

– Не-е-т! Не руби! Не надо! Пощади! Клянусь Богом, на коленях буду ползать, ноги буду целовать, не руби!

– Тебе не кажется, что ты загостился? – спросил Эрудит.

– Я хотел быстро управиться и сразу уехать, – пробормотал Дыба, – но как-то с самого начала все не заладилось.

– Ну-ну. Вот это уже интересно. Нож-то выбрось! – опустив лопату, произнес Эрудит.

У Дыбы затряслась челюсть, он закинул в сторону нож и снова завопил:

– Пощади! Пощади!

– Слушай, урод, тебя сюда никто не звал. Чего ты в нашем хуторе ошиваешься? А? – спросил Эрудит, переводя дыхание. И вдруг пришел в ярость. – Отвечай, когда тебя спрашивают!

– При этом нанес сокрушающий удар по его голове. Дыба изогнулся, чтоб вскочить, но Эрудит со всей силы трижды ударил его ногой по груди. – Это тебе за Ахтыма Гыргенова, – рассвирепев вконец от злости, прокричал он.

Дыба скорчился и, пытаясь вздохнуть воздуха, судорожно открывал рот, его искажившееся от боли лицо посинело, а без того выпученные глаза вылезли из орбит еще больше. Эрудит знал, что эти удары могут оказаться смертельными. Подняв с земли нож, он нервно топтался на месте и смотрел на Дыбу как на бешеную собаку, которую нельзя вылечить, которую можно только убить. Он испытывал нестерпимое желание отомстить за Ахтыма Гыргенова и с трудом сдерживал себя от последнего удара.

Прошло несколько минут. Дыба, казалось, лежал бездыханный. Наконец, он схватил ртом воздуха и пошевелился.

– Ожил, мразь, – процедил, взглянув на него, Эрудит. Прележав еще некоторое время без движения, Дыба со стоном перевернулся на бок, поднялся и, не взглянув на Эрудита, поплелся в сторону улицы, ухватившись руками за грудь и, сильно хромая. Вероятно, споткнувшись, он повредил ступню. Из рта его текла кровь.

– Запомни, уродина, еще раз объявишься здесь, вот этой лопатой сниму черепок, как кочан капусты, – внушительно выкрикнул ему вслед Эрудит.

Дождавшись, когда Дыба скроется из поля зрения и, немного успокоившись, Эрудит потер руки и стал копать, завершая начатую Дыбой работу. Он срезал плоский слой земли, вдавливая лопату на полный штык и, повернув ее ребром, два-три раза легко ударял. Рыхлый ком рассыпался. Земля была мягкой, не утоптанной, копать ее было легко и приятно.

* * *

Каждый шаг Дыба делал, преодолевая невыносимую боль в груди. Поравнявшись с домом Эрудита, он нащупал в кармане зажигалку и свернул в калитку. Возле хаты нашел ту самую синюю бумажку, которую выковырял утром из трещины. За день она высохла и затвердела. Собрал ветром прибитые к стене хаты сухие мелкие веточки и прошлогодние листья, подошел к деревянному крыльцу дома, уложил все это под ступеньку и щелкнул зажигалкой.

Генка не отходил от окна. Увидев огонь, он закричал матери. Они выбежали на улицу. Дыба оскалился на них, как раненый волк, и, с трудом передвигая ноги, поковылял в сторону Сала. Генка с матерью забежали в свой двор, а через секунду выскочили с ведрами. Крыльцо только-только занялось, поэтому погасили огонь быстро, хватило всего двух ведер воды.

Дыбу мучила жажда. Подойдя к реке, он припал к воде и с жадностью пил, преодолевая боль в груди. Еле поднялся и стоял, с трудом удерживая равновесие, ощущая во рту струившуюся кровь, ее тошнотворный привкус. Вдруг увидел лодку, она была от него метрах в ста, не более. «Вот оно, мое спасение, – подумал он. – Только бы хватило сил добраться, влезть в нее и оттолкнуться от берега, а течение само унесет меня». Но идти он больше не мог. «Неужели это все? – пронзила его ледяная дрожь, – Нет, я не должен умереть». Но в какой-то момент ему показалось, что о том, жить или не жить – думать уже бессмысленно, смерть неотвратима, костлявая рука впиалась в его горло и больше не отцепится, будет давить до тех пор, пока не

сдавит окончательно. Ему казалось, что та жизнь, когда он был здоровым, крепким и сильным, была не час назад, а в далеком ярком и радостном сне, теперь сон этот исчез, и его никогда не вернуть. Дыбу охватил ужас, из груди его вырвался надрывный стон. Он почувствовал головокружение, боясь упасть, опустился на илистый песок и лег. Лежал совершенно неподвижно, ощущая тяжесть своего немеющего тела, и ждал, пока утихнет боль. Он говорил себе, что все это ерунда, еще немного – и станет легче.

По небу плыли облака, в разорванную в них дыру лился золотой солнечный свет. Откуда-то донеслось требовательное мычание коровы, а следом – сердитый лай собаки. «Больше ждать нельзя, надо ползти к лодке, – решил он. – Буду плыть по течению, кто-то заметит и спасет». Намерившись осмотреться, нет ли кого поблизости, он перевернулся на живот, приподнял голову. Невдалеке брело стадо коров, за которыми, перевесив через плечо длинный кнут, шел вялой походкой пастух. Дыба смотрел на него с надеждой в глазах и попытался позвать его на помощь, но крикнуть не смог; ощутив, как в легкие что-то вонзается, он уронил свою голову на вытянутые вперед руки. Через минуту, преодолевая тяжесть тела, которое почти совсем онемело и сделалось непослушным, он из последних сил пополз к лодке. Ему хотелось вздохнуть всей грудью, но каждый вздох и каждый выдох причиняли адскую боль, адское страдание. Расстояние до лодки сокращалось медленно.

Наконец, вытянутой рукой он ухватился за веревку, снял петлю с железного штыря и, сжав ее пальцами, застыл без движения. Собравшись с последними силами, стал толкать лодку плечом и толкал ее до тех пор, пока сам не оказался в воде. Наклонив борт лодки, медленно, рассчитывая каждое движение, перевалился через него и упал на дно. Лодка пошатнулась, течение ее развернуло и увлекло за собой.

Пастух не обратил внимания на уплывающую лодку и продолжил свой путь за стадом. Вскоре раздался резкий хлопок пастушьей плети, послышался лай собаки.

* * *

Бабу Дуню все-таки озарило: она вспомнила о таблетках. Нашла их, вышла в огород и, увидев совершенно другого человека, чуть не лишилась чувств.

– Тьфу! Тьфу! Нечистый! – испуганно запричитала она, осеняя его крестом.

– Оборотень! Нечистая сила! Сгинь! Сгинь!

Эрудиту оставалось прокопать всего несколько штыков. Оглянувшись на бабу Дуню и увидев судорожные движения ее руки, он замешкался.

– Баба Дуся, вы чего?

– Сгинь, нечистая сила! – продолжала заклинать она.

– Баба Дуся, это я, Эрудит, – поспешил успокоить он старушку. – Старушка как бы приросла к земле, молчала и смотрела на него чрезмерно настороженно. – Ну, чего вы, в самом деле, Эрудит я, забыли, что ли, меня? Тут друг мой копал, он устал и пошел отдыхать, а я вместо него.

Только после этих слов баба Дуся пришла в себя, но двинуться с места не решалась. Эрудит засмеялся и подошел к ней сам.

– И впрямь Ерундит, – недоуменно разглядывала его старушка. – А мне сослепу помешалось, что ты оборотень. – Она как-то виновато изобразила на сморщенном лице подобие улыбки. – Я вот другу твоему долговязому пенталгину принесла. Возьми тогда ты, выпей. – Другую таблетку она дрожащей рукой положила себе в рот.

– Давай, – сказал Эрудит, – выпью за компанию.

* * *

Наутро в хутор появился милиционер в форме, с лампасами и в фуражке. На боку у него висела кобура. Целый день, выпячивая грудь, он ходил по домам и все допытывался: не видел ли кто постороннего человека? Не была ли на берегу драка? Прошел слух, якобы вчера в их хуторе кого-то убили. Милиционеру удалось записать показания только продавщицы Зинули и толстяка Жоры, но и они ничего путного не рассказали.

Зинуля была опечалена, хотела даже в знак траура повязать на голову черный платок, но не повязала: пожалела прическу, которую смастерила накануне вечером, потому что ей так хотелось понравиться тому высокому и очень интересному парню. Потом она еще долго тосковала по нему: уж больно он ейглянулся. Много дней она стояла за прилавком сама не своя, тайком от покупателей вытирая чистым беленьким платочком непослушные слезки, тяжело вздыхая и сожалея, что гадалка не раскрыла ей заблаговременно это роковое событие. «Возможно, – казнила себя Зинуля, – я как-то смогла бы предотвратить трагедию. Нет, пропало мое счастье, пропало», – сокрушалась она.

Вскоре, не прошло и двух недель, умерла баба Дуня. И вот что любопытно: приехали ведь ее дочери, сразу обе приехали и внуков с собой привезли. Значит, не ошиблось материнское сердце. Обидно только, что не успела баба Дуня их увидеть. Хотя бы на денек пораньше. Да что теперь говорить. А порадоваться ей было бы чему: дочери обе справные, красивые, нарядные. У старшей, Раисы – двое деток, а у Нади – одна дочурка. Все чистенькие, опрятные, веселые. Не успели они проститься со своей усопшей бабушкой, как сразу выбежали из дома и напрямик – в малину. Забрались в самую середину – одни головки мелькают. Щипают ягодки и кричат хором: «Мы медведи! Мы медведи!».

Похоронили дочери свою старушку, выбрали в сундуке и на кухне что получше, пошарили по углам, набили сумки, да и уехали. А на простенке дома, между окон, появился прямоугольник из старой фанеры, на котором коричневой краской было коряво написано: «Продается».

Эрудит не знал точно, убил он Дыбу или только покалечил его, но случай этот тяжелой печатью лег на душу и долгое время не давал ему покоя.

Глава III

Настя-вдовушка

Настя-вдовушка не всегда была Настей-вдовушкой, раньше ее звали просто Настей. Ее мать долго не могла иметь детей и Настю родила поздно – в тридцать шесть лет – это обстоятельство предопределило стать Насте единственным ребенком в семье. О братике или сестренке не могло быть и речи.

Мать хотя и имела педагогическое образование – она работала в школе учительницей английского языка – поступала все же непедagogично: по известной причине излишне баловала дочку. Любой каприз Насти не обсуждался и не отклонялся, а исполнялся беспрекословно, потому что «она у нас одна и еще маленькая». А «еще маленькой» Настя была до семнадцати лет.

Отец и вовсе в ней души не чаял. Настеньке взять в руки веник нельзя – пыли наглотается, ложку помыть – платице обрызгает. Он сам вкалывал с десяти лет, поэтому хотел, чтобы хоть дочка «увидела человеческую жизнь». Ну, отцу это простительно, потому что ему Жан Жак Руссо вместе с Песталоцци во сне не приснились. Зачем столяру голову забивать какими-то там закономерностями формирования личности, он после работы и по выходным заколачивал на шпашках деньги. На свои восемьдесят рублей и учительскую зарплату жены не разживешься, к тому же надо справиться дочке приданое.

Таким образом, Настя превратилась из ребенка в драгоценное сокровище. Обычно за подобные родительские ошибки детям приходится дорого расплачиваться. Всем известно, что ожидает каждого избалованного ребенка в будущем: привыкнув от всего получать удовольствие и к постоянной опеке в семье, он и тогда, когда становится взрослым человеком, полагает, что о нем по-прежнему все должны заботиться, в итоге постоянно сталкивается с проблемами. В жизни ему приходится трудно. А наша принцесса на горошине вставила шпильку всем педагогам и нудным ученым психологам, с умным видом называющим развитие личности и воспитание социализацией и утверждающим, что личностью не рождаются, личностью становятся. Вопреки всему Настя выросла славной девушкой: она была доброй и от работы не шарахалась, во всех домашних делах по собственной воле помогала матери и делала все быстро и ловко, особенно любила стряпать.

Правда, не в меру сюсюкаясь со своей ненаглядной дочкой, мать до конца все-таки не смогла противостоять своим профессиональным потребностям – она с самых пеленок разговаривала с Настей по-английски. А к четырем годам, никогда не принуждая к занятиям – упаси Господи утомить ребенка – научила ее читать. Маленькой Насте самостоятельное чтение нравилось, и книжки она любила больше кукол.

* * *

В семнадцать лет залюбленная родителями Настя ошарашила их своим заявлением о том, что она выходит замуж за Семена. Повзрослела. Родители были против поспешного решения своей дочери: во-первых, рано; во-вторых, им не нравился жених. В хуторе Семен слыл молчуном, человеком замкнутым, «себе на уме». Он был из тех, кто звезд с неба не хватает, а живет потихоньку, никому не мешает. В отличие от Насти, читавшей Киплинга, Джека Лондона и Хемингуэя в оригинале, он не только не владел ни одним иностранным языком, но не мог связать двух слов и по-русски, поэтому изъяснялся, в основном, при помощи нецензурной лексики. За всю свою жизнь он прочитал только одну книжку, «про барышню, которая решила обмануть богатого мужика и нарядилась крестьянкой, чтоб он ее не узнал.

Тот мужик думал, что она настоящая крестьянка и стал ее каждый день любить. А когда догадался, что она – барышня, то сразу это... женился». Ту книжку Семен читал давненько, когда еще учился в школе, поэтому ни названия, ни автора ее не помнил. И вообще, он эти книги терпеть не мог, ненавидел их, полагая, что читать их – это пустая трата времени – он и так был поумнее других.

Мать с отцом, конечно, пророчили Настеньке не такого жениха, они несколько раз деликатно беседовали с дочерью, пытаясь предостеречь ее от необдуманного шага. Они говорили: «Ты еще ребенок, и не знаешь, что замужем – не мед. И потом, у тебя нет никакой специальности, сначала надо выучиться, твой Семен никуда не денется, подождет. А с мужем, кастрюлями и пеленками тебе будет не до учебы. Успеешь, наживешься еще замужем. Вас никто не разлучает. Мы ведь тебе не запрещаем дружить с ним, но это не означает, что вы непременно должны пожениться. Подумай сначала хорошенько. Он как работает скотником, так скотником на всю жизнь и останется. Что у вас с ним будет общего?» Настя чувствовала себя неловко, она не прекословила родителям, но оставалась при своем мнении. «Что я с собой могу поделывать? – оправдывалась она, капризно растягивая слова. – Я же не виновата, что у нас в хуторе нет ни дипломатов, ни летчиков».

Последний их разговор закончился на повышенных тонах. «Вот я, – привела пример из собственной жизни мать, – вышла за твоего отца в двадцать два года, а ему было – двадцать пять. Мы с ним встречались три года, не три месяца, как вы с Семеном. А поженились, только когда я закончила институт». Мать сидела с измученным бессонницей лицом, по обыкновению выпрямив спину и положив руки на стол. Хмурый отец ходил туда-сюда перед ее остановившимися глазами, молчал, глядя то себе под ноги на крашенные деревянные половицы, то на Настю. Настя стояла, повернувшись к окну. На улице моросил дождь – мелкие капли неслышимо приклеивались к оконному стеклу, застилали его пеленой, набухая, как слезинки, ползли вниз, останавливались и снова ползли, оставляя за собой прозрачные неровные полоски. Настя взглядом провожала каждую каплю и, казалось, не слушала своих родителей. В конце концов, отец не выдержал, прервал рассуждения матери и с сердцем сказал ей:

– Вот до чего довело твое баловство! Вот погляди, как она нас слушается! Она прекрасно понимает, что неправильно делает, но только чтобы было против нашей воли, наперекор нам, по-своему!

Его лицо покраснело и покрылось потом. Это был единственный случай, когда отец в присутствии дочери повысил свой голос. Настя почувствовала себя оскорбленной, тихо зарыдала и вышла из комнаты. Родители, оставшись вдвоем, словно не замечали друг друга, и каждый углубился в свои размышления.

– Ну что ты молчишь? – с примирительной ноткой спросил отец.

– Я вот думаю, напрасно мы огорчаем Настю, ничего мы с тобой уже не поделаем. Свои мозги ей не вставишь, пусть будет, что будет. Все равно не удержим ее возле себя. Выросла наша с тобой Настенька, не нужны мы ей стали. А Семен что? Парень как парень, хоть не пьет, и семья у них неплохая, живут не хуже людей.

– Хорошо, – сказал отец, – но учти, если разойдется с ним, обратно в дом не пушу. Пусть не позорит семью, так и скажи ей. – Его голос дрогнул. Грустные глаза матери наполнились слезами, не ответив ничего, она подставила ладони и опустила на них голову.

* * *

Сыграли свадьбу. Деньгами на свадьбу надарили тысячу двести семьдесят рублей, родители с обеих сторон добавили по пятьсот рублей и купили молодым дом.

Настя устроилась на работу в контору, кассиром. Семен зарплату не пропивал, отдавал жене всю до копейки. Помимо этого он ежедневно приносил с фермы в хозяйственной сумке

по ведру комбикорма, а иной раз, когда приезжал на обед на лошади, привозил полный мешок. Дармовой корм. Настя размечталась выписать в совхозе двух поросят, но в бухгалтерии ей отказали, объяснив, что директор выписывает молодняк только передовикам, да и то по собственному усмотрению. Она решила постучаться непосредственно к директору, Захару Матвеевичу.

Никого из обращающихся к нему по «шкурным» вопросам директор не хотел обидеть, отказывал мягко, убедительно, потому что все были «свои», – он в этом хуторе родился и вырос, – к тому же обиженный человек хуже работает и больше ворует; но показать в отчете райкому КПСС итоги по привесу и численности поголовья выше уровня прошлого года – хотел, потому что держался за свое кресло. Чего не хотел – то мог, чего не мог – то хотел. Однако многим самым работающим и непьющим подписывал заявления, пометая в левом верхнем углу: «По итогам квартала». Чтoб были и люди сыты, и поросята целы, директор делал приписки, брал грех на душу. По поводу греха, конечно, неправильно сказано, приписки – святое дело. В советское время приписки, воровство и взятки были тремя китами, на которых держалась вся страна.

Когда Захар Матвеевич выслушал Настю, процесс его жизни замедлился, он начал то ли что-то вспоминать, то ли подсчитывать.

– Вы поймите, – объяснял он учтиво, любуясь премилой подкупающей улыбкой, которая оставалась на ее лице все время, пока она ожидала ответа.

– Если я вам раздам всех поросят и телят, на ферме некому будет жить, а у меня – план. Так что не могу, не обижайтесь.

Настя не очень обиделась на директора, она съездила на базар, купила трехнедельных поросят, под покровом ночи Семен отнес сосунков на ферму, а взамен забрал большевних, двухмесячных. И стали Семен с Настей их откармливать, Настя говорила: «воспитывать».

Первое время молодожены наслаждались супружеской жизнью. Уж так лелеяла, так нежила своего Сему ласковая Настя. Уж так заботилась о нем: рубашечки всегда свеженькие, выглаженные, брюки со стрелками, сапоги как зеркало. Идет он по улице на ферму, люди дивятся – вроде Семен вовсе и не Семен. Он тоже любил Настю безмерною любовью: разглядывает ее залитое румянцем лицо, обнимает, гладит своей грубой рукой ее тонкий стан, и не верится ему, что такая красавица – его жена. И все бы хорошо, только родители сызмальства угождали малейшим прихотям Насти, она привыкла к такой жизни, а Семен то ли не понимал этого, то ли еще по какой причине, только считал все Настины капризы вздором, от которых нет никакой пользы, и не желал ее даже слушать. Настя говорит:

– Скучно, хоть бы на танцы сходить. Телевизор надоел. Сема, поднимайся, пойдем в клуб. Семен и пошевелиться не хочет.

– Глупости вздумала, раздевайся и ложись спать, а то завтра рано вставать.

– И непременно выразит матом свое отношение к танцам.

Иногда по этой причине меж ними случались ссоры. Настя не уступала Семену, она обызвала его толстокожим бурундуком и увальнем, а Семен все норовил ударить ее, но не решался. Обычно после каждой такой ссоры Настя падала вниз лицом на кровать и, обхватив руками подушку, обиженно плакала. А рассерженный Семен выходил на крыльцо, долго стоял, уставившись в одну точку, и супился. В такие минуты жизнь ему казалась тяжелой и мрачной. От Настиной нежности и внимания Семен уже успел возомнить о себе Бог весть что. Он знал с самого детства, что жена должна подчиняться мужу, во всем угождать ему и теперь злился на Настю за то, что она осмеливается перечить ему, называть его «увальнем» и «толстокожим бурундуком». Когда же возвращался в хату, был готов успокоить Настю, помириться с ней, но переломить себя он не мог и делался глухонемым.

Молчал он и на следующее утро. Встанет, бродит зачем-то от стола к печке, задевая ногами то табуретку, то пустое ведро на полу, и дышит тяжело.

Молча разогреет свой завтрак, молча оденется и, не поднимая глаз на жену, хлопает дверью. Это больше всего бесило девушку. Чтобы прервать невыносимый для нее обет молчания, Настя к вечеру придумывала какой-нибудь незатейливый сюрприз для Семена. Он часто не пил, но иногда после работы любил горло промочить и закусить хорошим пловом. Настя успеет все приготовить, а за минуту до его прихода поставит на стол бутылку самогона, тарелку горячего плова, нарежет тонкие ломтики хлеба и накроет все белоснежным полотенцем. Со своей очаровательной улыбкой откинет она перед Семеном полотенце: опля! Он смотрит на стол, но по-прежнему дышит тяжело; не мычит, не телится; кино немое. А сам проголодался. Лишь когда накатит стакан чиммергеса и ударит ему в голову – вот тогда конец фильма.

Семен терял дар речи часто, в конце концов, это Насте опостылело, она махнула на все рукой. И в этом бездушном вакууме Семенова безмолвья начали потихонечку гаснуть розовые искорки Настиной романтической любви.

Случалось и такое. После кружки самогона на Семена находила блажь, тогда он устраивался поудобней на диване и заставлял Настю «рассказать стихотворение про цыгана». Для Насти это были счастливые мгновенья. Она знала много стихов английских поэтов, но Семену запало в душу только одно – стихотворение Кипплинга «За цыганской звездой».

Сначала Насте следовало прочитать его в оригинале. Она, хрупкая и юная, вставала перед Семеном посередине зала, легко сцепляла ладони, как обычно делала это ее мать, и начинала. Ее непохожий ни на чей другой голос обретал драматический тембр и становился необыкновенно вдохновенным, благозвучным, упоительным. Семен слушал плавные ритмы непонятных слов, и всякий раз удивлялся: как это она сумела столько много запомнить. Иностранные слова он воспринимал всего лишь как чарующие звуки, совсем не похожие на те, что слышатся в русской речи; они завораживали, будили его воображение. Внимая им, он мысленно переносился в Англию, в ту далекую страну на краю земли, о которой ему когда-то рассказывала Настя.

И перед его закрытыми глазами появлялся небольшой остров, холмистый и зеленый, со всех сторон окруженный огромным океаном, по которому катятся пенистые волны. На рассвете по ним плывут белые, как виденья, корабли, вдоль берега летают такие же белые чайки. А в центре острова на пышных склонах пасутся стада коров, над ними в голубой выси мирно поет жаворонок. Недалеко от коров, на опушке леса, молоденькие красивые девушки собирают цветы. По лесным полянам охотники на лошадях и с длинноногими, пятнистыми по бокам собаками гоняются за лисами. А другие англичане, похожие на цыган, только одетые в клетчатые юбки, прячутся за деревьями, как мальчишки, и наблюдают за девушками.

Стихотворение заканчивалось, Настя выдерживала паузу, а затем запевала. Но не так, как на свадьбах – с безудержным задором. На свадьбах любые песни поются весело, а Настя пела робко, задумчиво, с таинственной и нежной тоской в голосе. И звуки наполняли тесную комнату, мелодичные, полные какой-то неосознанной, несбыточной мечтой:

Мохнатый шмель – на душистый хмель,
 Мотылек – на выюнок луговой,
 А цыган идет, куда воля ведет,
 За своей цыганской звездой!
 А цыган идет, куда воля ведет,
 Куда очи его глядят,
 За звездой вослед он пройдет весь свет
 – И к подруге придет назад.
 Дикий вепрь – в глушь торфяных болот,
 Цапля серая – в камыши.
 А цыганская дочь – за любимым в ночь,
 По родству бродяжьей души.

Семен открывал глаза и, не моргая, смотрел на Настю. Ему чудилось, что она явилась оттуда, с опушки леса, где вместе с подружками собирала ромашки, лютики. И слушал песню затаив дыхание, с замиранием сердца, впитывая в себя еле уловимые нюансы ее голоса.

Так вперед – за цыганской звездой кочевой
– На закат, где дрожат паруса,
И глаза глядят с бесприютной тоской
В багровеющие небеса.
Так вперед – за цыганской звездой кочевой
– На свиданье с зарей, на восток,
Где, тиха и нежна, розовеет волна,
На рассветный вползая песок.

Тут Настя умолкала. Семен всегда останавливал ее на этом месте, и она ни разу не допела до конца. Он все так же заворожено смотрел и смотрел на нее. Настя замечала, как в глазах его появлялись слезы – он словно предчувствовал что-то. Вкрадчиво улыбнувшись, она смахивала слезу и сама.

* * *

Печально опускались на землю янтарно-желтые листья, тонкие паутинки серебрились в прозрачном воздухе. Бабье лето прощальным вздохом украшало последние деньки. Скоро-скоро поблекнет небо, затянется угрюмой вереницей туч и облаков, и придут холодные дожди, а за ними – зима.

Настя с Семеном скопили денег и теперь ждали, когда начнут возить уголь. В эту пору слово «уголь» для хуторян приобретало магическую силу, от которого зависел вопрос их жизни и смерти. Разговоры о нем велись в семьях, между соседями, на работе – повсюду, как заклинание. В честь антрацита произносились апофеозные речи, люди одобрительно кивали головами, слыша ласкающие ухо «кулачник», «орешник» и негодовали, когда неожиданно узнавали, что уголь снова подорожал на целых пять рублей. Кое-кто охал и, хотя разумом понимал, что такого быть не может, все же высказывал пессимистическое предположение: «Наверное, в этом году останемся без угля».

Славился донецкий «орешник», который сгорал без остатка, другим по нраву приходился «кулачник», побить его и просеять – дело привычное, зато всю зиму в доме жара. Обсуждалась из года в год одна и та же альтернатива: лучше купить уголь у «камазистов» или ехать на шахты самим? У «камазистов» купить проще, но у них уголь всегда хуже, а иногда и вовсе «одна пыль, не горит, жужелицу не успеваешь выгребать». И все же большей частью покупали у них, лишь немногие шли с поклоном в бухгалтерию, оплачивали транспорт и отправлялись в путь-дорогу сами: кто в Донецк, кто в Шахты, кто в Гуково.

Настя, взвесив «за» и «против», решила, что лучше привезти уголь самим. Она предприняла попытку убедить в этом Семена.

– Знаешь, Сема, люди говорят, что «камазисты» халтурят, покупают уголь подешевле, с пылью, а продают как сортовой. Его сеять придется, а так от него тепла не будет. Конечно, не будет, он же без кислорода не горит, а через пыль воздух не проходит. Что ж деньги за пыль платить? Может быть, ты договоришься с кем-нибудь из шоферов и сам сгоняешь в Шахты или в Гуково. Как ты думаешь? А?

Семен не стал думать никак, а только заявил:

– Ты всегда это., все решаешь сама, со мной не разговариваешь никогда.

– А что же я сейчас делаю, – ответила Настя, – как раз вот и разговариваю. Тогда Семен провозгласил:

– Уголь – он и в Африке уголь. – И от души обматерил его.

Это было столь естественно, что Настя ничего другого и не ожидала.

Выражать свое негодование она не собиралась, взяла в руки мокрую тряпку и спокойно занялась уборкой в доме. Их жилье состояло из зала, размером не более десяти квадратных метров, маленькой спальни, в которой на стене над кроватью висел бежевый ковер с красными и коричневыми узорами, и кухонки. В спальне на кровати, застланной васильковым пикейным покрывалом, на фоне ковра белели две пуховые подушки, возложенные одна на другую. У противоположной стены сияли полировкой шифоньер и модный комод с зеркалом. Все окна были завешаны тюлевыми занавесками и шторами. В спальне шторы были дешевые, короткие, а в зале – плюшевые с ламбрекенами, свисающие до самого пола. Их сиреневый цвет контрастировал с зелеными обоями, на которых цвели желтые, безжалостно изуродованные художником ромашки. Среди этого вертикального луга находились сервант с посудой и диван, обитый цветастой тканью. На столе с тонкими ножками, до половины скрываемыми белоснежной скатертью, позировал символ отечественной электроники – черно-белый «Рекорд».

Кухня выглядела еще скромнее: здесь самое почетное место занимала беленая известкой печка, слева от нее стоял обеденный стол, покрытый клеенкой, вокруг него – четыре стула; сбоку на стене висел белый шкаф для посуды. Вот и вся обстановка, если не считать скамейку для ведра с водой, в котором плавал зеленый пластмассовый ковшик.

Настя любила свой дом, она постоянно что-то чистила, терла, трясла половики, делая это непринужденно, как бы между прочим. А когда все радовало глаз, брала в руки книгу. Просто так, без дела она не могла сидеть ни минуты.

После того, как Семен отверг план Насти, оставался только один способ обзавестись углем, а именно: отловить «камазиста». Словом «камазист» было принято называть водителей большегрузных «камазов», а в данном случае оно меняло первоначальный смысл и означало: «Водитель автомобиля, который возит уголь для продажи». Происхождение этого слова можно объяснить тем, что в первое время для перевозки угля использовались именно «камазы», потом сгодились и другие грузовики, но и их водители все равно стали «камазистами». Придумали это выгодное занятие находчивые шоферы, работающие на предприятиях и в организациях, ни профиль которых, ни масштабы деятельности не имели совершенно никакого значения. В начале осени они договаривались с начальством, давали им «на лапу» и в течение нескольких недель или месяцев усердно возили уголь и продавали его всем желающим. Для «гаишников» их бизнес был божьим даром, подарком судьбы, манной небесной, Клондайком: «Хрен ли им не жить, – презрительно посмеивались бедные «камазисты», – мы сутками крутим баранку, а менты имеют побольше нашего». Хотя и сами они были не в убытке.

Настя с Семеном несколько дней подряд просматривали хуторские дороги и вслушивались в каждый звук, напоминающий звук движущегося самосвала. Однако уголь к ним ехать не торопился. Машины были словно невидимки. Говорили, что вчера уголь купили дед Андрей, Жора толстяк, Петька с Манькой. А когда и кто привозил им уголь, было непонятно. Так безрезультатно проходили дни за днями. Для достижения поставленной цели требовалось заполучить неограниченную свободу, поэтому Настя решила отпроситься с работы. Удача, как и беда, всегда приходит внезапно. Утром Настя только оказалась на улице, сразу же увидела бредущий грузовик. Она выбежала на середину дороги и помахала ручкой. Самосвал немедленно прибавил скорость и через десять секунд резко затормозил перед Настей, едва не зацепив ее левым подкрылком.

– Ослеп, что ли! – крикнула Настя.

Из кабины выглянул водитель – кучерявый, чернобровый, с ухмылкой во все лицо, но тут же выражение его лица сменилось и стало удивленно-веселым. У него и мысли не возникло

как-то отреагировать на Настину реплику. Оглядев с ног до головы и раздев ее глазами, он залихватски воскликнул:

– Поторгуемся?

Настя, радуясь удаче, поддержала его интонацию:

– А что? Можно.

Он скрипнул сиденьем, открыл дверцу и выпрыгнул, – стройный, в синих джинсах, белых кроссовках, в клетчатой рубашке с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Весь с иголочки.

– Начнем! – с хитрой улыбкой предложил он.

– Чего? – спросила Настя.

– Торговаться, чего же еще?

– Начнем.

– У тебя денег много?

– Много.

– Конкретней.

– Не скажу.

– Почему?

– Потому. Может, ты меня ограбить хочешь?

– Оскорбляешь. Такую красоту грех грабить, если только украсть, – это хоть прямо сейчас.

– Даже так? Гляди ж ты, какой смелый! – возмутилась Настя.

Он провел взглядом с ее голых красивых ног до легкой светлой кофточки, через которую отчаянно просвечивалась выпуклая грудь. Настя взглянула в его глаза. Ей показалось странным, что его нахальство не смутило ее, напротив, от этого сделалось даже приятно. И радушное лицо девушки все засветилось. Парень тоже улыбнулся, но не нахально, а по-свойски, как будто они давно знали друг друга. Она ощутила обаяние этого симпатичного парня, которое мгновенно всколыхнуло в ней непонятные чувства.

– А где родители? – спросил он, почему-то решив, что она только остановила его, а разговор нужно будет вести с ее отцом или матерью.

– Зачем они тебе? Без них веселей.

– С тобой, я гляжу, не соскучишься. – Настя повела бровями. – Ты мне глазки не строй, лучше позови маму с папой. И вообще, такую девочку нельзя оставлять одну на улице.

– Это почему же?

– Волки в лес утащат, вот почему. Не боишься?

– Что, я на маленькую похожа?

– А что, уже взрослая?

– Представь себе, да.

– Представил бы, да не могу. Вообще-то, согласен, – снова оценив Настю взглядом, поменял он свое мнение и добавил: – Солнечная девочка!

– Не умничай.

– Я очень серьезно. Ты меня очаровала.

– Очарование штука такая: сегодня ты очарован, завтра разочарован, вот так-то, – усмехнулась Настя.

– Откуда ты это знаешь?

– Опыт имею.

– Даже так?

– Даже эдак.

– За один твой поцелуй плачу сто рублей.

– Мало.

– А сколько надо?

Она засмеялась, глаза заискрились.

– Тысячу.

– У меня столько нет, а то бы я с удовольствием.

– С удовольствием – еще дороже, – опять засмеялась она.

– Давай с тобой познакомимся, будем дружить, – изменив интонацию, предложил кучерявый.

– Об этом говорить не надо, – сказала Настя.

Но сказала это мягко, неуверенно. Она почувствовала, что в ее груди возникло какое-то странное волнение, и показалось, ощутила это с первого мгновения, как только его увидела. Она поняла – ей хочется быть рядом с ним, взглянула на него: «А ведь это так...» И внезапно смутилась, как будто испугалась чего-то. Ей показалось, что он заметил ее смущение и, пытаясь избавиться себя от неловкого положения, сказала:

– По-моему, мы заторговались.

Кучерявый действительно заметил ее смущение.

– Почему не надо? – спросил он.

– Потому что я замужем, – ответила Настя.

– Муж – не стена, подвинется, – не восприняв Настин ответ всерьез, произнес он фразу, которую в таких случаях произносят все, – я вечером приеду к тебе.

– Я же тебе сказала: у меня есть муж.

– Так я и поверил. Молодая еще.

– Сам ты молодой... и неопытный. Давай-ка ближе к делу, – сказала она. – Мне надо две тонны орешника и полтонны семечек.

– Так у тебя ж денег нет.

– Все у нас есть! И деньги есть, и мужа есть! – сказала она как бы сама себе.

– Хочешь, я тебе бесплатно продам?

– Ну уж нет. Купить меня хочешь? А ты парень не промах, наверно, не первой мне предлагаешь?

– Нет, тебе первой, ты такая девчонка, нормальная. Ты мне сразу понравилась, я честно говорю. Ты знаешь, я сегодня уголь загрузил плохой, пополам с отсевом, не хочу такой тебе продавать. Давай, лучше завтра привезу орешник, без единой пылинки, покажи только куда выгрузить.

Он взял ее за руку и потянул к дому. Настя покорно пошла за ним, ощущая тепло его крепкой ладони. – «Что это со мной? – думала она. – Я должна отдернуть руку». Но не было сил сделать это. Она только спросила:

– Куда ты меня ведешь?

– Покажи точное место.

– Вот здесь, – освободив все-таки руку, показала она на лужайку возле сарая с просевшей, похожей на двугорбого верблюда крышей.

– Чего это у вас сарай такой горбатый, – усмехнулся Кучерявый.

– Я и сама горбатая. Не заметил?

– Сейчас проверим, – он неожиданно обнял ее.

– Что ты делаешь? – почти крикнула она, и нажала обеими руками на его грудь. Оттолкнувшись, она одернула юбку и опустила руки. – Совсем сдурел!

– Чего ты губы надула, скажи лучше, как тебя зовут?

– Этого тебе знать не положено.

– Я вечером приеду к тебе. Можно?

– Не вздумай, муж дома будет. Он у меня злой.

– А если его не будет?

– А если ты не приедешь?

– А если ты о соседке соскучишься и к ней в гости пойдешь?

– Мою соседку Митькой зовут, замерзнешь, пока дождешься.

– Это же, елки зеленые, катастрофа; лучше от любви умереть, чем замерзнуть, – сказал он и спросил: – Ну и как мне быть, по-твоему?

– Просто не знаю, что тебе и сказать, – засмеялась Настя.

Возникла пауза. Кучерявый озадаченно провел рукой по своей шевелюре. Настя, склонив голову немного набок, не могла оторвать глаз от его лица. Этот взгляд выдавал ее чувства. Она кокетливо покачивалась и казалась такой легкой, что достаточно одного дуновения ветерка, чтобы поднять ее на воздух. На ее щеках еще сохранился теплый след смущения, а темные глаза таинственно светились. Парень смотрел на ее губы с еле заметной улыбкой; они были нежные, чувственные и свежие; казалось, что они наполнены благоуханием, как цветок наполнен нектаром.

– Я все равно приеду, вот увидишь, – настойчиво произнес он.

Насте было легко и радостно разговаривать с незнакомым парнем и расставаться с ним не хотелось. «Вот сейчас он уедет, и все, – подумала она.

– Останусь одна, и будет мне скучно и грустно». И тут же при мысли, что он и в самом деле может приехать вечером, ужаснулась. Она понимала, что малейшая уступка, допущенная сейчас, повлечет за собой немыслимые осложнения в ее жизни. Ей надо бы решительно и жестко запретить ему об этом даже думать, но сделать этого она не могла, потому, что хотела оставить ему надежду, потому, что хотела видеть его. В самом деле, не могла же она сказать ему: приезжай, но только как-нибудь так, тайком, незаметно для мужа. Хотя такое желание возникло. Уже повернувшись к дому, она спросила:

– Ты сможешь привезти уголь с утра? Мне после обеда обязательно надо быть на работе.

Вместо ответа Кучерявый продолжал настаивать:

– погоди одну минуту, не уходи, скажи, как тебя зовут.

– Чего ради? Зачем я должна такие большие секреты доверять незнакомому человеку.

Может быть, мы с тобой больше друг друга и в глаза не увидим.

Так ты сможешь подъехать с утра?

– Конечно! И сегодня вечером – тоже.

– Ни к чему все это, – грустно улыбнулась она. На прощанье ей захотелось сказать что-то теплое, нежное и она протянула ему свою руку.

– Пока.

Сделав шаг навстречу, он взял ее маленькую ладонь и сказал повелительным тоном:

– Ты мне верность хранить обещай. – Улыбнулся, нырнул в кабину и помахал рукой.

Настя пошла к дому, он проводил ее взглядом. Короткая юбка едва прикрывала красивые загорелые ноги, узкий пояс подчеркивал гибкость талии, из-под гладких прямых волос были видны худые плечики.

* * *

Вечером Настя сообщила Семену главную новость дня, что ей сегодня повезло отловить «камазиста», что он обещал завтра утром привезти им уголь. А Семен ничего не ответил – лишь с видом уставшего хозяина дома небрежно кивнул головой и направился в сарай для угля. Очистив сарай от ненужного хлама, проверил свиней, походил по огороду, потом поужинал и развалился на диване, уставив глаза в телевизор.

Настя убрала со стола, протерла пол, осталось только выплеснуть грязную воду. Она взяла ведро, вышла во двор... И сердце ее защемило. Ночь была светлая – луна, застряв между неподвижных серебристых облаков, немилосердно сияла. Насте захотелось полюбоваться на

нее. Запрокинув голову, она долго стояла у крыльца и созерцала высокий свод звездного неба, наполненного чудесными видениями таинственных теней. Словно оцепенев от божественного явления, она погрузилась в раздумье, а на приоткрытых губах ее возникла печальная улыбка. И так одиноко стало в тишине тихой осенней ночи. Из состояния мечтательности ее вывели чьи-то шаги. Опустив затуманенный взгляд, она сквозь деревья увидела идущего по дороге мужчину.

В эти минуты девушка окончательно утратила спокойствие. Полная рассеянности и грусти вернулась она с улицы. Звякнула в кухне пустым ведром, мягкими шагами прошла в зал и, подвинув пахнувшие потом ноги Семена, присела рядом с ним. На экране телевизора два диктора мужского и женского пола, сменяя друг друга, вдохновенно вещали о героических подвигах трудовых коллективов и всего советского народа. Настя время от времени тайком вздыхала. Она была готова к этому, но все равно вздрогнула, когда на стенах и потолке зависли, перемежаясь с тенями, и расползлись по углам комнаты блики автомобильных фар. Послышались, а затем резко умолкли гул и лязганье грузовика, не оставляя сомнения в том, что он остановился напротив их дома. Настя покосилась на Семена. Он рефлексивно отвел взгляд на окна и вместе с дикторами продолжил наслаждаться успехами горняков Донбасса.

Настя затаила дыхание, каждую секунду ожидая стука в окно или дверь. Она пыталась представить, что за этим последует, и не могла. Наверное, ее мучительное ожидание выразилось в дыхании или бесконтрольных движениях рук, потому что Семен оторвался от экрана и внимательно посмотрел на нее. Насте хотелось спрятаться, убежать, закрыться с головой. Одновременно другое чувство металось в ее груди. От этого чувства всем ее существом овладевало жгучее волнение, от которого разрывалось сердце, и все тело охватывал робкий трепет. Щеки ее запылали.

«Только бы не постучал, только бы не постучал», – молила она. Тихо встала и, направившись в спальню, сказала упавшим голосом.

– Пойду спать.

– Рано еще, посиди. Сейчас концерт начнется.

«Не дай Бог!» – подумала Настя, а вслух ответила:

– Что-то голова у меня заболела.

Она разобрала постель и на цыпочках приблизилась к окну: самосвал стоял на противоположной стороне улицы. Настя всмотрелась в темноту, но больше ничего не разглядела и легла на кровать, на самый краешек, оставив большую часть постели для Семена. Сейчас она не могла бы перенести его прикосновения.

«Я думаю о тебе, я знаю, что ты здесь, рядом, только не соверши глупости, – мысленно она обращалась к Кучерявому. – Дождись утра, и мы встретимся. Я обещаю тебе... Нет, не обещаю. Я не знаю. Я не знаю, что будет. – Мысли ее сбивались. – Зачем мне все это? До тебя все было спокойно, а теперь...» Воображение рисовало ей встречу с ним. Она представляла, как страстно бросается в его объятия, обвивает его шею своими руками, а он со всей силой прижимает ее к своей груди. Она слышит его дыхание, стук его сердца и от предчувствия жутко таинственного, нестерпимо желаемого весь мир становится нереальным, все тонет в тумане, все – только туман и сон, чудесный радужный сон. Настя представила его лицо: веселое, уверенное, чарующее молодостью и озорной смелостью. Она безмерно почувствовала, как ее душа истосковалась по любви, по ласке, как она их жаждет и рвется в их безрассудную бездну. Ей стало больно-больно и захотелось плакать, плакать горько, навзрыд, крупными слезами. Не находя душевного покоя, она ворочалась на мягкой постели, готовая вскочить сию секунду, выбежать к нему на улицу и с трудом удерживала себя от безрассудного поступка.

Тут она услышала звук заведенного двигателя и поняла, что он уезжает. «Спасибо тебе, миленький, что ты не погубил меня! Спасибо! Спасибо!»

Кто-то сказал верно: «Молодость не нуждается в здравом рассудке, предпочитая его упрямой логике кипучий океан чувств, волнений и страстей. К несчастью, в жизни самой смир-

ной и верной женщины бывают минуты, когда лишь обдуманнные поступки могут спасти ее от роковой ошибки. Ах, как обманчиво иногда наше сердце. Ах, как пленит и тревожит любовь».

* * *

Настя почти не спала. Утром она пыталась скрыть от мужа свое необычное состояние, только Семен все равно заметил, что в ней произошли серьезные перемены. Когда она покормила его жареной картошкой, подала кружку с компотом, а сама даже не притронулась к еде, он подозрительно покашлял и, уходя на работу, не проронил ни слова, а это означало, что он рассердился.

Оставшись одна, заново переживая предыдущее нервное напряжение и радуясь, что все закончилось благополучно, она решила, что кофточка и юбка, которые на ней были вчера, Кучерявому понравились, поэтому надела именно их и засуетилась перед зеркалом. «В чем я поступила неправильно? – задалась она вопросом. – С самого начала мне следовало вести себя более осмотрительно: не давать ему повода для надежды, не показывать, что хочу встречи с ним, тогда бы он, естественно, не приехал. Но тогда бы он не приехал больше никогда. И все: «прощальный взгляд любви, последний подарок судьбы». Ведь я не знаю даже, как его зовут. Ладно, все, что ни делается – к лучшему». Подскочив последний раз к зеркалу, она осталась довольна собой: конечно, совсем девчонка; кто поверит, что замужняя.

Воодушевившись от осознания, что красива, девушка улыбнулась своему отражению, вышла на улицу и покрутилась на одной ножке, как школьница на перемене, а взгляд ее устремился вдаль. Душа ликовала. Пробежал ветерок, она поежилась и почувствовала необыкновенный прилив бодрости и жизненной радости. Необыкновенная легкость во всем теле вынуждала прыгать, петь, кружиться; хотелось подняться в небо, высоко, к самым облакам. Хотелось чего-то еще, необъяснимого и непостижимого.

Десять минут прошло, двадцать. Настя немного забеспокоилась, в голову уже начали закрадываться сомнения. Но ее настроение оставалось таким же необычайно веселым. Несомненно, ей не терпелось увидеть его побыстрее, сию же секунду, и она сожалела, что вчера не уточнила время, ведь утро длится до середины дня. Рядом, совсем близко, замелькали две бабочки с беленькими в крапинку крылышками. Увлеченно кружась одна над другой, они словно отскакивали от невидимых преград, пикировали вниз, путались в воздухе и стремительно взлетали. Настя затаилась, намереваясь поймать одну из них. Бабочки, наверно, почуяли опасность, взметнулись из-под ног, помахали крылышками перед самым лицом, и упорхнули вместе со слабым порывом ветра, возникшим в эту секунду. На развесистом тополе, стоявшем на меже с соседним двором, покачнулись ветки. Она с наслаждением вдохнула прохладу, исходящую от его листьев.

Наконец, послышался отдаленный звук мотора. Из-за густых деревьев, закрывающих перекресток, вывернул грузовик; грузно раскачиваясь на выбоинах и громокая, он приближался. Под его колесами взрывалась тяжелая пыль, не поднимаясь вверх, она догоняла грузовик и, как серый туман, расстилалась по земле. Грузовик проехал мимо Насти, остановился, попятился задом к сараю и затормозил. Ковшеобразный кузов начал вставать на дыбы. Как живой, он поднимался все выше, и черный поток дробленого угля, отблескивающего глянцем и серебром, с шелестящим треском хлынул на землю. Машина резко дернулась и резко стала – из кузова жиденько скатились оставшиеся угольки.

Кучерявый выскочил из кабины как ужаленный и остановился перед Настей. Девушка сияла. Она была такая хорошенькая, что он с первого мгновения залюбовался ей и, растерявшись, после неловкого молчания сморозил что-то несообразное:

– С вас двести тридцать рублей. – На лице его появилось выражение, которого Настя не поняла.

– Привет, – выдохнула она приглушенным голосом.

– Привет, – сипло произнес он.

– Удивительно, вчера ты говорил, что привезешь уголь бесплатно, – посмотрев на него со свойственной ей ироничностью, сказала Настя.

– Я и хотел бесплатно, но побоялся, что ты обидишься.

Настя улыбнулась.

– Что с тобой? – спросила участливо она.

– Сам не знаю. С той минуты, как увидел тебя, я сам не свой. Сперва не мог понять, в чем дело, и вдруг до меня дошло. Так что вот. Я люблю тебя. Знаю, что ты скажешь, – продолжал он. – Ты скажешь, что замужем. Знаю, я видел вчера твоего мужа. Я хотел вызвать тебя, заглянул в окно и увидел вас обоих, вы сидели на диване. Я ведь, правда, не поверил, что ты замужем, и мне было легко. А теперь не знаю... Я люблю тебя.

Именно эти слова хотела услышать Настя. И когда дрожала из-за боязни, что он постучит в окно, и когда провожала мужа на работу, и когда, словно козочка, подпрыгивала на поляне перед домом, ожидая почти незнакомого человека с намерением обнажить ему свои страстные чувства. И сейчас она была готова к этому. Лишь в самом потаенном уголке ее души оставалась преграда, не позволяющая решиться. Она понимала, вряд ли можно доверять человеку, с которым встречалась всего один раз. Более того, она замужняя, значит надо закрыть глаза и перешагнуть через стыд и позор. Настя еще уговаривала себя быть разумной. Но он ее любит, ей ничего больше не надо, ей надо быть только любимой. По ее лицу пробежала тень неуверенности и отчаянности одновременно.

– Да мы едва знакомы! – начала девушка. Ее голос захлебывался от сердечной искренности. Прежде Настя никогда не подбирала слова для выражения своих мыслей. А теперь она запнулась, потому что не знала, что сказать. – Меня муж убьет, если узнает... размажет по стенке, – наконец промолвила она и откровенно призналась: – Я тоже не знаю, как быть, потому что я тоже...

Они готовы были броситься в объятия друг другу, только покоряясь условности, не позволяющей этого малознакомым людям, никак не решались.

– Ты мне так и не сказала, как тебя зовут, – произнес он.

– Настей, – сказала она и улыбнулась. – Вот, видишь, в любви признались, а имени друг друга не знаем.

– А меня зовут Вадимом.

– Вадим – значит, Вадик. Ни за что не угадала бы.

– Настенька, давай поженимся с тобой, и побыстрее.

– Прямо сейчас, что ли? – рассмеялась Настя. Это «Настенька» пронзило ее сердце. Так ее звали только мать с отцом и больше никто.

– А ты меня не будешь обижать? Мой муж постоянно обижает... Я не послушалась родителей и выскочила за него замуж. А теперь я его не люблю. Вот и все.

– Нет, Настенька, я тебя буду на руках носить, буду твои маленькие пальчики целовать. Я буду вкалывать день и ночь, чтоб покупать тебе самые красивые платья, а по выходным буду приносить тебе мороженое и шоколадки. Поженимся?

– Ну, кто ж устоит перед таким женихом, – развеселилась Настя. – Конечно, поженимся. – Помолчала и добавила: – Я, наверное, неправильно выразилась. Я хотела сказать... я хотела сказать тебе вот что, только это ужасно глупо звучит. Я тебя люблю, но замуж за тебя не могу пойти. Как это ты себе представляешь, при живом муже выйти замуж?

– Вы разведитесь с ним.

– Все не так просто, как это кажется, мой милый. Ты не знаешь моего мужа. Если я только заикнусь о разводе, он прикончит меня, не моргнув глазом.

Он у меня такой.

– Тогда я увезу тебя к себе, так он тебе ничего не сделает. Пусть только попробует. А потом вы с ним разведетесь.

– Ну, и кто я, по-твоему, после этого буду? Что скажут обо мне люди?

– Я отлично понимаю, что ты имеешь в виду. Все равно я тебя увезу.

Настя смотрела на Вадима зачарованно, неотрывно. Не справившись с собой, она заставила Кучерявого сделать несколько шагов поближе к машине, чтоб с дороги их не было видно, и неожиданно для себя быстро поцеловала его. Он тоже поцеловал ее и затаил дыхание.

– Просто не верится, – перешла она на шепот.

Он улыбнулся. Эта улыбка пронизала каждую клеточку ее тела счастьем, о котором немислимо было и мечтать. Она обвила руками его шею именно так, как и мечтала вчера. Прильнула к нему, откинув голову, которая приходилась вровень с его плечами; все ее тело: прямое, гибкое, послушное, – отдалось его объятиям. В ногах появилась слабость. Почувствовав, как нежные дрожащие руки касаются ее, она погладила Вадима по голове и коснулась губами его щеки.

– Что ж ты вздрагиваешь так? Глупенький мой, – проговорила шепотом она.

– Любимый, как я без тебя жила? Я тебе обещаю, что буду твоей.

– Значит, ты согласна стать моей женой? – снова повторил он свой вопрос.

– Не знаю, – прошептала она, – я не ожидала. Сейчас я не могу ответить ничего определенного. Только ты никогда больше не подъезжай к моему дому. Это очень опасно. Вчера муж заметил, что машина остановилась у нашего дома. Хотя он ничего и не сказал мне, все равно, кажется, что-то заподозрил.

– Значит, если я приеду, ты не выйдешь? – встревожено спросил Вадим.

– Конечно, не выйду, – твердо ответила она.

– Что же делать?

– А ничего делать и не надо. Езжай домой и спи спокойно, а обо мне забудь. Вот так. – Лицо Вадима омрачилось испугом и растерянностью. Настя поспешила успокоить его: – Наберись терпения, придумай что-нибудь. В хуторе не как в городе, тут без чужих глаз шага не сделаешь. Ты меня понимаешь?

– Да, – ответил он.

Ее слова вызвали в нем неясное возбуждение. Кто бы поверил! Он отбросил робость и признался ей в своей любви! Невероятно! Нет, невероятно другое – она тоже сказала, что любит. Она не дала согласия выйти за него замуж, но и не отказала. Она пообещала, что станет его. Вадим думал об этом, ощущая близость ее мягкого покорного тела, и это волновало его еще больше. В этой красивой девушке, робко прильнувшей к нему, чувствовалось тепло, чувствовался затаенный трепет. Вадим не переставал внимательно смотреть в ее лицо. Губы ее улыбались, глаза были полузакрыты, вся она, как и он, была охвачена волнением. Страсть ослепила обоих. Настя почувствовала, что их сблизило что-то такое, что было сильнее страха, что таилось в самой душе. Она поняла, что ее любовь к Вадиму стала теперь ее жизнью и что он – часть ее самой.

– Настенька, поедem прямо сейчас, – лихорадочно произнес он. – И больше ты сюда никогда не вернешься. Сначала поживем с моими родителями, потом снимем квартиру.

– Час от часу не легче. Перестанешь ты нести околесицу? – возмутилась Настя. – Что ж ты у меня такой непонятливый?

– Ну, давай завтра. Ты собери свои вещи, я подъеду, мы быстро их погрузим, никто и не увидит.

– Не говори глупостей, – наставительно шепнула Настя. – И не теряй голову, а то потом не найдешь.

Они не могли долго стоять посередине улицы, кто-то мог обратить на это внимание. Хотя расставаться было тяжело, все равно Настя еще раз поцеловала его долгим нежным поцелуем и шепнула:

– Придумай что-нибудь.

Она увернулась от его рук и убежала. А когда оглянулась, увидела идущую по дороге женщину. По походке и фигуре угадала ее. Это была Никитична из бухгалтерии. Внезапный страх и беспокойство завладели Настей. Но, предположив, что Никитична их с Вадимом за машиной не заметила, понемногу успокоилась.

* * *

Вход в дом был со двора. Прямо напротив крыльца стоял свинарник, сложенный из пористого ракушечника. Свиньи, по-видимому, услышали Настины шаги, подняли визг и начали крушить своими носами дощатую перегородку. Обычно по утрам Настя успевала покормить свиней до работы, а сегодня она забыла про них. Не запарила дерку и вечером, до этого ли было, так что пришлось запаривать сейчас.

Она не захотела переодеваться, просто поверх кофты надела старую рубашку Семена, не заправляя ее полы под юбку. Вышла во двор, поставила на горнушку воду в ведре, подсушила дров и разожгла. Чтоб вода нагрелась, нужно время, так что теперь торопиться не имело смысла, поэтому уже неспешно пошла к дальнему сараю. Скорее это был не сарай, а навес на четырех толстых столбах, заколоченный кривым горбылем на скорую руку не один год назад. Так и не обретя полноценный облик, сарай уже скособочился, возможно, и свалился бы, если бы Семен не подставил под столбы подпорки. Между досками светились широкие щели. Зимой под этот навес забивался снег, а летом лопаты, грабли, дрова и все остальное, что здесь хранилось, мочил дождь. Семен давно бы прибил доски, как и положено, до самой крыши, но купить их было не на что.

Здесь же в крашеной двухсотлитровой металлической бочке, поставленной вертикально и покрытой целлофановой пленкой, хранился и комбикорм, называемый в хуторе деркой. Сначала свиньи ели не так много, корм с каждым днем только прибавлялся. Тогда Семен ссыпал приносимую с фермы дерку и в мешки, которые также укрывал пленкой. Насте неудобно было насыпать ее в ведро из мешков, она ждала, когда они опустеют. И вот мешки валялись пустые. Теперь, заглянув в бочку, ей стало жаль, что корм так быстро убавляется.

Дотянувшись рукой до синей чашки с чернеющими ржавыми пятнами, Настя стала зачерпывать и насыпать дерку в ведро. Затем подошла к горнушке, пересыпала ее в большую накопленную алюминиевую кастрюлю. Когда над ведром, стоявшим на плите, появились змейки пара, она сняла его, вылила почти всю воду в кастрюлю и, закатав на тонкой руке рукав рубашки, стала замешивать.

Свиньи продолжали просить есть: громко хрюкали, визжали и громыхали досками. Желая побыстрее успокоить их, Настя не стала ждать, пока дерка разбухнет. Она подняла перед собой кастрюлю, как муравей, донесла ее до свинушника и поставила. Когда открыла дверь, свиньи завизжали еще громче и настойчивей. Настя подняла кастрюлю, а протиснуться в дверь никак не могла. Выставив свои маленькие бесцветные глаза, они запрыгивали на перегородку и больно поддевали Настины ноги мокрыми и жесткими, как кость, пятками. Настя ничего не могла поделать, пока не прикрикнула и не пнула одну из них в жирную шею. В ту секунду, когда свинья отскочила, она успела перешагнуть через перегородку и быстрехонько вывалить корм из кастрюли в корыто. Свиньи набросились на корм и чуть не сбили ее с ног.

Одна из них, раздутая, как круглый жбан, мгновенно воткнула в месиво всю морду и зачавкала с аппетитом. А вторая, на длинных ногах и тощая, словно тяжелая сырая доска,

заметалась вокруг корыта, хватая пастью то тут, то там, затем нагло поддела морду сожительницы своей мордой, оттолкнула ее и стала есть.

Настя кормила свиней постоянно и приноровилась покидать свинушник целой и невредимой. Удачно она выскочила и на этот раз. Теплой водой, оставшейся в ведре, она вымыла руки, ополоснула ноги. Тут же сняла Семенову рубашку и поспешила в контору.

* * *

С работы Настя, как и всегда, пришла домой раньше Семена. Но сегодня она встречала его не в кухне, а возле кучи угля, чтоб он сходу оценил ее заслуги. Она стояла на том самом месте, где несколько часов тому назад целовалась с Кучерявым. Семен шагал солидно, устало, походкой человека, идущего за плугом, его словно пригибало к земле. В руке он нес тяжёлую черную сумку с комбикормом.

– Вот видишь, – скрестив руки на груди и окинув Семена взглядом человека, добившегося успеха, сказала Настя.

Семен мельком взглянул на жену и остановился возле угля.

– Ну и что? – спросил он и сам ответил: – «камазист» привез хороший уголь. А почему он привез хороший уголь? Я это... шёл сейчас, у всех у дворов «кулачник» с пылью, а тебе почему-то привез чистый «орешник».

– Этот на десятку дороже, – обманула его Настя, и подумала: «Отныне вранье – мой удел».

– Это сколько? – подняв кверху глаза, спросил Семен.

– Двести сорок рублей, Неужели так сложно догадаться сколько? – Двести тридцать плюс десять получится двести сорок.

Лицо Семена приняло выражение хмурой подозрительности.

– У нас всего двести тридцать рублей было, где же ты взяла еще десятку или это... натурой расплатилась?

Прежде Настя на такое хамство ответила бы истерикой. А в данный момент она выслушала его очень хладнокровно. Причина этого – тайна, которая согревала ей грудь. В последние дни Семен сделался нестерпимым, Настя начинала уже не только не любить его, но и ненавидеть. А теперь почувствовала, что он стал для нее пустым местом, и с внешним достоинством ответила:

– Очень смешно пошутил! Жуть как смешно и остроумно.

– Ты думаешь, я шучу? – повысил Семен голос.

– Думаю, что пытаешься.

– Ты у меня увидишь, как я шучу. Узнаю, обоим это... бошки оторву.

– Это ты можешь, – невозмутимо произнесла Настя.

– Заткнись! – крикнул он. – Ты думаешь, я не знаю, зачем жена директора каждый год это... на курорты уезжает? Всех армян там обсосала. Вон, иди, послушай, что люди говорят. Только щас на ферме это... смеялись над ней. Вы все одинаковые, и ты такая же! Все – проститутки.

Он собрался было распространяться на эту тему, поскольку имел по данному вопросу твердое мнение, но Настя смерила его холодным супружеским взглядом.

– Господи ты, боже мой! – произнесла она тоскливым тоном, – все это я уже слышала и не один раз, ничего новенького. Пойдем, покормлю тебя, да углем займемся.

Мрачное замкнутое выражение привычно поселилось на лице Семена. Склонившись над тарелкой, он помешивал ложкой борщ, время от времени сдвигая к переносице густые брови и поглядывая своими зелеными глазами на вешалку, прибитую к стене. Нашупал на столе сковородку с омлетом, пододвинул ее и стал запихиваться. Настя только сейчас заметила, какой он круглоголовый: и надутые щеки, и сглаженная полусфера затылка уподобляли его голову

школьному глобусу; округлый подбородок лил воду на ту же мельницу, а лоб казался таким прочным, что на нем без ущерба можно разбивать молотком грецкие орехи. Мешал только прямой длинный нос.

«Если бы нос был маленький и сплюснутый, было бы лучше. Тогда сходство было бы идеальным. Нет, идеальное сходство получилось, если бы у него вообще носа не было... и ушей – тоже», – подумала Настя и состроила ему рожицу. Сейчас ей можно было делать все, что угодно, ибо, находясь не в духе, он ее в упор не видел.

В тот момент, когда Семен раздвинул брови, Настя подала ему кружку компота. Семен разглядел его до самого дна и выпил сначала большую часть, потом, разглядев еще раз, – что осталось. Уравновесив таким образом душевное сомнение, он приступил к хозяйственным делам. Нашел во дворе совковую лопату и принялся бросать уголь в черное квадратное окно сарая. Через минуту к нему подошла Настя, тоже с лопатой, но Семен ее прогнал.

– Не бабье это дело, – сказал он, – иди воду погрей на горнушке, да погорячей.

– На улице уже прохладно, может, протопим печь углем? – спросила Настя. Семен долго думал, в конце концов, ответил:

– Поступай как знаешь.

Настя из сарая принесла дрова и положила их на плиту. Потом она вытащила конфорки. Сходила в спальню за газетой, смяла ее и бросила в топку, накидала дров, открыла заслонку дымохода и зажгла спичку. Газеты загорелись. Сдвинув на место конфорки, она взяла пустое ведро и пошла к Семену. Он разогнул спину, опустил лопату на землю и спросил:

– Ты не узнала, где «камазист» это... работает? Узнала или нет?

– Нет, – ответила Настя, – а что?

– И номер машины не запомнила?

– Не запомнила, – смутилась Настя.

– Зря, надо было мне самому отловить его. Такого угля больше не увидишь.

Я бы с ним договорился, чтобы он и на следующий год привез. У тебя же соображения не хватает на это.

– Что правда, то правда, ты угадал, – призналась с сожалением Настя. – Вот до этого я как-то не додумалась. Молодая еще, в другой раз учту. – Семен взглянул и понял, что она говорит откровенно, не язвит. Ему понравилось. – Я еще могу с ним договориться.

– Как ты договоришься? Где ты его теперь найдешь?

– Он сам придет. Я же должна ему десятку.

– Обязательно запиши номер машины, узнай, где он работает и тоже запиши, а то забудешь.

– Я не забуду, – подставляя ведро, заверила Настя. – Сыпь.

Семен зачерпнул два раза, Настя с полным ведром угля пошла, а когда открыла дверь – ужаснулась: в кухне дым стоял коромыслом и валил из топки печи густым столбом.

– Боже мой! – Она выскочила на улицу и испуганно закричала Семену: – У нас пожар, все в дыму!

Семен бросил лопату и, опередив Настю, влетел в дом. Поняв, в чем дело, задел из ведра ковш воды, стал заливать дрова. Настя тем временем раскрыла все окна.

– Вот ты дура, совсем без ума! Сначала надо одну бумагу зажечь, поглядеть: есть тяга или нет? А ты видишь, что дымоход забитый, все равно напихала дров.

Заглушив огонь, он принялся вытаскивать почерневшие чурки, уже обугленные и краснеющие на ребрах. Они больно, как пчелы, обжигали пальцы. Семен дул на руки, тер ими о рубашку. Из топки сочилась едкая копоть, он отворачивался в сторону, чтобы не дышать ею, продолжал хватать чурки и вышвыривать их на плиту. Настя, смотревшая на это, вдруг рассмеялась. Она, кашляла от дыма, смеялась и не могла остановиться.

– Чему ты радуешься, дура? – возмущался Семен.

Настя не могла ничего ответить. Очистив от дров топку, он обмакнул руки в ведро, уже спокойно вышел из дома и стал шарить глазами по двору. Возле забора нашел четвертинку кирпича, сходил в сарай за шнуром. Залез на крышу, по крутому склону добрался до трубы и стал прочищать дымоход, опуская в него привязанный к шнуру обломок кирпича и вытаскивая его оттуда. Он заглядывал в трубу, в которой кроме темноты в глубине квадратной дыры ничего не мог разглядеть, и снова опускал и поднимал груз.

Настя отступила от крыльца подальше и, подняв голову, наблюдала за мужем. В этот момент словно разрушилась преграда, разделяющая ее с Семеном. Вот такого непосредственного когда-то она его и полюбила. Тогда она не могла и предположить, что он окажется черствым и грубым.

– Ну, вот и все, а ты боялась, – слезая с крыши, сострил подобревший от Настиной оплошности Семен. – Теперь иди топи. Только сначала это... пусть дрова прогорят два раза, чтоб дымоход прогрелся получше, а уж потом засыпай уголь.

Отряхнув штаны, как будто на них налепились опилки, он снова подошел к куче угля и взял в руки лопату. На улице стало темнеть, сумерки стужались все больше и больше, постепенно уголь слился в одну черную массу и уже не отличался от земли. Семен продолжал работать в темноте.

* * *

Когда, закончив дело, он открыл дверь, в кухне у Насти уже все было готово. На плите в двух ведрах закипала и парила вода. Посередине пола стояла небольшая оцинкованная ванна, рядом с ней выварка с горячей водой. От обильного испарения воздух в кухне, в котором еще ощущался запах гари, наполнился теплым паром. Настя убирала со стола, на чистой половине которого лежали ровно сложенные полотенца.

Семен снял грязную одежду, бросил ее у порога, не включив свет, обошел комнаты, принюхался. И в спальне, и в зале еще пахло дымом. Вернувшись в кухню, пододвинул табуретку к стенке, сел усталое, с раскрасневшегося и грязного от угольной пыли лица вытер ладонью крупный пот. Настя взглянула на него и спросила:

– Будешь первый мыться?

– Купайся сама, – ответил он, – я подожду, отдохну немного.

– Устал?

– Конечно, – не поднимая головы, буркнул он.

Настя медленно сняла жёлтенький халат, под которым ничего больше не было, повесила его на вешалку, оглянулась на Семёна и, подойдя к ванной, плеснула на ее дно ковш воды, а затем встала в нее сама. Чуть изогнув спину, она откинула назад волосы и, зачерпнув из выварки воды, стала поливать себе на голову, глядя в это время на окошко.

– Такие были чистенькие занавески! – намыливая спутанные волосы мылом, огорчилась она. – А теперь их надо стирать. Много у меня завтра работы будет.

– Черт с ними, – разглядывая обнаженную Настю, успокоил ее Семен. – Ничего страшного, постираешь.

Глаза у Насти были зажмурены, чтобы не попало в них мыло, и она не знала, смотрит он на нее или нет, но по его голосу, которым он ответил, поняла, что смотрит. Не первый раз Настя мылась под критическими взглядами Семёна и всегда оттого, что он разглядывает ее голое тело, ощущала беспомощный стыд. Каждый раз ею овладевало досадное чувство. Пытаясь сгладить свою неловкость, девушка делала вид, что не обращает на мужа внимания.

Намылив мокрые волосы, она легкими движениями обеих рук помыла их и стала ополаскивать, поливая из ковша. Вода стекала по всему гибкому телу, нежно согревая будто бы выточенные изящные плечи, белые, колыхающиеся груди с розовыми кружочками сосков, трепетом

обозначающий каждые вдох и выдох гладкий живот, шелковую кожу стройных ног. Насте было приятно и волнительно. Ей хотелось, чтоб вода обжигала все больше и больше. Она попросила Семена снять с плиты ведро с кипятком. Добавила из него несколько ковшей в выварку и стала с наслаждением плескаться и радоваться, как ребенок, купающийся в жаркий полдень на мелководье.

Когда вода стекала по лицу и попадала в рот, Настя, шумно и весело выдыхая воздух, фыркала, и капли разлетались по сторонам. Намылив мочалку, она стала тереть себя, ее пухленькие руки с изящными тонкими пальчиками оббивали тело, как лебяжьи шеи. И снова Настя ополаскивалась и плескалась.

Для Семена это было самое волнующее из зрелищ. Позабыв об усталости, он загляделся на жену. Да и как не залюбуешься такой прелестью! Если бы в мире существовал эталон красоты, то этим эталоном непременно являлось бы обнаженное тело молодой женщины и ничто другое. Правда Семену такая мысль никогда не приходила в голову, и никогда он не сравнивал свою Настю ни с розой, ни с какой-нибудь там фиалкой. Он смотрел на нее куда проще, с чисто практической стороны.

Обтираясь пушистым полотенцем, впитывающим оставшиеся капельки влаги, Настя ощущала во всем теле уладу. Было свежо и приятно. Показав мужу приготовленное для него полотенце, она ушла и прилегла на кровать. Семен стал ведром выносить воду из ванны на улицу. Затем он тоже принялся мыться.

* * *

Утром они проснулась как обычно рано. Семен был в хорошем настроении. Но когда Настя сказала, что свиньи стали есть помногу, а дерка вот-вот закончится, он сходил в сарай, заглянул в бочку, возвратился и начал кричать на жену. Без мата, конечно, не обошлось. Начал Семён с того, что Настя лишний раз боится в огород выйти, чтоб нарвать свиньям травы. А потом переключился на Настину контору, в которой сидят одни проститутки.

– Нормальные бабы в поле работают и на ферме! – кричал он.

– Вот вы, нормальные, и работайте на своей ферме, а я уж как-нибудь обойдусь без ваших свиней, мне и своих хватает, – ответила Настя. – Куда уж мне, ненормальной, с вами равняться.

Семен заподозрил в ее словах какой-то подвох, и разозлился еще больше.

– Ты сначала посмотри на себя, – распалялся он, тупо уставившись в пространство, – ты это... мать твою, сама ничем от свиньи не отличаешься! Чем ты передо мной кичишься? Чем? Я тебя спрашиваю. – Схватил ковш, зачерпнул из ведра воды, хлебнул раз, другой, бросил ковш на пол, расплескав воду, и расходился пуще прежнего, больше не удостоив Настю взглядом в продолжение всего монолога. – Вы в своей конторе только ногти умеете красить! Поворочала бы ты, как бабы на ферме, посмотрел бы я тогда на тебя! Ты им в подметки не годишься!

– Сила есть – ума не надо, – просто так, что первое в голову пришло, ответила Настя.

Семен это воспринял как личное оскорбление и толкнул ее так, что она отлетела, ударилась спиной о стенку и вскрикнула от боли. Побледнев от злости, Семен хлопнул дверью и ушел. Настя заплакала, вздрагивая всем телом. А когда успокоилась, вытерла слезы и принялась за работу.

Запарив дерку и покормив свиней, она решила заняться стиркой. Растопила горнушку, нагрела воды и принялась снимать занавески. Шторы замочила в теплой воде, в той же ванне, в которой вечером мылась, а занавески поставила вываривать. Управившись – пошла в огород, который был продолжением двора, и отделялся от него металлической сеткой, натянутой на деревянных столбиках.

Поднимаясь от костра в соседнем огороде и кочуя из стороны в сторону, по земле волнами стелился белый дым. Возле горевшего бурьяна, повернувшись спиной к Насте, стоял дед

Андрей, одетый в фуфайку, которая во многих местах была порвана, и из всех дыр ее торчала грязная вата. На голове у деда была прилеплена смятая ондатровая шапка с завернутыми ушами, а широкие серые застиранные штаны висели так, как будто у него вместо ног были тонкие прутики. С боков костра он подгрел палкой поближе к огню сухой бурьян – пламя вспыхнуло, искры поднялись снопом и рассыпались. Переложив палку в другую руку, освободившуюся старик медленно опустил и как будто замер. Настя хотела поздороваться с ним, но ей показалось, что он о чем-то задумался, и беспокоить его не стала.

Выглядел огород печально, как заброшенное совхозное поле. С левой стороны, где летом росла картошка, между затвердевших комьев земли зеленел пырей. Трава была не такая сочная и ровная, как весной, а высывалась редкими клочками и загибалась потемневшими кончиками вниз. Кое-где торчала молодая лебеда, заново отрастали колючки и амброзия. На другой половине огорода бурьян стоял по пояс. Настя с Семеном купили этот дом летом – сажать и сеять было уже поздно. Они успели посадить только картошку. Настя окучивала ее, пропалывала, собирала колорадских жуков, а пришло время копать, копать-то и нечего: сколько посадили, столько и собрали – уродилась картошка мелкая, как горох.

Настя побродила по огороду, планируя на следующий год посеять огурцы, посадить помидоры, а в первую очередь – болгарский перец, на продажу. Все, кто занимался им, имели выгоду. «Если хватит сил, – размышляла она, – неплохо бы потыкать и «синенькие». Тетя Шура, мать Настиной подруги Кати, рассказывала, что с ними на базаре «не дают встать». Настя прикидывала, что и где будет лучше разместить. Мимоходом выдернула попавшуюся под руку лебеду, постучала ее корнем о землю и бросила в сторонку. Нагнулась и выдернула другую. Пока есть время, надо хоть чуть-чуть прополоть, решила она, и стала по одному растению выдергивать. Те стебли, что сочнее и толще, выдергивались легче, Настя бралась за их середину одной рукой и справлялась. А тощие и жилистые торчали, словно в бетоне. С ними приходилось возиться: Настя цеплялась за них обеими руками и, напрягаясь, выдёргивала. Некоторые стебли выдернуть все равно не удавалось, тогда она отламывала их.

Работа продвигалась медленно, как девушка ни старалась. От травяной пыли, которая лезла в глаза и за шиворот, она утомилась, но продолжала дергать, ломать, вытягивать упорно цепляющиеся за сухую и твердую землю стебли, похожие на кустарник. С одним она не могла справиться никак, он не выдергивался и не отламывался. Настя опустилась на коленки и потянула изо всех сил. Стебель оторвался и она полетела кубарем – так, как падает цыпленок, когда, упираясь лапками в землю, старается завладеть крошечным листочком. Настя чуть не прослезилась, какая-то досада взяла ее.

Поднявшись от земли, она уже который раз окинула взглядом улицу, как будто надеялась увидеть там Вадима, и подумала об утреннем скандале, о том, как ее ни за, что ни про что обидел Семен. На душе было тяжело и грустно. Ей стало жаль себя, оттого, что если бы она не поспешила выскочить за Семена, ее жизнь могла бы сложиться совершенно по-другому. Сейчас она не понимала, почему все уговоры родителей пропускала мимо ушей. «Что было, того не воротишь», – вздохнула Настя. Тогда она любила Семена. Хоть он в хуторе и считался молчуном, Насте казался сильным и смелым красавцем, готовым ради нее свернуть горы.

В хуторе не было ни одного парня, который бы пользовался у девчонок таким успехом. Одна Настя была недоступной для Семена, но он каким-то образом сумел уговорить ее. Угощал конфетами, раз за разом делал ей предложения и отваживал других парней, которые окружали девушку. И Настя стала гордиться им перед подругами. Где бы она ни появлялась с Семеном, всегда замечала, как девчонки глядели с завистью. Окруженный таким вниманием, Семен держался безупречно. А как только они поженились, он с первых же дней забыл все свои клятвы и обещания. Он забыл, как ликовал от радости, когда она сдалась и сказала, что согласна стать его женой. И после того, как его старания увенчались успехом, он будто бы стал считать ее виноватой в своем унижении, с которым умолял выйти за него замуж, стоя перед ней на коле-

нях, за ту капризную неприступность, честь и чистоту, которую она с достоинством сберегла для него.

Теперь Настя понимала, что он даже не способен был видеть в ней девушку, которая рождена любить и быть любимой, не способен понимать ее. Он смотрел на ее красоту как на блестящий фантик, как на средство, подтверждающее и поднимающее в глазах друзей его ни чем неоправданную значимость, его репутацию первого парня на деревне. Думала Настя обо всем этом, и в ее глазах появлялись слезы. Она словно ничего не видела вокруг. Что-то надломилось у нее в душе, какие-то чувства безвозвратно исчезли, опустошенность и безразличие легли на ее молодое сердце.

Дед Андрей отдалился от погасшего костра и, увидев соседку, неспешно приблизился к штакетнику, покашлял, еще немного постоял молча, а потом спросил:

– Муж на работе?

Вместо ответа Настя поправила рукой волосы, выпрямилась, улыбнулась, как бы извиняясь, и не сразу произнесла:

– Здравсьте, дед Андрей!

Ветерок обвил платье вокруг ее ног и бедер. Дед с грустью и тоской смотрел на грацию молоденькой темноглазой девушки.

– Ты сегодня одна? – снова спросил он.

– Одна, – ответила Настя.

– Тоже решила одолеть бурьян?

– Да я сегодня так, между делом.

– Одной тяжело. Как прежде, легче справлялись. – Он опустил глаза на штакетину, за которую держался, подергал ее, словно проверяя, не шатается ли она. Уныло исследовал глазами сухую съезженную кожу на своей руке, похожую на тонкий старый пергамент и покрытую коричневыми пигментами, которые он называл смертельными пятнами. Поднял голову, вздохнул и продолжил: – Прежде семьи были большие. Нас восемь детей было у матушки. Бывалоча, все больше по утрам работали, пока жара поднимется, мы уже управимся. Потом нас осталось пятеро, трое померли. Раньше взрослыми делались быстро. Я взял косу в руки в четырнадцать лет. Да нет, куда там! В двенадцать.

Дед замолчал, переставил ноги, повернулся в сторону серой плечи, оставшейся на месте костра, и долго смотрел, словно ему стало жалко, что бурьян уже сгорел и огонь угасал. И сам он был похож на этот потухающий костер.

– В молодости, когда были силы, здоровье, я о многом думал, хотелось и то, и то сделать. Все мечтал большой дом построить, со светлыми окнами и высоким крыльцом. Да нет, куда там! Жизнь прошла незаметно, будто и не было ничего. Старость – не радость, становишься никому не нужным. Вот сейчас внучка, она в шестой класс ходит, разложила на столе тетрадки, книжки – уроки учит... Понятное дело, не до меня ей. Потому ушел, вожусь тут потихоньку. По молодости-то годы какие длинные! Казалось, что старики всегда были стариками, а сам так и останешься молодым. А вот и подкралась старость. Не успел оглянуться, как пролетела жизнь. Быстро пролетела, незаметно. Я ведь как любил на гармошке играть. Бывалоча, девок собирал со всего хутора...

Далее он говорил о том, что чем дольше живешь, тем бесполезнее становишься, о том, что невестка не обижает его, но он понимает, что обузой стал и для нее, и для сына. Особенно добрыми они бывают в те дни, когда почтальонка приносила ему пенсию. А зачем? Он и так отдает им свою пенсию. Ничего теперь ему не надо. Когда бабка была еще жива, хорошо было, «все как-то вдвоем».

Настя полностью погрузилась в свои мысли и уже не слушала деда. Ей казалось, что теперь в ее жизни все переменится, встреча с Кучерявым всколыхнула ее, точно ветер – весенний сад. Вадим представлялся ей умным, добрым, ласковым, и от этого ее чувства разгорались

еще сильнее. Настя не предполагала, что такое может случиться с ней, когда-то ей казалось, что об этом пишут только в романах, которые она читала, но теперь-то убедилась, что это происходит и в реальной жизни. Внезапно у нее в сознании промелькнула мысль: «О чем я думаю! Изменять мужу? Я просто потеряла голову, не сознаю, что делаю. Кем я тогда стану? – А вдруг Семен обо всем узнает?».

Она стала думать о Семене, пыталась припомнить хоть одно мгновение, когда бы он понял ее, проникся ее душевными переживаниями, и не могла. Вспомнился только тот день, когда она впервые ощутила непосредственную близость крушения ее мечты о семейном счастье. А она мечтала создать свой мир, такой, в каком прошло ее детство. Другого мира она не знала, и никогда, вероятно, не сможет понять. Только в родительском доме было то, что давало ей ощущение радости и собственной значимости, а Семен отнял все это. Своей грубостью и бездушием подавил в ней любовь, взамен которой появилось отвращение к нему. Глубоко затаенная неприязнь к Семену служила причиной постоянного ее раздражения, поэтому в их отношениях окончательно поселился холодок отчуждения. Настя боролась до последнего, пыталась казаться прежней, но ее неприязнь к нему выражалась интонацией в голосе, взгляде, в отсутствии прежней открытой и светлой улыбки. Семен не мог не замечать этого, злился и становился еще грубей.

Настины мысли снова вернулись к Вадиму. Ей показалось странным, что она рассуждала, изменять Семену или нет. Ведь это уже совершенно не имело никакого значения. Она знала, что теперь без Вадима в ее истомившейся душе никогда не наступит покой. Она задыхалась от волнующих чувств и была уверена, что точно так же любит ее и он. Ее воображение рисовало их любовь радостной и красивой, как цветущую полянку, залитую солнцем. Девушка думала и все больше и больше погружалась в мечтанье, подобное обмороку, забытью. И противиться этому не было сил. В ту минуту она была готова осмелиться на безрассудный поступок, не задумываясь переступить любую черту. Но все тайное когда-то становится явным. Значит, и ее неверность рано или поздно обнажится. Настю испугали неминуемые страдания от молвы, осуждений и насмешек людей, от свирепых побоев Семена. В ее груди похолодело. В ней смешались глубокие чувства, угрызения совести, страх и обида от оскорблений Семена. Смятение огнем полыхало в душе. И снова она ощутила неуверенность.

За четыре месяца замужней жизни, за столь короткое время, всевозможные события полностью изменили ее представление обо всем. Влюбленность, быстрое разочарование, постоянное принуждение себя к выполнению обязанностей перед мужем, бесконечные заботы и неблагодарность за старания. Все это привело к глубокому болезненному надлому. «Почему, впрочем, я должна так жить?» – спрашивала Настя себя. Она признавала себя несчастной. А как можно смириться с таким самоощущением в семнадцать лет, когда неизъяснимые молодые чувства требуют отдаваться минутному настроению, яростному всплеску эмоций, которые возникают неожиданно и сокрушительно, как мощный ливень среди летнего дня. Встреча с Вадимом еще больше воспламенила желание каким-нибудь способом дать выход чувству вольности, присущей юности ликующей радости, тому, что до замужества было самым собой разумеющимся, а затем все сделалось невозможным. Сейчас она воспринимала Семена лишь как препятствие на пути к внезапному счастью, и это вызывало досаду, к которой примешивались страх, неуверенность, ощущение стыда и какого-то внутреннего сопротивления, отчего она чувствовала себя беспомощной и беззащитной, как крошечный птенчик. Она не могла сейчас даже представить свое будущее, но знала одно, что все непременно изменится...

Взявшись рукой за очередной стебелек, она потянула, но помедлила и отпустила его. Потом подняла голову, – деда Андрея возле штакетника не было – значит, он наговорился и ушел. В конце огорода с верхушек бурьяна вспорхнула стая воробьев, шумно перемешалась, и тут же просыпалась на прежнее место. Настя как будто спохватилась, привстала, отряхнула рукой свое помятое ситцевое платье, огляделась, смерив взглядом очищенный от сорняка

участок, и осталась своей работой недовольна. «Сколько же еще надо по этому огороду ползать, чтобы привести его в божеский вид?» – подумала она. Распределив вырванную траву на охапки, одну за другой перетаскала их во двор, побросала свиньям на съеденье, а затем пошла в кухню, обедать. Обед ее состоял из двух вареных яиц и чая. Не допив стакан, она повернулась устало к часам и подскочила.

Вода на плите давно нагрелась и уже остывала. Настя засутилась, приготавливая все для стирки. Порошка оказалось мало. В таких случаях верным заменителем всегда служило хозяйственное мыло. Настя построгала его ножом, стружку бросила в стиральную машину и деревянным крючком вытащила из выварки горячие занавески. Бросила их в машину, налила три ведра горячей воды и повернула черную ручку по часовой стрелке. Машина словно обиделась и начала трястись, урчать, булькать, хлопать. Настя минуту понаблюдала за ней. Заслонив ладонью глаза от солнца, посмотрела на замоченные в ванне шторы, прикинула время. «Еще ужин готовить...» Она наклонилась над ванной, помяла намокшие шторы, взялась за ручку ванны и, приподнимая ее, стала сливать грязную воду. Вода выплеснулась, и тонкие мутные струйки просочились сквозь намокшие шторы. Она опустила ванну, распрямилась и, вспомнив, что не принесла отбеливатель, отряхивая руки, пошла в коридор.

Пока она стирала, полоскала, развешивала, солнце спряталось за облака и тайком пробиралось к горизонту.

«Скоро придет Семен и опять начнет орать. Успеть бы борщ сварить».

Глава IV

Сплетни

Прошли выходные дни. Чего Настя опасалась, то и случилось. Это она поняла сразу, как только переступила порог конторы. Женщины, тесно скучившись возле кассы и страстно разговаривающие, завидев ее, умолкли в один миг. Из приоткрытой двери бухгалтерии, мимо которой Настя прошла, сквозь бодрый шум голосов она четко услышала фразу: «Тебе завидно, вот девку и позоришь». Сердце у Нasti застучало порывами – сомнения не оставалось: Никитична видела их с Вадимом и уже успела растрезвонить на всю округу. О, нет! Теперь стыда не оберешься! В своем кабинете она на минутку присела на стул, разобралась с документами, лежащими на столе. Надо было отнести в бухгалтерию ведомость и отчет. Взяла документы и пошла к заместителю главбуха Никитичне.

При ее появлении в бухгалтерии воцарилась внезапная тишина, все уткнулись в свои бумаги. Одна Никитична шаркнула по столу ладонью, как бы смахивая с него соринки, и с застывшей ухмылкой на лице обвела Настю глазами с головы до ног. Она пребывала в самом приятном расположении духа. Никитична всегда считала Настю слишком легкомысленной и веселой, поэтому, а больше от зависти к ее красоте и молодости, испытывала к ней неприязнь. Ей давно хотелось насолить Насте. Они молча, недоброжелательно посмотрели друг на друга.

– Здравсьте! Никитична, я ведомость и отчет принесла.

– Здравсьте, здравсьте! – проронила Никитична голосом, соответствующим ее взгляду. Отодвинувшись от стола и согнувшись, она стала рыться в ящиках. Настя наблюдала за ее движениями с затаенным молчаливым отвращением. Она и так не терпела Никитичну, а теперь точно знала, что это она распустила сплетни и в душе люто ее ненавидела.

Вслед за Настей в бухгалтерию вошла Нина Чернышева, та самая девушка, от которой Эрудит ждал в армии письма: свехенькая, в новенькой светлой кофточке; в ее руках были тоже какие-то бумаги. Поздоровавшись с Настей вкрадчивым голосом, она посторонилась, прислонилась к стенке и исподтишка бросала на Настю взгляды. Потом стала рассматривать ее искоса снизу вверх. Настя повернула к ней лицо – Нина во все глаза смотрела на нее. Настя поняла, о чем она думает, равнодушно отвела взгляд в сторону и покраснела: краска медленно заливала ее шею и щеки. Нина заметила это, на ее губах мелькнула улыбка. Она подошла к другому столу, что-то проговорила и вышла.

Никитична, наконец, нашла то, что искала, и соблаговолила снова обратить на Настю внимание. Она протянула руку за документами и как бы между прочим заметила:

– Гарного хлопца ты себе подыскала... Кучерявого... Ни чета Семену.

Настю слова эти вогнали в краску еще сильнее, она пришла в замешательство. Но надо было что-то ответить, и она сказала:

– Да что вы говорите? И все-то вы знаете. Кого же это я подыскала? Никитична ликовала: пусть знает свое место.

– Ну, как – кого? – певучим голосом проворковала она. Лицо ее выразило наигранное недоумение. Так бывает у людей, ни в чем не сомневающих, которые обо всем судят с уверенностью, которые всегда правы. Кивнув на окно, она сказала нарочито громко: – Того, у которого прямо среди улицы висела на шее. Вы представляете? Прямо среди улицы с любовником целовалась. Я такого еще ни разу не видала.

Настя выслушала, и вдруг ею овладел приступ отчаяния.

– Что-то вы заговариваться стали? Как бы крыша не поехала. Во-первых, ни у кого я на шее не висела; а во-вторых, ты моего Семена не трогай. Хороший ли он, плохой ли, зато мой.

Вас абсолютно не касается, какой он. У вас и такого нет. И никогда не будет. Кому вы нужны со своим длинным языком!

Не ожидавшая от Насти подобной реакции, Никитична переменилась в лице, почувствовала себя оскорбленной, но что поделаешь? Помимо всего прочего, она считала Настю малокультурной, пререкалась с ней – значит, ронять собственное достоинство. И она промолчала. Именно так, казалось ей, должен поступать воспитанный человек.

Настя круто повернулась, но в эту секунду в дверях появился... Вадим. Никитична озабилась ехидной улыбкой:

– Проходи, проходи, вот она, тут.

– Что в дверях стоишь? Проходи, – слышался сзади голос директора. Вадим шагнул вперед, а вслед за ним вошел директор и, обращаясь к Насте, сказал:

– Настя, вы мне нужны. Зайдите ко мне в кабинет.

– Захар Матвеевич, можно я сначала домой сбегаю. Я этому парню должна десять рублей за уголь.

– Хорошо, хорошо, – согласился директор и ушел.

Выйдя из конторы вслед за Настей и остановившись возле своего самосвала, Вадим начал было заранее подготовленную речь:

– Я за тобой приехал...

– Замолчи, – сердито прикрикнула на него Настя, – глядя в сторону. – Сделай вид, как будто ты меня не знаешь, и быстро садись в кабину.

Губы у девушки дрожали, бедняжка чуть не плакала. Вадим, конечно, не мог знать причины ее перемены, ему стало не по себе. Улыбка на его сияющем лице сделалась грустной, а лицо потускнело.

– Чего смотришь? Поехали.

– Куда? – спросил «камазист» и не шелохнулся.

Настя от отчаяния вспылила:

– Вот балда, вы поглядите на него! Трогайся быстрее, ради Бога.

Кучерявый завел двигатель. Как только они подъехали к дому, Настя выпрыгнула из кабины; лицо ее побледнело от гнева, в глазах метался огонь.

– Идиот! Господи, неужели ты совсем не соображаешь, что делаешь? Как можно было додуматься приехать в контору? Это же уму непостижимо.

Вадим растерялся. Вид у него стал виноватым. Переступая с ноги на ногу, он провел рукой по лицу.

– Ну, хорошо, – произнес он с горечью. Потом сразу запнулся и вопрошающе посмотрел на Насте в глаза.

– Тебе надо лечиться, точно лечиться надо, я советую, потому что ты ненормальный, – пренебрежительно и насмешливо процедила девушка. – Ты зачем приехал?

Пошатнувшись, словно от усталости, парень вдруг заговорил с неожиданной горячностью:

– Настя, успокойся. Я приехал за тобой. Пойдем в дом, соберем твои вещи и уедем.

– Бред! Откуда ты взял, что я с тобой поеду. Ни в коем случае. Я видеть тебя не хочу. Уезжай отсюда и не вздумай еще когда-нибудь показаться мне на глаза.

– Ты пойми, ты пойми, Настя, у меня ведь это серьезно, слишком серьезно, чтобы так сразу...

– У тебя это серьезно, а у меня шуточки, да!? Ты хоть соображаешь своими мозгами, что натворил? Как мне теперь ходить по хутору? Что теперь со мной будет?

– Ну, ладно, подожди, – заговорил Вадим потерянным голосом. – Вечером я приеду, потолкую с твоим мужем. Я расскажу, что ты его не любишь, что ты любишь меня, и увезу тебя. И все будет хорошо.

Настя просто физически чувствовала, как волны негодования прокатываются по всему ее телу.

– О, Господи! Сколько я еще могу терпеть? Нет, я этого не выдержу. Уезжай! Или я непонятно говорю?

Вадим, в конце концов уехал, но Настя никак не могла успокоиться. Она не представляла себе, что будет, когда Семен возвратится с работы. Прослышав про этот номер, он прибьет ее. Она вошла во двор, обдумала все, что скажет ему, и, словно освободившись от тягостного груза, расправила плечи, вздохнула, развернулась и быстро пошла в контору.

* * *

Не первый год Семен трудился на ферме скотником и гордился своей работой, считая ее престижной, по-настоящему мужской. По его убеждению, все люди должны заниматься полезным делом: кормить скотину, строить дома, пахать землю, выращивать виноград, а писать бумажки в конторе и болтать языком, как их бригадир Анатолий Алексеевич или парторг Иван Ильич Козлов, – совершенно ни к чему. Таких дармоедов в хуторе много, человек двадцать, к ним Семен относил и свою Настю. Дважды в месяц, открыв в своей конуре маленькое зарешеченное окошечко, возле которого скапливается народ, она раздает получку. А на работу ходит ежедневно. Чего она сидит там с утра до вечера? Непонятно.

В других кабинетах вообще только сплетничают да бумажки с места на место переключают. И ни единая душа палец о палец не ударит. В совхозе же всегда дел невпроворот. Вот и парторг Козлов, придет со своим шофером Федькой и чешет языком про какую-то политику, подбадривает всех, пока не надоест. И его, Семена, постоянно уговаривает в партию записаться. Мол, ты заботливый и работающий, достойный кандидат в члены КПСС. Только дерку ворует. Но ничего, пиши заявление, говорит, примем в партию, твое сознание повысим. Как будто коммунисты не воруют. По мнению Семена, они от беспартийных ничем не отличаются. Двоих доярок парторг все-таки сагитировал. Ну и что? Как брали они после утренней дойки по три литра молока, так и берут. И бригадир тоже член партии, а дерку ни по ведру таскает, как он сам, а мешками возит на лошади. Целыми днями дурака валяет, ходит по коровнику, разглядывая доярок, пригорюнится, как будто думает чего-то, а сам – только бы корм спереть.

Вел Семен под уздцы лошадь Голубку к телеге и так размышлял. Перед телегой он развернул лошадь. Голубка встала между оглоблями и послушно подставила голову.

Все синее делалось небо. Но еще было сумрачно, на бетонных электрических столбах изогнутые «кобры» испускали тусклый желтый свет, в буйно разросшейся амброзии прятались остатки ночного мрака. «Чем слоняться без дела, лучше бы эту поганую траву потихоньку вырубал, – мысленно трудоустраивал Семен своего бригадира. – Нет же, еще немного, и начнет меня заставлять, а мне и так некогда». Вокруг давно беленных известью и уже облупившихся коровников, у дороги, вблизи от громоздких деревянных ворот, все было завалено рухлядью: две поломанные тракторные тележки со спущенными колесами, ржавые исковерканные обрезки труб, худые ведра, почерневшие трухлявые доски, бревна, кучи мусора и битого кирпича – проехать стало негде.

Семен никак не мог смириться с этим бардаком, он бы и сам навел порядок, но еле-еле успевает справляться со своей работой; за день так надергает руки вилами, что к вечеру сил не остается. На месте директора, размышлял Семен, он бы мигом положил конец разгильдяйству. Перегибать палку незачем, выгонять всех из конторы не стал бы, человека три-четыре оставил бы, но остальные у него попотели бы, чтоб знали, как достается кусок хлеба.

Когда бы ни приходилось Семену бывать в конторе, всегда, во всех кабинетах только и знают, что чай распивать. Целыми днями задницы не поднимают – сидят, разговаривают о

своих делах. На работу ходят, как в гости: все хорошо одетые, никто никуда не торопится, а в обеденные перерывы целые пиры устраивают.

В особенности ненавидел Семен главбуха Алевтину Петровну. Дремлет в своем кожаном черном кресле, вся жиром оплыла, не до чего ей нет никакого дела, а все перед ней, как официантки, так и пляшут: «Алевтина Петровна, я вчера торт испекла, попробуйте; вам кофе со сливками или цейлонского чаю заварить, с печеньем?» Она рассядется, как писаная торба, и трескает все подряд. Еще и возмущается, отстаньте, говорит, на диету сажусь, домой теперь буду пешком ходить, а то скоро совсем растолстею, как жена директора. Сама же давно толще ее стала. Размышлял Семен и ужасно распалялся, рисуя себе возможные картины своего директорства – нечего им рассиживаться, тятки в руки и – в поле, подходящей работы всем найдется. Он даже вслух выругался матом. Каждый год во время уборки директор всех до одной, кроме Алевтины Петровны, на целых две недели выпроваживает из конторы на виноградники, и ничего не случается, – значит, можно без их бумажек обойтись. Пусть работают, а не сплетни обсуждают.

Подъехав к стогу сена, Семен заметил, что от бока его отхвачена целая копна, – значит, ночью бригадир опять побывал здесь. Конечно, у него дома корова и два бычка, их прокормить нелегко. «Завтра пораньше приду на работу, – решил Семен, – надо будет тоже привезти свиньям. Дерку я и так натаскаю, а сена в сумке много не унесешь». Комбикорм он брал на свиноферме у сторожа Жоры, в обмен на молоко, которое ему наливали доярки.

«Зря говорят про Жору, что он – «ни украсть, ни покараулить». Кому надо, Жора никогда не откажет. Конечно, рассуждал Семен, всем подряд раздавать добро ни к чему. Если пользы нет, какой ему смысл рисковать. Что он, совсем дурак, что ли? На его месте каждый так поступал бы». Уложив воз, Семен отдышался, взобрался на него, дернул вожжи и улегся поудобней. Лошадь пошла легким ходом, она настолько усвоила свои обязанности, что сама безошибочно направлялась туда, куда нужно.

При виде сена и Семена сонные коровы нехотя начали подниматься, так медленно, как будто делали ему одолжение. От влажных коровьих боков шел пар. Некоторые без всякой надобности мычали. Семен знал, какой корове дать больше сена, какой поменьше, и терпеть не мог, если бригадир, а тем более кто-то из доярок вмешивались в его дела. Никто никогда и не пробовал давать ему указания или делать какие-либо замечания; все, включая бригадира и даже зоотехника, боялись нарваться на его грубый мат. При этом Семен старался все делать добросовестно, как для себя, и очень был рад, если в хуторе распространялась молва, что он – золотой работник.

* * *

Семен давно привык все делать на совесть. Вставал в пять утра, одеваясь, топал по полу, будил Настю. Она, покормив его, укладывалась досыпать, а он приходил на ферму задолго до утренней дойки. Пока доярки собирались, коровы уже аппетитно жевали сено и, довольно помахивая хвостами, отпускали молоко.

И в это утро, когда прошли мимо доярки Зоя и коммунистка Галька Гринькова, Семен уже управился с работой и, поглаживая лошадь по шее, выбирал репы из ее буро-черной гривы. Переступив передними ногами, лошадь от удовольствия встряхнулась, по ее лопаткам пробежала крупная дрожь.

– Семен, здравствуй! – прокричали доярки одновременно и загадочно хихикнули, как если бы они только что про него говорили.

– Здорово! – не взглянув в их сторону, ответил он. Зоя немного приотстала и весело прокричала:

– Тпру, тпру, моя кобыла, тебе сена, или – в рыло?

Семен, довольный ее шуткой, расплылся в улыбке.

Через минуту появились еще две женщины. Все доярки имели почтенный возраст, одна Зоя была молодая и незамужняя. Ее равнодушное отношение к Семену не для кого секретом не являлось, поговаривали, что она и в доярки-то из-за него пошла. По этому поводу сначала над ней подшучивали, но Зоя свои симпатии не проявляла ни малейшим образом, вела себя скромно, и вскоре всякие разговоры прекратились.

Перед окончанием дойки Семен приступил к выгребанию навоза. Три доярки, между делом тихо переговариваясь между собой, постепенно сошлись в одном углу.

– Ты заметила, – говорила одна другой, – он ничего не знает.

– А чего же ты думала? – отвечала та ей в ответ. – Ничего удивительного: заграбастал такую девку и успокоился, думал, все теперь, взнуздal ее, как свою Голубку.

– Да, Настя девка славная, на нее многие заглядывались. Красавица, что и говорить.

Галька Гринькова закончила дойку последней, и ее, словно магнитом, подтянуло к собравшимся. Не зная, но, догадываясь, о чем речь, она сходу заявила:

– А я сразу сказала: бесстыжая она, вот и все. Порядочная баба первому встречному на шею не бросится. Больно уж вольная, избалованная. – Она тут же всплеснула руками и загоревалась, – Одного в голову не возьму, для какой цели бабы тягаются с чужими мужиками? Не понимаю...

– Да какая она баба? Ей, наверное, семнадцати еще нет. Молодая, – пройдет. Может быть, ничего и не было такого. У людей языки длинные, вот и чешут.

Широкоплечая Зоя, двигаясь резко и быстро, как на шарнирах, радостно блеснула глазами. Она не напрасно столько времени ждала и надеялась. Вот и настал ее звездный час.

– Я слыхала, – сказала она, – что этот «камазист» не только по ночам, днем подъезжает к их дому и зажимает ее прилюдно, прямо среди улицы. А вчера, говорят, его машина два часа простояла в лесополосе. Пока Семен горбится в коровнике, тот ее по кустам таскает.

– Это точно. Люди зря не скажут, – тараторила Галька Гринькова. Ее голос сошел до шепота: – Но если б только в этом было дело... Ходят слухи, она с ним еще до свадьбы тягалась. Чему тут удивляться? Нагуляла, видать, поэтому и заспешила Семеном прикрыться. Вот какая штука. Забоялась принести матери в подоле, а так бы век за него не вышла. Говорят, она с этим «камазистом» не с первым.

– Не знаю. Может, и не с первым.

– Но ведь ерунда это все. Не ври! Врешь и не краснеешь, не люблю, когда зря трындят, – оборвала ее другая женщина. – Сплетни все это.

– Подожди, не перебивай, – не успокаивалась Галька Гринькова. – Дыма без огня не бывает. Вот родит, посмотрим, на кого будет похож. Природу не обманешь, сразу станет понятно. Спроси вон у Зои, они вместе на улицу ходили.

– Не знаю, не знаю, – подхватила Зоя, – со свечкой в ногах не стояла. Она только на вид такая простая, а своего не упустит. Тоже мне, принцесса, не хватало еще мне следить. Больно много ей чести. Если уж говорить по-честному, она его не стоит, Семен мог бы и получше себе найти.

Сквозь монотонный гул механизированного доильного аппарата до Семена долетали неразборчивые обрывки слов, он усердно орудовал вилами и не прислушивался. Доярки, с некоторой усмешкой бросая на него взгляды, как на человека, достойного сожаления, продолжали делиться все новыми и новыми «подробностями» о Настином романе с «камазистом».

* * *

Приехал бригадир на дребезжащем мотоцикле с коляской, хмурый, помятый, и прямоком направился в коровник. Не поздоровавшись, прошел мимо Семена, не обронил ни слова

и с доярками: сдержанная злость, раздражительность чувствовались в нем. Немного постоял в раздумье, будто хотел что-то сказать, но только ногой отодвинул с прохода пустой поддонник и ушел. С замкнутым лицом остановившись возле ворот, сунул руку в карман, достал пачку «Примы» и застыл неподвижно. Долго, словно не мог избавиться от горечи и подавленности, он глядел поверх шиферной крыши облезлого корпуса свинарника. Даже не заметил сторожа Жору, который, зевая и потягиваясь спросонку, лениво брел вдоль свинарника к выгулу. Десятка два голубей, взмахнув крыльями и не нарушив утренней тишины, как птицы, спустились с крыши на клочки когда-то обретенного с воза сена. Тыкая гладкими головками воздух, они деловито заходили во всех направлениях, то и дело что-то склевывая с земли.

Продолжая держать в руке пачку сигарет, бригадир все стоял неподвижно, тоскливо глядя в сторону увлеченных утренней разминкой голубей, и размышлял о своей жене, которая вот уже который год беспробудно пила. Всеми силами хотел он отучить ее, каких только мер не предпринимал: и бил, и убеждал, и возил к ворожейке заговаривать – все бесполезно. «Хоть бы подохла, стерва, и чем быстрее, тем лучше», – думал он. Хватит уже и его, и детей позорить. В глубине сознания его возникло липкое и гнетущее: а не приложить ли к этому свою руку? Придушить бы ее тайно, где-нибудь в темноте.

Тут что-то заставило его повернуться – к нему напрямик по траве бежала его дочка, девятилетняя Машенька. Увидев ее, бригадир словно очнулся и быстрыми шагами пошел к ней навстречу. Девочка обливалась слезами и надрывно всхлипывала, он поднял ее на руки.

– Что случилось, доченька? – спросил осевшим голосом. Девочка, еще сильнее захлебываясь от плача, еле выговорила:

– Мамка умирает.

– Успокойся, успокойся, моя маленькая, не плачь, – прижав к груди ребенка и вытерев своей ладонью ее слезы, как можно нежней сказал бригадир. – Ты испугалась, да? Не надо бояться, не бойся, ничего не случится. Сейчас поедem к фельдшернице, она сделает укол, и все пройдет. Мама не умрет, не плачь, она просто пьяная.

Девочка не успокаивалась, прижавшись к отцу, продолжала плакать, все ее худенькое тело под тоненьким платьицем судорожно вздрагивало. Бригадиру стало страшно от мыслей, которые минуту назад крутились в его голове. «Может, я уже спятил, – подумал он, – нормальный человек не стал бы так далеко заходить; решать, кому стоит жить, а кому не стоит, не с моими мозгами».

Он снова вытер дочке слезы, покачал ее из стороны в сторону, как грудного ребенка, погладил своей шершавой ладонью по голове и несколько раз повторил:

– Не плачь, не плачь, ангелочек мой золотой, ты ведь знаешь, что она пьяная, проспится и оклемается.

Это очень знакомое «проспится и оклемается» действовало на девочку успокоительно, как заклинание, она втянула воздух, еще несколько раз всхлипнула и обессилено повисла на руках отца. Он оглянулся – не наблюдает ли за ним кто-нибудь, прижался лицом к ее голове: от волос исходил слабый запах детского пота, родного и привычного. Он подошел к мотоциклу, выкинул из коляски пыльные мешки, которые приготовил для дерки, усадил дочку на сиденье, поцеловал ее лобик и поехал к фельдшеру.

В стельку пьяная жена бригадира в грязном платье, с растрепанными волосами лежала на кровати и невнятно бормотала. Фельдшер, вежливая расторопная женщина, померив ей давление, вздохнула и недовольным голосом произнесла:

– Сто шестьдесят на девяносто.

– Что, опасно? – спросил бригадир.

– Ну, как сказать, – ответила фельдшер, делая укол, – для нее – норма, чего же еще ожидать-то? Спасибо, что сердце крепкое, у другого человека, наверное, уже и не выдержало бы.

Старшая дочь Даша стояла возле печи и смотрела на мать испуганными глазами.
– Она на полу лежала вся мокрая, посинела, я ее подняла на кровать.
Отец выслушал дочку, успокоил и велел собираться в школу, а сам уехал на ферму.

* * *

В половине пятого вечера животноводы собрались в красном уголке на политинформацию. Политинформации проводились на ферме каждую пятницу. Доярки расселись, как обычно, на первом ряду. Женщины со свинарника и сторож Жора – на заднем. Зоотехник, приехавший к этому моменту, и бригадир – на стульях в центре, а Семен присоседился к Жоре, возле двери. Большеголовый политинформатор Леонид Петрович Легезин, выжидавший за столом нужное время, отвел взгляд от окна.

– Накрапывает как будто.

Затем он сосредоточенно протер носовым платком очки, провел им по лысине, разложил перед собой бумажки и начал речь.

Женщины, имея тайну относительно Семена, с удовольствием перешептывались и время от времени хихикали. Строго сжав губы, политинформатор повернул голову в их сторону, посмотрел весьма внушительно, – как человек, которого отвлекают от очень важного дела. Все замолкли, и он отчетливо произнес:

– Труженики нашего района с большой энергией и настойчивостью творчески работают над претворением в жизнь решений двадцать шестого съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС. Они добились значительного роста производства сельскохозяйственной продукции полеводства и животноводства, повысили ее качество. – Он сделал паузу, оглядел притихших женщин. Они сидели смирно, как примерные ученики на уроке. Удовлетворившись обстановкой, политинформатор продолжил беседу твердым голосом, с особым выражением лица, с восторженным вниманием к собственным словам, торжественно проникаясь в собственные мысли: – Инспекция по закупкам и качеству сельхозпродуктов приняла от хозяйств района расчеты на выполнение годовых планов по производству мяса и молока. Они показывают, что текущий год должен завершиться успешно. Оптимизм вселяют цифры: план девяти месяцев по производству мяса район перевыполнил на 457 тонн... Но успех не должен стать поводом для ослабления усилий, ведь за два года одиннадцатой пятилетки район задолжал государству 652 тонны молока.

Уведомив животноводов, что им необходимо погасить задолженность, он объяснил, как этого добиться. Снова сделав паузу, во время которой придвинул поближе к глазам шпаргалку, стал информировать их об итогах социалистического соревнования. Сказал о том, что первенство в соцсоревновании прочно удерживает коллектив животноводов винсовхоза «Топилинский», возглавляемый бригадиром И.В.Борисовым, и назвал цифры. Перечислил занявших второе и третье места и тоже назвал цифры. Затем перечислил с десятков фамилий и инициалов доярок, свинок и птичников, которые уверенно лидируют, при этом осведомил, поскольку килограммов и при каких обязательствах каждая из них получила молока на фуражную корову, какие у них среднесуточные привесы мяса и какое количество яиц на курицу-несушку. Это выглядело так. «Первое место заняла Л.М. Писаненко из совхоза «Золотаревский», получившая на каждую фуражную корову по 3507 килограммов молока при годовом обязательстве 4050. Второе место – за ее подругой по ферме О.К. Краснюк, которая...»

Потом он завел речь о грустном, то есть о совхозах и тружениках, показатели которых «к сожалению» не радуют. Закончив с этим делом, он сменил интонацию и стал убеждать всех, что страна ждет от каждого работника самоотверженного труда:

– Приумножать все то, что достигнуто за годы советской власти, 66-летие которой мы недавно отметили, сделать родную родину еще богаче и прекрасней – в этом видят Коммуни-

стическая партия и весь советский народ свой высокий патриотический и интернациональный долг, – говорил он. – Необходимо развивать социалистическое соревнование под девизом:

«Каждой ферме – высокую эффективность и качество продукции»; прилагать максимум усилий, чтобы в третьем, сердцевином, году XI пятилетки, среди вашего коллектива не было ни одного отстающего работника. Следует направить все усилия и опыт на выполнение намеченных рубежей и внести тем самым достойный вклад в реализацию Продовольственной программы, выработанной майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС.

Животноводы слушали молча, и никто возражать ему не собирался. Все равно для неоспоримости своего суждения политинформатор сослался на авторитет:

– Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Юрий Владимирович Андропов, выступая на ноябрьском пленуме ЦК КПСС, сказал...

Как ни привыкай к раннему подъему, суточные циклические колебания интенсивности и характера биологических процессов не проведешь. Организм сопротивляется. Семен все ближе и ближе прислонялся к Жоре, голова его низко опустилась, и он задремал. До слуха его доносилось отдаленно, что труженики сельского хозяйства нашего района обратились ко всем животноводам области с предложением соревноваться за успешное проведение зимовки общественного животноводства в период 1983–1984 года. А обком КПСС принял постановление об обращении тружеников Семикаракорского района по развертыванию социалистического соревнования...

* * *

Почувствовав, что вот-вот может захрапеть, Семен встал, легонько приоткрыл дверь и вышмыгнул на улицу. Сладко потянувшись, он сходил в коровник, взял вилы и бросил кобыле сена. Покурил, вернулся в коровник и занялся делом. Поработав там, он вышел снова покурить и столкнулся с политинформатором. С чувством выполненного долга тот обходил скотный двор и осматривал его хозяйским глазом, таким, каким обычно смотрят на чужую вещь, оставленную без надзора. Семен с подозрением относился к этим повадкам политинформатора, ему все казалось, что тот хочет чего-то украсть. Политинформатор, с деланной обеспокоенностью покосившись на ржавые тракторные тележки, кивнул в их сторону головой и, пошевелив губами, посетовал:

– Это еще можно восстановить, если приложить руки.

Семен взглянул на него и ответил матом. Политинформатор замешкался. Будучи интеллигентным человеком, сам он матом не ругался в присутствии посторонних, считал это неприличным. Обматерить скотину или, допустим, свою жену, если она по-хорошему не понимает, – это дело другое. А выражаться при людях культурному человеку не подобает. В зависимости от обстоятельств он запрещал сквернословить и другим. Но, зная Семена, не посмел сделать ему замечание, поэтому, намерившись сгладить неловкую ситуацию, решил просто побеседовать с ним. И не о политике, а так, о чем вздумается. А вздумалось ему рассказать о том, как он в своем дворе отлавливает собак.

– Куда идем, куда катимся, – начал он. – До черта развелось этих собак, и никто их не отстреливает. Я на них петлю ставлю. Попадется, за веревку потяну через перекладину, она и душится. – При этих словах он добродушно ухмыльнулся, мол, ничего в этом сложного нет. – Тут же их и закапываю, другой раз отвожу в лесополосу. Они в огороде троп наделали! Шныряют и шныряют! Этот алкаш, Сашка Комов, тоже завел собаку. Самому жрать нечего и ее не кормит. Она у него такая: бегаёт перед моим двором, лает и на дочку, и на жену, и на меня. А это забежала во двор и курицу разодрала. Я ее поймал, задушил и говорю ему: вот – твоя собака, вот – перья. Неделю назад соседскую собаку задушил, Верки Мешковой. Через

два дня пошел к ней подстригаться, рассказал ей. Она говорит: «Это наша собака, а я смотрю, пропала, нету и нету». Ну, прости, говорю, ночью не видно, чья она.

Семену не понравилась эта история, он обозлился и для успокоения нервов снова выругался матом. По всему было видно, такая невоспитанность собеседника грызла и мучила политинформатора, но он больше не стал пытаться наладить с ним теплые отношения. Постоял еще минутку, пощипывая пальцами зализанные углы кожаной папки, тяжело вздохнул и, заложив руки за спину, поплелся к дороге. А Семен со спокойной душой занялся своим делом.

* * *

После вечерней дойки уставшие доярки вышли из коровника и сгрудились у ворот. Тут же, прижавшись спиной к стене коровника, сидел на корточках Семен. Он курил, держа сигарету большим и указательным пальцами. Бригадир, закончив писать бумажки, направился к мотоциклу, но остановился возле Семена и тоже стал закуривать. Семен посмотрел на бригадира снизу вверх, затащил сигаретой и спросил:

– Что-то ты нонче, в рот пароход, больно угрюмый? Похоже, твоя, мать ее боком, опять в запой ушла.

– Ушла, – еще более помрачнев и сплюнув в сторону, не сразу подтвердил бригадир и замкнулся.

Семен тоже замолчал и стал размышлять. Потом, поплевав на окурочек и сунув его под подошву сапога, обвел медленным взглядом доярок, тяжело встал, и, разминая ноги, потоптался на месте.

– Больно уж мягкотелый ты, вот что скажу, – заговорил он, приправляя каждое слово отборным матом. – По кумполу ей, для профилактики, чтоб это... знала. Не моя она жена, я бы ее, курву, наизнанку вывернул, уж я знаю, как бабу на место поставить. Вот свою я это... с первых дней взял в оборот и каждый день дрессирую. Она у меня пикнуть не смеет. Бабам нельзя давать волю, понял?

Бригадиру от назидания Семена сделалось не по себе, он напряженно сдерживал раздражение, и все же взорвался:

– Какое твое дело? Учить меня вздумал? Знай свои вилы и сопы в две дырки. Иль работать надоело? Учитель нашелся. Сопли сначала подотри, да от своей проститутки кобелей почаще отгоняй.

Можно представить, какое впечатление произвела на Семена эта новость. Побагровев и сотрясая кулаками, он взревел:

– От какой проститутки? Это кто проститутка? Моя жена проститутка? Да я тебе бошку за это разобью!

Он сделал шаг к бригадиру, а тот даже не дрогнул.

– Ты у баб вот спроси, а мне по хрену, кто твою Настеньку по кустам таскает.

– Что ты распылился, руками-то размахался, иль в тюрьму захотел? – вступилась за бригадира пожилая доярка. – Он что, неправду, что ли, говорит?

– Это вы сплетни распускаете? – грозно повернулся Семен к дояркам.

– Да что ж там распускать сплетни, коли весь хутор знает, что она с «камазистом» спуталась, – испуганно произнесла Галька Гринькова.

– Кто сказал? Кто сказал это?

– Все говорят, один ты как слепой, не видишь. А мы тут ни при чем.

– Убью-ю! – не своим голосом закричал обезумевший от услышанного Семен, разразился несусветным матом и, столкнув с ног Гальку Гринькову, бросился бежать по направлению к хутору.

Взрыв душевного потрясения, поразивший его, был столь велик, что он не помнил, как пробежал больше полкилометра и оказался возле своего дома.

– Подстилка! Распушу! Изничтожу! – врываясь во двор, во все горло орал рассвирепевший Семен.

Настя в это время чистила картошку, руки ее дрожали. Страшные мысли не покидали ее весь день, они вновь и вновь одолевали ее, и теперь она с ужасом ожидала Семена, зная, что не будет ей прощения. Предчувствуя неминуемую беду, она не просто боялась, у нее зуб на зуб не попадал от страха, и ох как горько она теперь сожалела о том, что познакомилась с Кучерявым, как хотела, чтоб это был всего лишь нелепый сон. Правда, в глубине души у нее еще оставалась слабая надежда как-нибудь выкрутиться из этой ситуации. Но кроме того, что уже произошло, она боялась еще другого: свихнувшийся Кучерявый мог не уговориться и приехать вновь. Представив это и весь последующий ужас, Настя, сжалась в комок, и то, чего еще не было, она вообразила ясно, как свершившееся.

Пытаясь избавиться от этого кошмара, она старалась думать о чем-то другом, но не могла. В глазах ее появились слезы. Посмотрела на скамейку, на ведро с водой, из которого торчала ручка пластмассового ковшика. Семен, проходя мимо, непременно зачерпывал этим ковшом воду и пил. Какие бы обидные слова он ни говорил Насте, как бы ни матерился по поводу и без повода, она всегда могла отстоять свое достоинство и правоту или хотя бы почувствовать это внутри себя. А что же теперь? Если бы только она могла сейчас вернуть всю ту жизнь обратно...

На улице послышались неистовые крики. Мгновенно сообразив, в чем дело и быстро сориентировавшись, Настя как держала в руке нож, так с ним и выскочила в коридор, едва успев перед самым носом Семена захлопнуть дверь и накинуть крючок. Всего какая-то секунда, а может быть, доли секунды спасли ее жизнь. Не успей она запереть дверь, Семен в порыве гнева не только убил бы ее, разорвал бы на части. И вот он схватился за дверную ручку и со всей силой дернул. Ручка вырвалась вместе с шурупами. Он со злостью отбросил ее и начал бить по двери ногами.

Дверь, скалою вставшая перед ним, трещала, но не поддавалась. Тогда Семен схватил валявшийся во дворе тяжелый обломок ракушечника и обрушил на дверь его. В одной доске появилась трещина. Он продолжил молотить дверь ногами. Настя слышала этот грохот, его крики и не знала куда деваться. Судорожно мечась по дому, она забежала в зал, потом в спальню и прижалась в угол, как будто так можно было спрятаться. Потом сообразила, что можно выпрыгнуть в окно. Подбежала к нему и тут увидела подъезжающий грузовик. Сердце Насти заныло.

Увидел грузовик и Семен. Из кабины по-молодецки выскочил Вадим и направился к дому. Услышав крик, он остановился. В это время Семен схватил вилы, стоявшие возле свинушника, и, набычившись, направился к калитке, с кровожадным злорадством выдавливая сквозь зубы:

– Сейчас я твои кишки выпущу!

Завидев такого крестьянина-бунтаря, Вадим опешил, но в следующее мгновение его как ветром сдуло. Он мухой влетел в кабину и завел двигатель. Семен тем временем подбежал к кабине и со всего маху ударил вилами по ветровому стеклу. Стекло рассыпалось сверкающим бисером. Семен рванул к другой стороне машины, но в этот момент самосвал устремился вперед. Семен едва успел отскочить от колес, побежал за машиной и запустил вилы ей вдогонку.

От злобы и неудачного нападения ему стало трудно дышать. Тяжелое лицо побагровело. Снова разбивая входную дверь, он становился все яростнее, кричал все громче. Вся улица сотрясалась от его грозного пронзительного голоса, переходящего в рычащий хрип.

Тем временем Настя распахнула окно и ласточкой – на волю. Выбросив кухонный нож, который она до сих пор держала в руке, с кошачьей ловкостью перескочила через штакетник и пустилась бегом.

Семен продолжал молотить дверь с ужасной ненавистью, а потом схватил кусок ракушечника и снова запустил им в несокрушимое препятствие. Ракушечник угодил пониже трещины, отскочил и упал возле приступок.

Дверь устояла.

В ту же секунду Семен очутился возле окон и уже был уверен в своей победе. Но в этот момент сзади его кто-то окликнул. Семен резко оглянулся и увидел соседа Митьку Дятлова. Тот нетвердой походкой закоренелого пьяницы приближался к нему и задумчиво вещал:

– Опоздал ты малость. Выпорхнула, твоя пташка и ножик вон бросила. Не то зарезать тебя хотела? Ёклмн. – По его опухшему лицу проползла ироническая ухмылка: – Вот, ёклмн, было смешно, как она шуганулась.

Семен словно остоленел. А потом решительно двинулся навстречу Дятлову.

– Тебе смешно? Ты смеешься надо мной?

И с этими словами, как черный коршун, накинулся он на Митьку. Митька тоже молодой, силой не обделен, но у пьяного не та реакция, что у трезвого человека. Не успевал он отскакивать от мощных кулаков Семена. И забил бы Семен соседа до смерти, если бы тот не словчился выскользнуть. Семен кинулся ему на перехват, но Митька, как спринтер, рванулся вдоль заборов и скрылся в проулке. Так хотел жить. Поняв, что дальнейшее преследование нецелесообразно, Семен повернулся и побежал к дому.

Пока он с отчаянием вторгался в свой дом, по хутору, в котором все только и судачили о Настиных проказах, пронесся слух, что Семен уже застукал ее с любовником. Откуда ни возьмись, на улице собрались любопытные. Не обращая ни на кого внимания, Семен принялся с душераздирающим воплем кулаками разбивать окна. Стекла разлетались со звоном, а из обеих рук его хлестала кровь. Но он все бил и бил. Перепуганная толпа зароптала, однако подойти и остановить его никто не решался. И только тогда, когда, ослабев от потери крови, Семен выбился из сил и упал, люди подбежали к нему, стали оказывать первую медицинскую помощь. Он лежал смертельно побледневший, а дыхание его было частое. Потом он вздохнул полной грудью, выдохнул медленно и затих. Кто-то положил руку ему на сердце, прислушался и сказал:

– Работает.

Глава V

Вещий сон

Был прохладный, ясный ноябрьский вечер. Настя шла с работы, уткнувшись глазами в дорогу, чтобы спастись от неприятных воспоминаний при виде своего дома. Но, проходя мимо него, все-таки повернула голову и мельком взглянула на разбитые окна.

Теперь она жила у родителей. Тихо открыв дверь, девушка прошла в свою комнату. Из кухни доносился голос отца, он что-то рассказывал матери. Не желая попасться ему на глаза, Настя не торопилась на кухню, хотя хотела есть. Отец обычно в это время работал во дворе: строгал рубанком доски на верстаке, пилил, стучал молотком, а в один из дней приглашал дочку полюбоваться своим изделием. Изготавливал он все, что можно сделать из дерева: оконные рамы, книжные шкафы, табуретки. Все, что заказывали люди. Но чаще всего приходилось ему делать столы и скамейки, которые заказывали для похорон или свадеб. Бруски и доски для этого он украдкой привозил из совхозной столярки, в которой работал. А теперь в вечернее время во дворе он даже не включал электричество, часами сидел на кухне: разговаривал с матерью, пока она возилась с кастрюлями, либо читал газеты. Настя заметила, как быстро отец начал стареть: прежде спокойный и уравновешенный, но при этом очень подвижный, теперь он стал раздражительным и медлительным, даже ростом как будто сделался меньше.

Настя прислушалась. Родительский разговор велся неспешно, в мягкой домашней манере. Мать терпеливо помалкивала, отвечала неопределенно.

– Присела бы, – сказал отец, – целый день на ногах.

– Вот уж тарелки домою, – ответила мать. – Сядешь, потом ничего делать не хочется.

Отец зашелестел газетой.

– Вот – состоялась двадцать пятая районная конференция. Тут печатают доклад первого секретаря райкома. Знаешь его?

– Ты как скажешь. Что уж я, совсем что ли? Знаю, конечно.

– Я сроду не читал эти доклады, а это все равно силы нет, без дела сижу, дай-ка, думаю, почитаю. Оказывается, наш район наградили переходящим Красным знаменем за успехи в животноводстве и еще одним знаменем по итогам работы за девять месяцев этого года. И за какие же результаты, ты думаешь? Тут полгазеты он хвалится, а потом, послушай вот.

И отец начал читать:

«Вместе с тем год назад создано агропромышленное объединение, однако в большинстве звеньев не чувствуется коллективной ответственности. Урожайность кукурузы низкая, всего 34 центнера с гектара. В совхозе «Зеленая Горка» и того меньше – 23 центнера».

– Это – на орошаемых полях. Ты представляешь? В районе больше половины пашни орошается. Представляешь, какие затраты? А урожая нет. Тут не пишется, какую урожайность кукурузы получает Горожаева, но я слышал, где-то за семьдесят центнеров. Значит, во всех совхозах такая урожайность должна быть, земля-то почти везде одинаковая. Как-то не понятно мне, за что же наш район наградили знаменем? И если у нас, героев, такие дела, что же творится в других, в отстающих районах? – Мать позвякивала тарелками и ничего не отвечала. – С овощами вообще кошмар. Вот он перечисляет совхозы, в которых вырастили богатый урожай. А потом говорит, послушай: «Научившись выращивать высокие урожаи овощей и плодов, мы несем их большие потери из-за недостатка техники, срывов в работе перерабатывающей промышленности в напряженный период уборки огородной продукции, зачастую из-за неорганизованности проведения работ на сборе овощей и плодов». Ты представляешь? Ежегодно перепахивают целые поля с несобранными помидорами, больно смотреть. Стоит поле все красное,

как на картинке, и по нему – трактор с плугом. А весной, зная, что все равно не соберут урожай, опять засевают столько же или еще больше.

Уму непостижимо. Первый секретарь вроде бы не дурак, голову надо иметь для такой работы. Он у нас на партсобрании прошлый раз выступал: язык подвешен о-го-го. Должен ведь понимать, что глупо так делать. Ведь все планы от него исходят, директора совхозов не по своей воле засевают такие площади. В райкоме партии думают, наверно, должны соображать, что и как лучше сделать. Для чего же проводят всякие заседания, пленумы, конференции?

– Да они этими пленумами скоро в гроб вгонят, – поддержала разговор мать.

– Одна болтовня, а толку никакого. Думаешь, там о твоих помидорах кто-то думает? Для них главное не забывать о себе. Они там неплохо пристроились: и зарплата, и квартиры, и бесплатные путевки в санатории. А мы – сами по себе. Как хочешь, так и живи.

Настя посмотрела в окно. Безлюдный хутор погружался в темноту.

Ощущалось отдаленное дыхание зимы. Светил яркий месяц. Верхушки деревьев на фоне чистого звездного неба торчали черными скелетами.

Высоко меж звезд перемещалась и мерцала светлая точка – в ночном небе летел самолет. Настя наблюдала за ним и думала: «Как обманчиво восприятие мира. Вот виднеется малюсенький светлячок, а на самом деле – это ревущая турбинами махина, внутри которой полно людей. Обманчиво все вокруг и все не такое, как кажется. Даже я сама не такая, как думаю о себе.

И все люди другие – никто не знает, кто они в действительности. Люди и не могут знать истины, потому что она, как это небо, эти звезды и весь этот непостижимый мир, не имеет ни начала, ни конца. И никому не известно, что правдиво, а что ложно. Вот Семен считает, что я ему изменила. Правда это или неправда? Я считаю, нет. Но ведь то, что я совершила, возможно, это уже и есть измена? А могла бы я перешагнуть запретную черту? Сама себе могу признаться, что тогда могла бы, а сейчас – нет. Выходит, человек каждый раз разный, так как мысли и чувства его постоянно меняются. Так какая же я в действительности, такая, которая могла бы изменить, или которая не могла бы? Как нелепо все получилось, и ничего уже не исправишь».

Она обратилась к детству – попыталась вспомнить, допускала ли и тогда ошибки? Но ничего, кроме безобидных шалостей вспомнить не могла. Та ее жизнь разительно отличалась от всего, что было теперь. На ее губах появилась невольная улыбка: о каких проступках и неверных решениях можно думать, если в детстве за нее все решали отец и мать. Тогда она этого не замечала, считала себя свободной и самостоятельной, а по существу жизнь проходила под диктовку.

* * *

Настя обвела взглядом свою комнату. Прежде на школьном столе всегда лежала стопка учебников, тетрадей и стояла ее магнитола «Sharp», сейчас на нем было пусто. У стены узкая односпальная кровать, при входе – шифоньер с аппликацией из соломки на дверках. Стол и кровать фабричные, а шифоньер отец сделал своими руками. Над столом к обоям приклеена большая черно-белая фотография, вырванная из какого-то журнала. С нее пронизательно и твердо взирает Владимир Высоцкий. Рядом тикают старинные часы с кукушкой. Настя с удовлетворением подумала, как хорошо, что может сейчас побыть наедине с собой, и никто не нарушает ее спокойствия. «Да, я жила под диктовку, и все шло прекрасно, – продолжала размышлять она. – Но первый мой самостоятельный шаг оказался глупостью».

Когда родители своим деликатным и доверительным тоном убеждали, что еще рано выходить замуж, казалось: они ничего в жизни не понимают; не знают, что такое любовь. Каждое их слово, высказанное вопреки ее желанию, против Семена, она считала оскорбительным. Тогда

неведомая сила тянула ее к Семену, чувства покорили ее волю, подчинили разум. Она, словно слепая, кроме него не видела ничего вокруг.

Девушка вся ушла в воспоминания, почувствовав себя потерянной, заблудившейся. И вдруг с удивлением подумала, что осуждающие ее за измену мужу разговоры, преследующие первое время повсюду, не так и страшны. Вадим больше не приезжал, поэтому в народе начали возникать разногласия, сомнения в правдоподобности того, что ей приписывали. Некоторые даже жалели ее, своим отношением выражали откровенное сочувствие по поводу оговоров и напраслины. Судя по тому, что Семен приостыл и больше не предпринимал никаких мер для расправы с ней, вероятно, такие разговоры дошли и до него. Долгое время ходил он с перебинтованными руками, бледный и подавленный. Встречи с Настей не искал, не пришел к ней даже тогда, когда узнал, что она подала заявление на развод.

Неизменной оставалась только позиция отца. Утром, на второй день после Настиного бегства от Семена, когда она собиралась на работу, он спросил ее:

– Ну, нажилась замужем? Теперь ты, по крайней мере, понимаешь, какую глупость сотворила? А когда мы с матерью отговаривали тебя, не послушалась? Так вот, как тогда я сказал, так и сейчас говорю: вышла замуж

– живи. Значит, собирайся и иди к себе домой, позорить нас нечего.

Не называл он ее больше Настенькой, никак не называл: что-то перевернулось в нем. Ну, просто как подменили его. Совсем другим стал. Настя попыталась, как в детстве, прильнуть к нему котеночком.

– Папулечка, ты у меня самый хороший, самый добрый, – приговаривала она, присев к нему на колени и поглаживая своей рукой его по плечу. – Не прогоняй меня, пожалуйста, я теперь всегда буду слушаться тебя.

Ни в какую: уходи и все тут. Насте некуда было идти, и она не уходила из родительского дома, но предпочитала быть незаметной, реже попадаться отцу на глаза, потому что при виде нее он сразу становился хмурым.

Мать плакала, упрашивала его:

– Что ты взъелся на нее, из родного дома гонишь? Ведь она дочь твоя, не чужая.

Отец оставался непреклонным. Тогда она стала просить его хотя бы застеклить окна.

– Ты сам подумай, как она будет жить с разбитыми окошками? – говорила она.

– Ты меня на посмешище не выставляй, – отвечал отец. – Этот придурок перемолотил стекла, а я теперь должен у всех на виду стеклить, насмешки выслушивать?

Так и стоял Настин дом с зияющими дырами в рамах, как после погрома. Не подходил к нему и Семен. Да он и не мог ничего сделать своими искалеченными руками.

Вскоре поползли промеж людей новые слухи, вроде бы Семен переметнулся к Зое. Настя своими ушами слышала, как возле конторы одна женщина говорила:

– Семен-то к Зойке навещается.

– А что? Дело молодое, – отвечал ей какой-то мужчина. – Не будет же он один жить, без бабы.

Как будто специально для Насти это было сказано.

И действительно, вскоре Семен сошелся с Зоей, она быстренько прибрала его к рукам. Немного пожили они у его родителей, а потом уехали в хутор Сусат. Там умерла Зоина тетка. У нее был один-единственный сын, но он лет десять тому назад разбился на мотоцикле, а других наследников не сыскалось. Вот дом и достался Зое.

* * *

Пришла повестка в суд, Настю с Семеном развели. Казалось, она ждала этого события больше всего, в то же время опасалась, что Семен сведет счеты с ней – «пришибет где-нибудь».

В тот вечер впервые за долгое время она заснула легко. А среди ночи увидела страшный сон и очнулась в слезах. Сложное чувство растревожило ее: тут был и сам по себе сон, и всплывшее после пробуждения воспоминание, с ним связанное. Боясь открыть глаза, она вытерла о подушку слезы, сжалась вся и лежала неподвижно.

В этом сне Настя шла босиком то ли по песку, то ли по рыхлой земле, долго блуждала в темноте, как будто скрывалась от кого-то. Вдруг очутилась в густом лесу, ее лицо и руки царапали ветки. Она наклонялась под ними, спотыкалась о торчащие из земли корни деревьев и раз за разом падала. В полумраке она различала бледные силуэты, которые, словно живые тени, плясали по стволам деревьев, и вдруг разглядела Семена. Он, то и дело оглядываясь по сторонам, пробирался сквозь густые заросли кустарника и что-то кричал. Настя остановилась и прислушалась, но разобрать слов не смогла. Все это происходило как будто на знакомой местности, между деревьев и глубоких рвов, наполненных грязной водой. Впереди – топкие болота. И вдруг прямо на глазах болота превращаются в красивый луг. Ветра нет, а плотная масса травы волнуется, как светло-зеленая вода, и невидимым потоком стекается в глубокую канаву.

– Теперь сюда приходи на любовные свидания, – говорит ей, наклоняясь, Семен, а сам опускается по воздуху на дно этой канавы и, продолжая наклоняться, исчезает на дне ее. Насте не хватает воли спуститься туда. Она смотрит в яму, из нее пахнет тиной и смрадом. Этот запах, словно туман, поднимается вверх и заполняет весь воздух вокруг.

– Я не могу приходить к тебе на свидания Настя.

– Не можешь? – переспрашивает он, и плавно поднимается.

Тут они оказались среди деревьев. Проталкиваясь меж ними, прижались друг к другу, и нечаянно обнялись. Семен сильно сжал ей кончики пальцев. Это пожатие как будто означало, что она должна раздеваться.

– Все женщины должны раздеваться, когда им пожимают пальцы, – сказал он.

– Это в порядке вещей, – ответила Настя, снимая платье. И взглянула на Семена. Но, оказалось, это не он, а Вадим. И вдруг Вадим оказался в тесной и душной комнате, похожей на шалаш, и, приготовившись схватить ее, протянул длинную руку. Настя не могла вспомнить, как это происходило, но во сне знала, что он может быть и рядом с ней, и в той комнате одновременно. Она отодвигалась от руки все дальше и дальше. И вдруг почувствовала глубокую, незнакомую доселе нежность к нему. Ей захотелось, чтобы они были мужем и женой и жили вместе в этом лесу. И вот они идут по лесу, как по улице, не таясь, без страха.

– Смотри, какие деревья в нашем хуторе, – говорит Настя, – все тоненькие. Это молодая поросль, после вырубki. Я уже здесь была.

Она прислонилась к дереву, а Вадим стоял на краю обрыва и не шевелился. Настя стояла голая и улыбалась с иронией, как будто недоумевая, почему он мешкает. А потом подняла перед собой руки и стала манить его к себе пальчиками.

– Подходи поближе, подходи! Смотри, какие карие у меня глаза.

– Знаю, знаю, не до глаз мне сейчас. Женщине надо ложиться первой.

– Разве? Какое это имеет значение?

Он лег и потянул ее на землю. Она покорилась ему. Вдруг золотистыми пучками полились косые лучи солнца, и стало светло и уютно, как в летний вечер. Настя лежала на упругой траве, а парень целовал ее губы. Но Настя ничего не чувствовала, только думала: этого не может быть. И тут, увидев, как через луг, высоко поднимая ноги, к ним идёт человек в рыцарских доспехах, она засуетилась и сказала:

– Давай укроемся.

– Не бойся, ему еще долго идти, сто двадцать шесть шагов, – успокоил ее Вадим. – А когда он меня увидит, повернется назад.

– Как тебя зовут, милый? – спросила она, ощутив на себе тяжесть его беспокойного тела.

– Какой глупый вопрос. Меня зовут Семеном. А как тебя зовут, я знаю.

– Откуда ты знаешь?

– Я все про тебя знаю.

Настя взглянула ему в лицо и испугалась. Это был действительно Семен. Тогда он встал и жутко захохотал.

– Вот я тебя и заманил, теперь ты никуда от меня не денешься. Видишь, какие тут ямы: глубокие, с водичкой.

Настя хотела подняться и убежать, но не смогла, ноги ее сделались ватными. А Семен вдруг весь почернел и стал косматым, как горилла.

– Сейчас я тебя толкну в яму, с крутого бережка, но сначала это... придушу, – с довольной усмешкой произнес он и прижал Настю к себе. Она, перестав дышать, поняла, что умирает, и из глаз ее покатились слезы. Семен же, словно питон, сдавливал ее грудь все сильнее и сильнее. Потом начал считать: раз, два, три. На счет три поднял ее перед собой и бросил в черную глубокую яму. Настя вскрикнула от страха и в тот же миг проснулась.

Пережив все заново и поняв, что это был всего лишь сон, девушка понемногу успокоилась, повернулась лицом к стене и еще долго не могла заснуть. В голове, как на экране, всплывали навязчивые картины из ее короткой супружеской жизни, прерываемые моментами встреч с «камазистом» и нестройными образами сновидения, навеянного этими событиями. Пугающие сцены из него понемногу угасали, расплывались, но в мыслях все настойчивей блуждало число – 126. Оно не давало покоя: «Почему именно сто двадцать шесть? Что бы это могло означать?» – думала она.

* * *

Дни проходили за днями. Настя ничем не выдавала своего отчаяния, но как-то вся переменилась. По утрам она неслышно уходила на работу, а вечерами помогала матери: стряпала, стирала, прибиралась – только очень медленно, без единого лишнего движения; она как бы потеряла силу. Иногда она оживлялась и становилась разговорчивой, а иногда сидела на кровати, почти не шевелясь, держала в руках книгу, с безразличным видом читая ее. Или подходила к матери, обнимала ее, не произнося ни слова. Мать не сводила с нее тревожных глаз, с пониманием относилась к такому состоянию дочери и с готовностью разделяла ее переживания, говоря, что от ошибок никто не застрахован. Она удерживала себя, не лезла в душу, и Настя была благодарна матери за это. А отец по-прежнему не хотел видеть дочь в своем доме, и каждый раз спрашивал, скоро ли она уйдет.

Однажды Настя с матерью беседовали вдвоем в ее комнате. Мать сказала:

– Я все обдумала. Схожу к свахе и предложу ей выкупить Семенову долю дома. По-моему, она не будет против, потому что Семену этот дом теперь не нужен. Зоя не просто так увезла его от тебя подальше. Назад они вряд ли вернутся.

Не зная, как отнесется к этому Настя, сказала она это очень осторожно, как бы советуясь. У Насти защемило в груди. Почувствовав себя отрезанным ломтем, который уже не прилепишь, она задумалась, прижалась к матери и обняла ее. Прошла минута, другая, а она все сидела, не произнося ни слова. Наконец вздохнула и сказала:

– А что же делать? Лишь бы свекровь согласилась. Думаю, согласится, она женщина добрая, любила меня.

На следующий день мать ходила к бывшей свахе. Разговаривали они с ней совсем недолго и сторговались. После этого отец все-таки застеклил окна. И Настя во второй раз покинула родительский дом.

Утром она затопила печку, и весь день наводила порядок. По окуркам, разбросанным по полу, определила, что какие-то мальчишки лазили в ее дом, но ничего не украли и не испорти-

тили. Свиней родители Семена угнали к себе, так что во дворе ей нечего было делать. Вечером она перенесла узлы и осталась ночевать одна. В доме воздух нагрелся, стало тепло, но как-то пусто.

Настя выключила свет, легла на кровать и натянула на себя одеяло. В темноте ей стало вдруг боязно, и она невольно прислушалась к какому-то шороху за окном. Вскоре шорох стих, слышалось только привычное жужжание и потрескивание печки. От усталости думать ни о чем не хотелось. Девушка перевернулась на бок и совсем уже засыпала. В это время на чердаке как будто что-то упало. Она открыла глаза и прислушалась – никаких звуков кроме потрескивания угольков больше не было. Она повернулась на другой бок и закрыла глаза, но заснуть уже не могла. В голову полезли бесконечные мысли. Попыталась «считать баранов», но и это не помогало. Тогда она встала, включила свет, взяла книгу Анри Барбюса и поудобней устроилась на кровати. Положив томик на сложенные колени, раскрыла его и прочитала заголовок «Нежность». «Какое хорошее слово, – подумала она, – это самое красивое слово», – и стала читать: «25 сентября 1893 г.

Мой дорогой, маленький мой Луи! Итак, все кончено. Мы больше никогда не увидимся. Помни это так же твердо, как и я. Ты не хотел разлуки, ты согласился бы на все, лишь бы нам быть вместе. Но мы должны расстаться, чтобы ты мог начать новую жизнь. Нелегко было сопротивляться и тебе, и самой себе, и нам обоим вместе... Но я не жалею, что сделала это, хотя ты так плакал, зарывшись в подушки нашей постели. Два раза ты подымал голову, смотрел на меня жалобным, молящим взглядом... Какое у тебя было пылающее и несчастное лицо! Вечером, в темноте, когда я уже не могла видеть твоих слез, я чувствовала их, они жгли мне руки...

Целую тебя в последний раз, целую нежно, нежно, совсем безгрешным, тихим поцелуем – ведь нас разделяет такое большое расстояние!..»

Настя положила на страницу руку и задумалась: «Прошло сто лет, за это время столько перемен произошло на земле и люди на земле уже другие, а письмо, «преодолев такое громадное расстояние во времени, преодолев Вечность», написано как будто только сегодня. Все меняется и исчезает: уходят под землю города, разрушаются горы, и только любовь остается. Она была сто лет назад, она будет и через тысячу лет и никогда не угаснет, как огонек, перескакивающий со сгоревшего стебелька на другой – молодой и пылкий».

По пояс раздетая, Настя сползла с подушки и, подложив ладонь под щеку, читала, лежа на боку. Веки её постепенно смыкались. Смысл прочитанного воспринимался смутно, строчки на страницах расплывались. В ногах и во всем теле появилась теплая тяжесть, и Настей овладел сон. Пальцы разжались – книга медленно сползла по одеялу.

* * *

Проснувшись она с чувством, что спала долго, но тут же задремала опять. Разбудил ее стук в дверь. Накинув торопливо халат, Настя вышла в коридор, спросила:

– Кто?

Услышав голос матери, откинула крючок и открыла дверь. Мать стояла на крыльце. На бледном лице ее выражалось сильное беспокойство.

– Настя, отцу плохо. Я позвонила в «скорую». Собирайся побыстрей и приходи.

Сказала, сразу же повернулась, оперлась рукой о стенку, спустилась с приступок и, не оглянувшись, ушла.

Отец еще в пятницу почувствовал тупую боль в животе. Более суток он не мог ничего есть. И все это время боль не проходила. Когда боль усиливалась, он говорил, что, наверное, надо вызывать «скорую». Когда боль отступала, он успокаивался и начинал прохаживаться по

двору, искать, чем бы заняться. А утром так скрутило, что он весь скорчился, непрерывно стонал и скрежетал зубами. От сильной боли у него даже открылась рвота.

Настя прибежала быстро. Отец лежал на кровати и стонал. Возле кровати стоял табурет для врача. И вся комната была прибрана к приезду «скорой помощи».

Настя присела на табурет и спросила:

– Тебе совсем плохо?

Отец не ответил, а только кивнул головой.

Подошла мать и заплакала. Настя хотела ее успокоить, но не нашлась что сказать. Она молча смотрела на отца, приготовившись к долгому ожиданию «скорой». Прошло с полчаса. Отец все стонал. Настя поправила подушку, на которой он лежал, и спросила:

– Может быть, лучше сбежать в контору, выпросить машину. Бог знает, когда эта «скорая» приедет.

– Должна приехать быстро, – ответила мать сквозь слезы. – Когда я звонила, мне сказали: ожидайте, сейчас приедем. Давай еще немного подождем.

– Тогда я сбегаю за фельдшерницей.

– Нет ее дома, я уже ходила к ней. В Семикаракорск уехала. В выходной и заболеть нельзя, никого не найдешь. А чего ты в контору побежишь? Она сегодня тоже закрыта.

Настя прислушалась и встала.

– Кажется, гудит.

И действительно, подъехала «скорая». Настя поспешила встретить доктора.

Женщина в белом халате вошла молча, села на табурет и только тогда, доставая что-то из чемоданчика, произнесла:

– Что болит?

– Живот, – ответил отец. – Аж дышать не могу.

– Третьи сутки мучается от боли, – добавила мать. Доктор долго надавливала пальцами на живот, спрашивая, где болит, потом пощупала пульс и встала.

– Одевайтесь, поедem в больницу.

– Можно, я с ним поеду? – спросила Настя. Доктор строго на нее поглядела и сказала:

– Приедете завтра. – Затем обратилась к отцу: – Сами дойдете? – И не дожидаясь ответа, указала: – Помогите больному.

Отца увезли. Глядя вслед машине, мать рыдала, уже не сдерживаясь.

– И что это с ним случилось?

Настя ее успокаивала:

– Перестань! Перестань! Может быть, у него просто аппендицит. Поправится он. Аппендицит тоже так болит. Нам надо было еще вчера позвонить в «скорую». Видишь, какая врачиха недовольная была.

* * *

За ночь мать немного успокоилась. Настя, зная, что она не при каких обстоятельствах не пропускает занятия в школе, уговорила ее идти на работу. В больницу поехала одна.

Дверь в палату была полуоткрытой. Настя все равно постучала и вошла. Отец лежал возле окна. Он спал. На других трех кроватях лежали пожилые мужчины. Они перестали разговаривать и с любопытством разглядывали девушку.

– Я к папе, – показав рукой на отца, сказала им Настя и подошла к его кровати. Отец, услышав голос дочери, открыл глаза и беспомощно приподнялся на локте. Губы у него задрожали. Настя наклонилась, поцеловала его в щеку.

– Я одна приехала. Маму уговорила идти на работу, а то расплачется здесь. Переживает она. – И улыбнувшись, спросила: – Тебе немного полегче?

– Да, стало лучше. Вчера целый день уколы делали. Сегодня утром еще два раза укололи. Боль поутихла.

– Слава Богу, – сказала Настя. Она подняла на колени сумку. – Вот я привезла тебе поесть. Тут немного сметаны, курочку мы для тебя зарезали...

Отец махнул рукой и перебил ее:

– Зря ты это, ничего не надо. Мне вообще запретили есть в течение суток: завтра надо зонд глотать. Тысячу анализов всяких приписали. – Он показал на тумбочку. – Вон, навалили целую гору таблеток. Дорогие, говорят. Хорошо, хоть бесплатно дают. Не знаю, куда их девать? – Он уперся руками в подушку, спустил ноги на пол и сел. – Мать пусть не расстраивается. Тут и врач, и медсестры от меня не отходят. Ничего страшного нет, вылечусь.

Отец был невысокого роста, сухощавый. Волосы его уже редели, и он зачесывал их набок. Брился он всегда аккуратно, сейчас же щеки заросли щетиной, и все равно лицо казалось приятным. «В молодости, наверное, считался красивым», – подумала Настя.

Он спросил, на чем она доехала, как назад будет добираться. В его голосе уже не было прежней отчужденности.

– Доберусь. Не будет автобуса, попутные посадят.

Она осмотрела палату. Все в ней казалось необычным. Беленные стены, затертый пол с большими трещинами между досок, кровати с железными спинками, белые занавески, плотно закрывающие окна. В проникающем сквозь них свете холодного декабрьского полдня палата казалась очень мрачной. Даже у филенчатой двери – и у той был какой-то унылый вид. На всех тумбочках лежали лекарства. Их дополняли газета, книжка или кружка с ложкой. Больные лежали с задумчивыми и отрешенными лицами. Настя поднялась, раздвинула на обоих окнах занавески, снова села и уткнулась головой отцу в грудь.

– Папулечка, мне жалко тебя. Прости меня, пожалуйста. Я тебя так люблю. Отец прижал ее к себе.

– Настенька, мы с матерью только для тебя и жили. Мы так гордились тобой. Ведь ты у нас такая умная была. И зачем испортила сама себе жизнь? Понять не могу. Я думал, поедешь учиться. Могла бы, например, переводчицей стать или вот хоть врачом. Ну, ладно, еще не поздно. Не сердись на меня тоже.

Настя погладила отца по груди и поцеловала. Она спросила, что ему привезти в следующий раз, рассказала о своих планах на жизнь. Отец одобрительно кивал. Его клонило в сон. Тогда она сказала:

– Ну, я пойду? Выздоровливай скорей.

Пообещала часто его навещать и встала.

– Продукты забери обратно, – сказал отец.

Настя подняла сумку.

– Может быть, вам оставить? – обратилась она к безмолвно лежащим пожилым мужчинам.

– Не, не, не, – единодушно возразили на всех кроватях.

Старики все, как по команде, ожили, бессильно заулыбались и заговорили в три голоса: – Нам всем нельзя. Нам только кашу, кефир, творожок.

Насте стало смешно, скрывая улыбку, она открыла дверь и вышла. Отец сунул ноги под одеяло и прислонил голову к подушке. Так, не шевелясь, он несколько минут смотрел на потолок, потом повернулся и закрыл глаза.

* * *

Наступили холода. Но печь Настя протапливала только для духу. Экономила уголь. Пока отец лежал в больнице, она в своем доме не жила. Мать сказала, что ей страшно спать одной.

Вдвоем они встретили и Новый год. Настя любила этот праздник, считая его самым настоящим. Они с матерью полдня суетились в доме, начищая мебель и протирая кругом пыль. Потом дружно изошрялись над селедкой «под шубой», потом запекли гуся с яблоками. К полуночи управились со всем, включили телевизор и уселись за праздничным столом в ожидании боя курантов.

Когда на экране появился циферблат, занявший весь экран, и стрелки часов подобрались к цифре XII, Настя открыла бутылку шампанского и наполнила бокалы. Светлое вино пенилось и играло. Выпили за счастье в новом году, поели селедки, отведали гуся и приумолкли. И сидели среди ночи дочь с матерью, два самых близких человека, за праздничным столом. Но настроение их было совсем не праздничным. По телевизору шел концерт. Они посматривали на экран, обсуждали наряды артисток, а каждая думала о своем. Кто знает, о чем они думали? Но несомненно одно: каждая в глубине души желала бы сейчас быть рядом с другим человеком.

Отец поправлялся. Настя навещала его. Однажды, в первый день Рождества, Настя с матерью доедали в кухне гуся и слышали, как в прихожей хлопнула дверь. Они затаились в ожидании. На пороге появился отец. На его худом, изможденном лице признаки болезни не исчезли. Щеки были без кровинки, в уставших темных глазах крылась грусть, которой у него раньше никогда не было. Сняв шапку, несколько нараспев он произнес:

– Колядую, колядую,
Я горилку носом чую,
Я закуску глазом бачу.
Наливайте, бо заплачу!

С Рождеством вас, мои дорогие!

Настя с матерью бросились к нему с возгласами. Он сел за стол, мать пододвинула к нему кусок гуся на широкой плоской тарелке и начала расспрашивать. Отец отодвинул тарелку, сказав, что мясо ему противопоказано. Рассказывал о своих больничных делах он неохотно. Большею частью убеждал, что чувствует себя значительно лучше. А потом достал из кармана бумажку, показал ее и пояснил, что это направление на обследование в онкологический диспансер. Мать охватил безумный страх. И она с бьющимся сердцем смотрела на мужа так, как будто он вот-вот умрет. Она говорила, что надо ехать в Ростов немедленно, завтра же. Отцу пришлось рассердиться на нее.

– Будет хуже – поеду, – голосом, не терпящим возражений, заявил он. – А почувствую, что выздоравливаю, нечего без толку прокатывать деньги. Врачи боятся ответственности, перестраховываются. Они много чего могут написать, я наслушался об этом в больнице. Каких только случаев не бывает.

Продолжая сокрушаться, мать все равно осторожно убеждала его ехать, не затягивать, «чтоб уж не думалось». Отец больше не спорил. Он слушал, и на лице его появлялась то досада, то отрада. Слова о снятии врачами с себя ответственности Насте показались убедительными, и она не сомневалась в его выздоровлении. Как и отец, она ждала, когда мать выговорится, наблюдала за обоими молча и изредка улыбаясь.

Глава VI

Земное притяжение

Снег, выпавший перед Новым годом, растаял. Недолго продержалась ясная погода, потом похолодало и посыпалась мелкая, колючая крупа. По низкому небу тянулись серые облака. Такие же серые тянулись и зимние дни, похожие один на другой, как близнецы. Настю не покидали мысли, которые она постоянно гнала от себя, – мысли о загубленной молодости и о той жизни, которая у нее могла бы быть. Девушка пыталась восстановить прежние отношения с подругами, с которыми до замужества бегала на танцы, в кино, найти сочувствие у них. Но подружки всегда были заняты, всегда куда-то торопились: общих интересов уже не существовало, разговор не клеился.

Они казались неоткровенными и – в этом Настя нисколько не сомневалась – между собой осуждали ее за измену мужу, подсмеивались над ней.

После развода с Семеном к Насте прилипло ласковое, но очень обидное прозвище «вдовушка». Другая впрямь похоронит своего мужа, но никто и не вспомнит, что она вдова. А Семен был живой, однако прозвище «вдовушка» закрепилось за Настей прочно. Теперь подруги, да и другие называли ее за глаза не иначе, как Настя-вдовушка. Прежде жизнерадостная и общительная, она вынуждена была уединяться и все свободное от работы и домашних дел время просиживала на диване с книгой в руках.

Никто в хуторе не мог сравниться с Настей своей красотой. Она это знала, парни и теперь засматривались на нее. Выбрать из них жениха и выйти замуж она могла бы хоть завтра, но, думая об этом, девушка не испытывала ни восторга, ни огорчения. Изведав все прелести семейной жизни, она смотрела на нее другими глазами, ей вовсе не хотелось повторить все заново.

А ее история с кучерявым «камазистом» почему-то возродилась и стала обрастать все новыми и новыми подробностями. Говаривали, что она, мол, на прошлой неделе собрала свои узлы и поехала в Семикаракорск, там отыскала своего любовника, и сама заявила к нему. Только его мать, увидев незваную гостью, сразу же вытолкала ее из дома. Давно в хуторе не было таких событий, и теперь все нарадоваться не могли возможности посплетничать от души. Однако время шло, и постепенно Настина репутация восстанавливалась. Кое-кто еще что-то сочинял, потом все разговоры, обретя характер вздорной выдумки лихих людей, прекратились и вовсе. Что бы там ни говорили, Настя была неплохой женой: Семен у нее всегда ходил начищенным, наглаженным, – это все знали и не забыли.

В Насте была и природная смекалка, и доброта, и открытость. Людям нравилось с ней общаться, делиться своими бедами и радостями. Они относились к ней как к интересному собеседнику. И она с удовлетворением для себя отмечала, что они больше не считают ее легкомысленной. Особенно ей льстило уважительное отношение к ней директора совхоза Захара Матвеевича. Он любил беседовать с Настей и о пустяках, и о делах серьезных. А заходил он в ее каморку поговорить, когда у него было или очень плохое или очень хорошее настроение. Настя часто видела на его лице удивление, когда она высказывала свое мнение. Особенно он приходил в изумление, когда она запросто переводила с английского принесенную им какую-либо инструкцию. Однако Настя по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке, замечая снисходительное к себе отношение. И дни проходили за днями, не принося никаких изменений.

* * *

Наверное, еще долго продолжалась бы такая неопределенность в жизни девушки, если бы не случай. Дело было вечером. Настя не могла справиться со своим отвратительным настроением.

нием: ей ничего не хотелось делать, она даже не стала ужинать. Ходила из угла в угол и мурлыкала себе под нос: «Маришка, ты Маришка, люблю тебя я сроду». И от этой мелодии она не в силах была избавиться. В конце концов, не выдержала, оделась и отправилась к родителям. Выйдя на дорогу, в темноте увидела впереди человека. Пригляделась и окликнула:

– Эрудит, ты? – Человек остановился. Поравнявшись с ним, она сказала: – Не ошиблась. Со свету в темноте ничего не видно, вот теперь вижу, что ты. Откуда шагаем?

– У Борьки Лагунова был. Мы с ним искали человечков в телевизоре.

– Нашли?

– Ага, они маленькие такие, шустрые, бегают быстро, вприпрыжку, никак не поймаешь.

– Надо же! – сказала Настя и оживилась.

– Да Борька днем сказал, что у него телевизор сломался. Ну, мы сразу после работы пошли к нему домой, ремонтировать.

– Ты чего, радиолюбитель?

– Полный валенок, как и он. Просто телевизор у него первобытный, все равно выбрасывать. Мы так, от нечего делать. Целый вечер проковырялись. Главное, все лампы горят, а не работает. Чего мы с ним только ни делали: и били по нему кулаками, и вверх ногами ставили, – лишь в смоле не кипятили. Но все-таки нашли причину: там один проводок мотался. Мы его припаяли, собрали все, как было и, представляешь, заработал. Сами удивились.

– Умница! Кулибин! – похвалила его Настя.

Так, разговаривая о всякой всячине, они дошли до дома Настиных родителей. Настя свернула на тропку, а Эрудит пошел дальше. В комнате она посмотрела на часы. Стрелки показывали без двадцати восемь.

На другой день барометр Настиного настроения качнулся в другую сторону. Утро выдалось мглистое – густые тяжелые облака заволокли все небо. К полудню они начали редеть, приобретая причудливые формы, и солнечные лучи, прорвавшись в просветы между ними, радостно осветили зимний пейзаж.

Придя домой после работы, Настя приготовила ужин, поела и, решив сегодня не ходить к родителям, взяла в руки книгу. Впервые за многие дни она почувствовала в себе бодрость – и то, что раньше навредило на нее тоску, как бы отодвинулось, потеряло свои очертания. Она сидела на диване, уткнувшись в книгу, и ни о чем не думала. Дочитав главу, просто так взглянула на часы – было без двадцати восемь. Словно что-то подтолкнуло ее идти на улицу. «Сейчас выйду и снова встречу с Эрудитом», – мелькнуло в ее голове. Не придав этому предположению никакого значения, она, застегивая на ходу пуговицы куртки, оказалась за калиткой. И поразилась увиденному – по дороге шел Эрудит. Настя невольно рассмеялась. Эрудит остановился.

– Невероятно, – сквозь смех сказала Настя, – сейчас собиралась на улицу и подумала, что опять увижу тебя. И вот ты тут как тут.

Она пошла рядом с ним.

– Перст судьбы, – подметил Эрудит.

– Это точно. Не хотела сегодня идти к матери, ну раз уж попался такой волшебный попутчик, так и быть, схожу. Вы с Борькой опять человечков ловили?

– Угадала. Вчера я только ушел, его телевизор снова ножки протянул.

– Можно мне спросить тебя кое о чем? Просто так, из любопытства, – заглядывая сбоку Эрудиту в лицо, спросила она.

– Спрашивай.

– Вы чего со своей Чернышевой, поругались что ли? Смотрю: один ходишь.

– Еще до армии.

– Сильно поссорились?

– Да ну. Там смешно было. Я пошутил: говорю, давай сотворим ребеночка, будет больше гарантии, что ты меня дождешься из армии. А она мне такого наговорила.

– Ты зря принял ее слова близко к сердцу. Обычная истерика.

– Знаю. Дело тут не в словах. Я сам уже об этом думал. Но она потом на провода не пришла, письма в армию не писала. Наверно, ждала, что я первый напишу.

– А ты ждал, чтоб она – первая?

– Разумеется. Она же должна была признать, что не права.

– Это с какой стороны посмотреть. На мой взгляд, в этой вашей ссоре твоя вина. Если бы не твоя неудачная шутка, ничего бы такого не случилось.

– Мне теперь все равно.

Последовала пауза.

– А ей, наверно, не все равно, – заговорила Настя опять. – Пока ты в армии был, она ни с кем не встречалась. По-моему, и сейчас все ждет тебя.

– Это ее дело, – сухо сказал Эрудит.

Настя посчитала, что Эрудит поступил с Ниной Чернышевой не совсем справедливо, но, поняв, что он больше не хочет говорить о ней, тоже продолжать не стала. Только заметила:

– Понимаю. Вообще-то мне безразлично. Я просто подумала, сколько девчонок вот так из-за своей гордости страдают. – Увидев, что в родительском доме света нет, добавила: – Мои предки уже спят, не буду их беспокоить. Пойду тоже дрыхнуть.

– А мне спать не хочется, давай я тебя провожу, – предложил Эрудит. Настя рассмеялась.

– С этим твоим решением я, пожалуй, могу согласиться.

И они пошли в обратном направлении.

– Чем ты еще занимаешься, кроме ремонта телевизоров? – повернувшись к Эрудиту, спросила она.

– Чем придется.

– А конкретнее? С учебниками сидишь, поступать в институт собираешься.

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю.

– Да, хочу еще раз попытаться. Но сомневаюсь. Как сказал мне один друг в армии: без взятки нечего и соваться.

– Раньше поступали как-то. Моя мать рассказывала, что не давала никаких взяток. Еще и стипендию получала.

– То было раньше.

– Сколько надо платить?

– Полторы тысячи – минимум.

– Много, я таких денег никогда не заработаю. У меня ведь тоже были мысли поступить учиться. Значит, мне институт не светит, даже и мечтать не стоит.

– Почему?

– С моей зарплатой столько за всю жизнь не накопишь.

– У тебя родители есть, помогут.

– А что родители? Мама одна работает. Отец заболел, документы на ВТЭК собирает, вроде бы вторую группу инвалидности обещают дать. Но зависит тоже от взятки. Там у них так: заплатишь хорошо – дадут вторую группу, мало – третью. Отец это все уже прошупал. Да еще такая волынка с бумажками. Здоровый станешь инвалидом, пока соберешь все справки. А ты на какой факультет хочешь поступать?

– На философский.

Настя посмотрела на парня так, как будто желала понять, пошутил он или нет и с веселой улыбкой, легонько подтолкнув его в бок, спросила:

– Ты чего, серьезно?

Эрудит тоже улыбнулся.

– Вполне.

– И где потом будешь работать?

– Я не для работы. Просто мне интересно узнать: кто мы? Зачем живем? И вообще, хочу понять, что такое жизнь и весь этот мир?

– Это интересно. Если бы кто-то другой сказал мне такое, я бы не поверила. Но ты у нас уникал, тебе верю. Да по-моему, ты и так уже все знаешь.

– Все знать нельзя, только дураки все знают и понимают.

– Это точно! Глупый человек как возьмется учить уму– разуму – конца нет!

Эрудит повернулся и, прежде чем продолжить разговор, посмотрел в сторону, как будто терзаемый какими-то мыслями.

– Знаешь, о чем я вчера прочитал? – начал он. – О том, что люди вообще не живут, лишь собираются жить. Человек не может находиться ни в прошлом, ни в будущем, только – в настоящем. Но что такое настоящее? Это мгновение, которое постоянно ускользает, мы никогда не задерживаемся в нем и всегда стремимся в будущее. Но в будущем невозможно находиться, оно не существует. Будущее – это смерть, которая грозит людям в любое мгновение. Мы слабы, смертны и так несчастны, что для нас нет утешения ни в чем; мы не живем, а со страхом, которым пронизан каждый миг, мчимся к пропасти. Таким образом, наше предназначение – это не жизнь, а борьба со смертью и в то же время стремление к ней. Если бы мы жили, а не готовились к жизни, то зачем бы рвались в будущее? Зачем? Наоборот, старались бы всеми силами его отдалить. Но мы мчимся, торопимся. Настоящее нас не устраивает, оно нам не нужно. Нам надо туда, к самому неведомому, к смерти, которая откроет врата вечности. Почему? Потому, что в подсознании людей сохранилась память о рае, из которого были изгнаны наши прародители. С тех пор всегда души воздыхают по родному дому, постоянно ищут к нему путь. Жаждают быстрее вырваться из этого жестокого мира и вернуться к своему создателю. Но что ждет человека за роковой чертой?

Никто не знает. Вот поэтому нас охватывает боязнь небытия, леденящий страх перед неизвестностью.

Настя посмотрела на Эрудита с удивлением: ей казалось невероятным услышать такое.

– Да, – сказала она, помолчав. – А ведь так оно и есть! – Ей не хотелось еще больше углубляться в чащобу ужасной неизбежности, она что-то обдумала и, оставаясь под впечатлением рассуждений Эрудита, совсем не весело произнесла: – Знаешь, мне кажется, ты поступишь учиться. Ты же отличник.

– Отличник, да что толку. Мне главное – успеть к лету деньги собрать. Пока только четыреста двадцать рублей накопил. А так, в основном вроде все выучил. Сейчас вот на иностранный налегаю.

Так они гуляли и беседовали до одиннадцати часов. Возле Настиного дома попрощались.

* * *

В следующий вечер они, конечно же, встретились опять. Дождавшись, когда стрелки на часах показали без двадцати восемь, Настя вышла на улицу. В темноте напрягла зрение – Эрудит стоял перед ее домом. Девушка подошла поближе, многозначительно помолчала, потом спросила:

– Ты чего тут делаешь?

– Мне вчерашний случай показался занимательным. Я подумал: дай-ка, устрою тебе еще один сюрприз.

Голос его был искренним, чуть задорным и даже нежным.

– Ты другого ничего не мог придумать?

– Мог. И сейчас могу. Давай будем гулять всю ночь, до утра.

– С чего бы это? Как-то не похоже на тебя, – удивилась она. – Я всегда считала тебя серьезным парнем. Ну-ка скажи мне честно, зачем так долго слоняться по улице? – Она поймала себя на том, что говорит с некоторым превосходством над Эрудитом и поспешила исправиться, смутно почувствовав нежелательную реакцию от него.

Эрудит не обратил никакого внимания на Настины манеры и переспросил:

– Зачем шляться?

– Я сказала не шляться, а слоняться.

Эрудит рассмеялся.

– Какая разница, главное, что б до утра.

– В таком случае, я согласна.

И они гуляли до самой полуночи. На небе не было ни облачка. Молодой месяц и звезды на нем светились очень ярко и казались прозрачными. Настя предполагала, что Эрудит интересный человек, но не настолько. Она с удовольствием слушала его забавные бесконечные истории: откровенно наивные, но, как ей казалось, очень смешные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.